

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2018 г., том 25, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Шаламов В.А., Дамешек Л.М. Реформа сельско-врачебной части Восточной Сибири 1897 г.: причины, основные положения, последствия	5
Николаев А.А. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность в Сибири в условиях экономического кризиса 1920 г.	13
Ильиных В.А. Поездка А.А. Андреева в Западную Сибирь осенью 1938 г.: форсирование хлебозаготовок	19
Корнилов Г.Е., Чернышева И.И. Ликвидация неграмотности взрослого населения в Свердловской области в 1946–1958 гг.	25
Рашевская Н.Н. Трудовая повседневность рабочей молодежи тюменского завода «Механик» в послевоенные годы	33

АРХЕОЛОГИЯ

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Находки предметов торевтики с городища Шельджи в Кыргызстане	38
Гнездилова И.С. Деревянные ритуальные предметы на курганах периода кофун Японии	43
Понкратова И.Ю. Археологические исследования на п-ове Камчатка (XIX – начало XXI в.)	49
Нестеров С.П. Домостроение у населения уральской культуры раннего железного века Приамурья	56
Табарев А.В. Микропластинчатые нуклеусы в финальноплейстоценовых-раннеголоценовых комплексах Северной Монголии: особенности и преемственность технологий.	62

ЭТНОГРАФИЯ

Фурсова Е.Ф. Антропоморфный принцип в календарной обрядности русских Сибири	66
Майничева А.Ю. Православные святые Енисейской епархии: актуализация и стратегии сохранения. Начало XX в.	71
Михалев М.С. Особенности мировоззрения современных алтайцев. Опыт анализа автохтонных концепций	77
Николаев В.В. Семантика традиционной родильной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XIX – первая половина XX в.)	82
Тугужева В.Н. Этнодемографические процессы в Хакасии конца XX – начала XXI в.	87
Голубкова О.В., Кононова Ю.Б. Представления о «путешествиях» души в народных верованиях коми как возможность психологического примирения со страхом смерти	92

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Плотников Д.Ю. Сокрушение против измора: блокада Карса в 1855 г. в свете стратегических представлений русского и английского командования	97
Чудов С.И. К вопросу о достоверности сведений о наполняемости хлебных запасных магазинов Архангельской губернии во второй половине XIX в.	102
Васильев А.Д. «Нужен человек твердый, желательнее бы моряка...»: об особенностях формирования корпуса областных начальников на северо-востоке России	107
Исаев В.И., Михеев Д.Ю. Товарищеские суды в Сибири в годы первых пятилеток	110
Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых (по материалам круглого стола в Институте истории СО РАН)	115
Шелегина О.Н., Труевцева О.Н. Синергия науки и образования (к 80-летию Алтайского государственного педагогического университета)	118
Памяти Натальи Дмитриевны Зольниковой (8 апреля 1949 – 9 апреля 2018).	120

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.06.18. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 155.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2018, vol. 25, N 2

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Shalamov V.A., Dameshek L.M. Reform of rural medicine in Eastern Siberia in 1897: reasons, fundamentals, consequences	5
Nikolaev A.A. Small and handicraft industry in Siberia under conditions of economic crisis in 1920s	13
Ilinykh V.A. A.A. Andreyev's visit to West Siberia in autumn, 1938: forced grain collection	19
Kornilov G.E., Chernysheva I.I. Elimination of the adult population illiteracy in Sverdlovsk Region in 1946–1958	25
Rashevskaya N.N. Daily working life of young workers of Tyumen plant "Mekhanik" in post-war years	33

ARCHAEOLOGY

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Z. Findings of teneutics objects from the ancient Shelji settlement in Kyrgyzstan	38
Gnezdilova I.S. Wooden ritual objects on the mounds of the kofun period of the Japan	43
Ponkratova I.Yu. Archaeological research of the Kamchatka peninsula (the XIX – early XXI centuries).	49
Nesterov S.P. Dwelling construction among the population of Uril culture, the early Iron Age, Priamurye	56
Tabarev A.V. Microblade cores in the final Pleistocene – early Holocene complexes, Northern Mongolia: peculiarities and continuity of technologies	62

ETHNOGRAPHY

Fursova E.F. An anthropomorphic principle in the Russian calendar ritualism in Siberia	66
Mainicheva A.Yu. Orthodox sacred artifacts of the Yeniseisk diocese: actualization and strategies for preservation. The beginning of the XX century	71
Mikhalev M.S. Peculiarities of weltanschauung of modern Altaians. An experience in the analysis of indigenous concepts	77
Nikolaev V.V. Semantics of traditional maternity rituals of indigenous population in the North Altai foothills (the late XIX – first half of XX centuries).	82
Tuguzhekova V.N. Ethno-demographic processes in Khakassia of the late XX – early XXI centuries.	87
Golubkova O.V., Kononova Yu.B. Representations on the soul "relocation" in komi traditional beliefs as the possibility of psychological reconciliation with the death fear	92

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Plotnikov D.Yu. Annihilation vs. attrition: Kars' blockade in 1855 in the light of strategic perception of Russian and English command	97
Chudov S.I. On the issue of reliability of data on cereal reserve shops' refilling in Arkhangelsk province in the second half of the XIX century	102
Vasilyev A.D. «We need a solid man, a sailor would be desirable...»: on the features of the corps formation for regional heads in the Russian Northeast	107
Isaev V.I., Mikhchev D.Yu. Community courts in Siberia in the first five-year plans period	110
Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M. Round table at the Institute of History of SB RAS «Russia and Belarus: international relations of Siberian scientists».	115
Shelegina O.N., Truevtseva O.N. Synergy of science and education (to the 80th anniversary of the Altai state pedagogical University).	118
In memory of Natalia Dmitrievna Zolnikova (8 April 1949 – 9 April 2018)	120

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180201
УДК 614.2(571.53)(-22)(091)

В.А. ШАЛАМОВ, Л.М. ДАМЕШЕК

РЕФОРМА СЕЛЬСКО-ВРАЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 1897 г.: ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Иркутский государственный университет,
РФ, 664025, Иркутск, ул. К. Маркса, 1

В статье, посвященной реформе сельского здравоохранения Восточной Сибири 1897 г., рассматриваются причины, заставившие имперскую администрацию пойти на введение новой системы оказания медицинской помощи, анализируются положения законодательных актов. На основе статистических и делопроизводственных материалов рассматриваются позитивные и негативные последствия принятых положений. Несмотря на значительные недочеты и отставание от земской части страны, в целом была создана система, показавшая свою устойчивость и просуществовавшая с небольшими изменениями до окончательного установления советской власти.

Ключевые слова: Иркутское генерал-губернаторство, имперский регионализм, реформа сельско-врачебной части, история здравоохранения, здравоохранение Восточной Сибири, генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, врачебный инспектор Н.Е. Маковецкий, 1897 г.

V.A. SHALAMOV, L.M. DAMESHEK

REFORM OF RURAL MEDICINE IN EASTERN SIBERIA IN 1897: REASONS, FUNDAMENTALS, CONSEQUENCES

Irkutsk State University,
1, K. Marx str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

The article is devoted to the reform of rural health care in Eastern Siberia carried out in the Irkutsk, Yeniseisk provinces and Yakutsk region in 1897, as well as Transbaikalia in 1901. This work continues research of Russian historians who studied reforms of health care system in these regions of the Russian Empire that did not have zemstvos. The authors characterize a condition of medical care for rural population of Eastern Siberia in the second half of the XIX century as extremely backward, close to its total absence. The population asked for zemstvos, which had considerably improved the health care system in the central provinces. However, introduction of zemstvos in Siberia was interfered by a number of reasons: existence of penal servitude and exile, numerous aboriginal population, lack of noble land tenure, close arrangement of borders, etc. Due to these reasons it was decided to undertake a reform, which considered the experience of medical personnel activity in zemstvos. The great role in the reform implementation was played by the Irkutsk Governor-General A. D. Goremykin and the medical inspector N. E. Makovetsky. Each East Siberian district had from one to seven medical sites headed by doctors. The medical personnel number increased by 60 % after the reform. At places of doctors' residences hospitals with 10 beds were created. Hospitals construction dragged on and by the beginning of World War I only 86 % of the planned number of beds was available. The reform assumed to create the staff of special workers to fight against smallpox. Financing grew considerably at the expense of the

Владимир Александрович Шаламов – канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный университет, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.
Лев Михайлович Дамешек – д-р. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой, Иркутский государственный университет, e-mail: Levdameshek@gmail.com.

Vladimir A. Shalamov – Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Irkutsk state University.
Lev M. Dameshek – Professor, Doctor of Historical Sciences, Irkutsk state University.

additional tax. The austerity budget was adopted, so the population in some cases was forced to raise money for purchase of medicines, equipment of hospitals and qualified specialists' invitation. Despite a number of shortcomings, reform improved medicine positions in the rural zone of Eastern Siberia, it also delayed the prospects for zemstvos introduction in the Siberian territories indefinitely.

Key words: Irkutsk Governorate-General, imperial regionalism, rural medicine reform, health care history, health care of Eastern Siberia, Governor-General A.D. Goremykin, Medical Inspector N.E. Makovetsky, 1897.

При изучении истории здравоохранения сельского населения Российской империи в конце XIX – начале XX вв. традиционно обращается внимание на земскую медицину. Однако огромные территории, главным образом окраины, не имели земского самоуправления. Исторически в каждом регионе складывалась своя система оказания медицинской помощи селянам. Такая мозаичность системы здравоохранения на местах усиливала имперский регионализм. Естественно, власти стремились к унификации системы управления, желая подтянуть окраины до уровня центральных губерний. Вместе с тем, эти территории обладали массой особенностей, которые сдерживали расширение географии земства [1, с. 108–118]. В итоге в 1890-е гг. проводится серия реформ сельско-врачебной части (СВЧ) в большинстве неземских регионов империи, которые, хотя и не создали аналога земской медицины, но способствовали унификации управления. В последнее десятилетие данный аспект все больше интересует исследователей. Ход реформ и их последствия на примере Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний рассмотрела Н.К. Гуркина [2], Северного Кавказа – Б.В. Туаева [3], Чечни – Т.З. Ахмадов [4], Западной Сибири – А.И. Татарникова [5]. В настоящей публикации предметом изучения является реформа СВЧ 1897 г. в Восточной Сибири.

До реформы 1897 г. персонал и лечебные учреждения подчинялись нескольким ведомствам, что ослабляло концентрацию их усилий. Отдельные медицинские структуры существовали для сельских жителей, городского населения, казачества, военных частей и т.д. Вся работа медицинской организации подчинялась закону, принятому в 1865 г., согласно которому в каждом округе Восточной Сибири были созданы фельдшерские приемные покои, но к середине 1890-х гг. они почти все обветшали и оказались заброшенными. В некоторых отчетах фигурировали цифры, но они не отражали реальности. На уезд полагался один окружной врач, который должен был выполнять судебно-полицейские обязанности. Такой медработник практически не принимал никакого участия в оказании помощи населению. К тому же жили эти врачи в уездных городах и редко появлялись в сельской местности. В большинстве уездов по штату должны быть предусмотрены сельские врачи, а при нем три фельдшера и одна повивальная бабка. На всю Восточную Сибирь полагалось 23 окружных и 15 сельских врачей, 45 фельдшеров, 12 лекарских учеников и 16 повивальных бабок [6, с. 48; 7, с. 46, 102, 111, 122, 133]¹.

¹ Восточное обозрение. 1892. 22 нояб. с. 1; Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 вр. Оп. 2. Д. 1086. Л. 14–17.

Однако цифры мало о чем могут сказать, если не расставить некоторые акценты. Ряд уездов Восточной Сибири (Киренский, Баргузинский, Минусинский, Олекминский) превышали территорию таких европейских государств, как Англия, Франция, Португалия. При отсутствии стационаров сельский врач вел кочевую жизнь, переезжая из селения в селение. Отсюда хронически пустующие вакансии. Более того, сельские врачи часто отрывались от своих прямых обязанностей. Так, в 1896 г. забайкальский врач Н.В. Кирилов писал: «Врачей сельских пять, но из них один в Нерчинском заводе занят всегда судебно-медицинскими исследованиями и относит, прежде всего, обязанности (не положенного по штату) окружного врача; прочие обыкновенно исполняют роль окружных же врачей в случае болезни или отсутствия таковых; в настоящее время, например, сельские врачи в трех более населенных округах Читинском, Верхнеудинском и Селенгинском заменяют собою окружных...»². Отсутствие врача стало своеобразной нормой. Иногда временно для решения экстраординарных задач привлекались медработники других ведомств. Например, лекарь Иркутского конного казачьего полка Н.И. Вишняков свидетельствовал, что из-за крайнего недостатка врачей гражданского ведомства его часто отправляли в деревни Иркутского уезда, главным образом, для судебно-медицинских целей [8, с. 264].

Фактически врачебная помощь населению отсутствовала, сельский врач служил интересам сельской «аристократии» – старост, попов, кулаков, торговцев и др. [9, с. 18]. Простые крестьяне вынуждены были обходиться традиционными средствами или искать альтернативу. Недаром Н.В. Кирилов в одной из корреспонденций сообщал: «В настоящее время в Забайкалье население кормит 100 простых костоправов, около 500 знахарок и знахарей, около 1000 лам и лечителей, более 1200 деревенских повитух...»³. Однако социально-экономическое развитие Сибири уже выдвигало новые задачи перед сферой здравоохранения, рост потребностей населения касался и оказания медицинской помощи.

Сельские общества нередко пытались решить самостоятельно постоянно возникавшую проблему медицинской помощи, прибегая к найму фельдшера, организации приемного покоя. В Енисейской губернии в 1895 г., в Ачинском и Минусинском уездах, к примеру, было образовано по два фельдшерских пункта. Еще три общества (Рыбинское Канского округа, Балахтинское Ачинского округа и Абаканское Минусин-

² Восточное обозрение. 1896. 12 апр. С. 2.

³ Там же.

ского округа) даже смогли нанять врача⁴. В Читинском округе, как сообщал Н.В. Кирилов, крестьяне четырех волостей на медикаменты собрали 530 руб., хотя одному врачу от казны полагалось на эту цель всего 50 руб.⁵ Такими свидетельствами периодика Восточной Сибири просто пестрила, что само по себе указывало на необходимость реформирования системы здравоохранения.

Нельзя сказать, что местная власть бездействовала. При отсутствии финансирования и штатов трудно было что-либо предпринять. Как правило, генерал-губернатор Восточной Сибири запрашивал у МВД или лично на аудиенции у императора разрешение на специальные «эпидемические» средства нанимать вольнопрактикующих врачей на определенный срок. В 1894 г. масштабы эпидемий в Киренском и Нижнеудинском округах были настолько велики, что генерал-губернатор по разрешению императора пригласил из Томска молодых врачей, недавно закончивших университет, Д.Д. Калининкова, Г.В. Стрелкова и Карпова. Кредит на их содержание отпускался из эпидемических средств на три месяца, но каждый раз срок продлевался. Они проработали с января 1895 г. по октябрь 1897 г., постоянно перемещаясь от одного очага инфекции до другого⁶.

В европейской части страны в неземских губерниях еще в 1868 г. была введена участковая система оказания медицинской помощи. Восточные же окраины ожидали распространения на их территории нового положения о земстве, которое находилось в разработке и было окончательно принято только в 1890 г. Однако Сибирь имела массу особенностей (отсутствие дворянского землевладения, огромные пространства, слабая заселенность, большое количество инородцев, наличие каторги и т.д.), которые не позволяли ввести земство на практике. Опасаясь, что сибирский регион может оказаться в ущемленном положении, врачевный инспектор Томской губернии Ф.Ю. Маткевич в 1888 г., поддержанный представителями местной власти, инициировал реформу СВЧ в Западной Сибири. Реформа затянулась в Томской губернии до 1892 г., а в Тобольской – до 1896 г. [10, с. 140–141]. Несомненно, это был шаг вперед, поскольку введение земства в Сибири потребовало бы принятия особого положения, что неминуемо было бы связано с большими затратами времени, при этом сельское население оставалось бы без квалифицированной медицинской помощи. Вместе с тем принятые полумеры несколько успокоили общественность и отодвинули перспективу создания здесь собственного самоуправления.

Изменения в СВЧ Западной Сибири не замедлили спровоцировать ожидания населения ближайших регионов. Генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин совместно с иркутским врачевным

инспектором Н.Е. Маковецким смогли провести проект реформы СВЧ в Иркутской и Енисейской губерниях, а также в Якутской области. Законопроект был утвержден 29 мая 1897 г. и вступил в силу с января 1898 г.⁷ На Забайкальскую область, входившую до 1906 г. в состав Приамурского генерал-губернаторства, положения реформы были распространены только в 1901 г.⁸ Интересно, что забайкальцы пытались сохранить институт окружных врачей, но это вызывало недоумение у государственного контролера, который пытался отстоять единообразие системы здравоохранения на окраинах империи. В конечном итоге Забайкальская область была втиснута в существующую структуру⁹.

В результате реформы произошла унификация системы управления. Вся медицинская часть подчинялась врачевным отделениям во главе с врачевными инспекторами, образованными при губернских и областных правлениях. Должности врачевных инспекторов в Иркутской губернии занимали Н.Е. Маковецкий и В.П. Никитенко, в Енисейской губернии – П.И. Рачковский и В.А. Белиловский, в Забайкальской области – А.Г. Цитович и А.В. Воскресенский, в Якутской области – В.А. Вонгородский.

В губерниях по штату полагалось иметь по два помощника врачевного инспектора, а в областях – только по одному. Для управления фармацевтической сферой вводилась должность фармацевта при всех врачевных отделениях, кроме Якутской области, где число аптек было невелико. В качестве мобильного кадрового резерва была введена должность врача для командировок, в губерниях по два, а в областях – по одному. Кроме того, полагалось иметь вспомогательный персонал в виде делопроизводителей и их помощников, численность которых со временем увеличивалась.

Старое деление на окружных и сельских врачей упразднилось. В уездах возникла участковая система. В каждом уезде устанавливалось от одного до семи участков во главе с врачом. В его подчинении были три фельдшера и одна фельдшерница-акушерка. Участковые врачи были обязаны предоставлять услуги по оказанию медицинской помощи сельскому населению своего участка, а также городскому населению в случае, если в городе по штату не имелось врача. Кроме того, врач должен был исполнять обязанности по судбно-полицейской части.

В Енисейской губернии по новым штатам полагалось 22 участковых врача. Кроме того, вводилась должность врача на огромный Туруханский край и еще одного на Усинский пограничный округ, всего предусматривалось 24 врача. Значительно увеличилось число сельских фельдшеров – с 15 до 48. Фельдшерниц-акушерок стало 23 [8, с. 9]. В Иркутской губернии было образовано 19 участков с соответствующим количеством врачей и фельдшерниц-акушерок, а также

⁴ Восточное обозрение. 1896. 14 апр. С. 1.

⁵ Там же. 17 апр. С. 2.

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 9. Д. 737. Л. 100, 109–110.

⁷ ПСЗ РИ. III. Т. 17. №14188. С. 340–341.

⁸ Там же. Т. 21. Отд. II. №20352. С. 632–633.

⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 вр. Д. 320. Л. 29–33.

предусматривалось 38 фельдшеров¹⁰. В Забайкальской области имелось 18 участковых врачей, что соответствовало числу врачебных участков, 36 фельдшеров и 18 фельдшериц-акушерок [11, 126–127]. В Якутской области численность медперсонала была наименьшей. Всего полагалось 10 участковых врачей, 23 фельдшера и 10 фельдшериц-акушерок [12, с. 10, 79]. Таким образом, на всю Восточную Сибирь полагалось: 71 сельский врач, 145 фельдшеров и 70 фельдшериц-акушерок. По сравнению с дореформенным периодом численность медперсонала увеличилась на 60 %. Количество врачей увеличилось на 46,5 %, а численность фельдшериц-акушерок выросла на 77,2 %. В связи с высокой рождаемостью в регионе особенно высока была потребность в акушерах-гинекологах и педиатрах. Вследствие нехватки врачей (а крестьянки неохотно шли к мужчинам-фельдшерам) увеличение численности фельдшериц-акушерок имело чрезвычайно важное значение.

Между тем Сибирь по-прежнему оставалась задворками Российской империи, и местные врачебные отделения постоянно находились в поисках кадров для заполнения имеющихся вакансий. Так, весной 1906 г. в Забайкальской области из 18 участковых врачей на местах было лишь 12. Еще три врача имели право на отпуск и настаивали на разрешении выезда в Европейскую Россию¹¹. Для их замещения не хватало одного врача для командировок. Часто врачу соседнего участка предлагалось временно поработать и за отсутствовавшего коллегу. И такая практика носила систематический характер. Вследствие этого вакантные места разрешалось замещать медработниками из административно-ссылных – с 1906 г. в Якутской области, а позже и в других районах Сибири [13, с. 38–39].

Одним из результатов реформы являлась неравномерная доступность медицинской помощи из-за удаленности многих участков. Первоначально резиденцию врача назначили на месте жительства мирового судьи, что было удобно для решения судебно-медицинских вопросов. Довольно часто эти резиденции располагались на краю врачебного участка, в стороне от основных путей сообщения и торговых мест. В начале XX в. в Херсонской губернии земской медицинский участок не превышал 30 верст в радиусе, а его население – 20 тыс. чел., что не было удивительным. В Восточной Сибири расстояния были другими. Так, в Енисейской губернии по 22 врачебным участкам средний радиус составлял 146 верст (максимум достигал 480). При этом численность населения колебалась от 12 до 28 тыс. чел. В Забайкальской области контрасты усиливаются. Средний радиус участка составлял 256 верст (минимум – 88, максимум – 900 верст). Количество же сельского населения колебалось от 12 до 60 тыс. чел. Думается, что нет смысла приводить соответствующие данные по Туруханскому краю Енисейской губернии, где на площади, превышаю-

щей 1,5 млн км², был только один врач, еще безотраднее были цифры по северной части Якутской области. Мелочный административный контроль и нежелание администрации скорректировать границы врачебных участков приводили к многочисленным затруднениям в работе участковых врачей. Страдало прежде всего население края.

Более рельефно проблема доступности медицинской помощи описана в работе известного врача Н.А. Вигдорчика, на рубеже веков оказавшегося в ссылке в Енисейской губернии. Ему принадлежит подробное статистическое исследование 2-го врачебного участка Красноярского уезда. Согласно его сведениям, в селе, где располагалась резиденция врача (Есаулово), за три года 71 % населения получал лечение. Из селений, отстоящих от резиденции на 8 верст, за медпомощью обратилось уже 33 %, из населенных пунктов, находящихся за 9–12 верст, приехало только 13 % крестьян, а за 17–24 верст – 4 %. Причем наибольший радиус участка составлял 110 верст. По подсчетам Н.А. Вигдорчика, хорошо обеспечено медпомощью только 7,5 % населения участка, 7,0 % – на среднем уровне, 14,6 % – слабо обеспечено, 42,0 % – почти не пользуются и 28,9 % – абсолютно не пользуются услугами врача. Анализируя эти данные, автор резюмировал: «...если бы все население участка имело бы такую же возможность ..., тогда было бы слишком 50 тыс. больных. В действительности же имеется всего 8–10 тыс. больных. Куда же деваются остальные 40 тыс.? Они, конечно, никуда не исчезают. Они только не имеют возможности обратиться к медпомощи. Они представляют громадную резервную армию больных, которая подстерегает врача или фельдшера везде, где только они появляются на минуту...» [14, с. 9–15]. Иными словами, реформа привела к значительным контрастам по степени доступности медицинских услуг.

В Западной Европе благодаря прививкам к этому времени эпидемии натуральной оспы стали встречаться крайне редко. В Восточной Сибири эпидемии оспы возникали периодически. Отношение к ним было как к обыденному явлению. Так, в годовом отчете врачебного отдела Енисейской губернии за 1911 г. отмечено: «...значительных эпидемий, требовавших экстренных мероприятий, не наблюдалось», хотя ниже отмечается, что было зарегистрировано 965 случаев заболеваний¹². По положению 1897 г. в каждом регионе предусматривалось выделение 500 руб. на создание оспенного телятника с целью выработки детрита, необходимого для прививок. Создать телятник на такие средства было невозможно. Вместо этого деньги тратились на закупку детрита в земских губерниях России. После длительного пребывания в дороге прививочный материал терял часть своих свойств, и его использование не было эффективным. Прививки должны были делать сельские оспопрививатели из местного населения, обученные врачами. За эту работу полагалась плата в размере 10 коп. за каждое удачное

¹⁰ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 688. Л. 91.

¹¹ Даль (Чита). 1906. 14 мая. С. 2–3.

¹² ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 216. Л. 28.

привитие, но не более 100 руб. в северных округах, 70 руб. – в южных округах Якутской области и 60 руб. – в Иркутской и Енисейской губерниях. В этом случае делать более 600 прививок оспопрививателю просто не было смысла. Оплата была настолько низкой, что охотников на эти должности не находилось. Чаще всего крестьяне выбирали лицо, которому дополнительно платили от 50 до 150 руб. в год [15, с. 39–41].

Еще одним направлением реформы стало появление стационарной медицинской помощи. На каждом врачебном участке должен быть устроен стационар на 10 коек, а при самостоятельном фельдшерском пункте – приемный покой на 5 коек. В Енисейской губернии с населением в 0,5 млн чел. должны были функционировать 245 коек. Для сравнения в земских губерниях России этого периода на такое население полагалось не менее 480 коек. Строительство сельских лечебниц во всех регионах сильно затягивалось вследствие оттока рабочей силы на сооружение Транссиба, а позднее из-за слабого пополнения земских смет, что было связано с военными действиями на Дальнем Востоке и событиями Первой русской революции. В силу этих причин было разрешено вместо лечебниц открывать приемные покои на 5 коек в тех пунктах, где население соглашалось безвозмездно передать подходящие помещения. В ряде случаев их нанимали за счет сумм, не использованных на строительство лечебниц. Как правило, сельские общества охотно шли навстречу, хотя встречались и исключения (Туруханск, Тасеево, Усть-Абакан). Данное постановление сократило число больничных коек вдвое. В Енисейской губернии вместо 245 было открыто только 114. При этом часто приемные покои заполнялись сверх нормы. К примеру, в 1900 г. больные провели стационарно 43 121 больничный день при максимальной разрешенной нагрузке в 41 285 дней [9, с. 52–53]. Читая отчет врачебного инспектора Енисейской губернии за 1906 г., мы не наблюдаем никаких сдвигов, что свидетельствует о бездеятельности местных властей в решении столь важной проблемы¹³. В 1910 г. число врачебных участков Енисейской губернии достигло 29. Кроме того, имелось 4 самостоятельных фельдшерских приемных покоя по 2 койки в каждом. В 5 новых участках учреждались лечебницы на 10 коек и в Усинском пограничном округе еще одна на 5 коек. Однако в 1911 г. в губернии действовало только 264 больничные койки вместо положенных 293. Около 10 % коечного фонда региона не функционировало. Следует отметить, что только 4 стационара располагались в собственных зданиях, специально построенных для них. Остальные помещались в крестьянских избах, переданных врачебному отделению от обществ безвозмездно либо за плату от 100 до 600 руб. в год [16, с. 201–209].

Помещения стационаров Енисейской губернии, за исключением Абаканской лечебницы, оценивались как неудовлетворительные. Чаще всего общество пре-

доставляло обычную крестьянскую избу, которая явно не соответствовала новому назначению. Постоянно поступали жалобы врачей: помещение очень тесное, холодное и неудобное, с маленькими окнами, низкими потолками, без бани и операционной. Как правило, врач или фельдшер проживали в той же избе. Аптека располагалась в приемной. Везде чувствовалось чрезвычайная стесненность [9, с. 57].

Не лучше выглядела стационарная помощь и в Иркутской губернии. К строительству первого стационара в Балаганске приступили в конце 1901 г. Затем стали возводить еще три – в Зиме, Усолье и Черемхово. Строительство было окончено только в 1908 г. На 1906 г. в Иркутской губернии действовало 19 врачебных стационара на 169 коек и 6 фельдшерских стационаров на 14 коек¹⁴. С 1908 по 1912 г. никаких строительных работ не проводилось, хотя с 1910 г. медицинская сеть увеличилась на 2 врачебных участка и 2 самостоятельных фельдшерских пункта. Кроме 4 стационаров, которые были построены строительным отделением губернского управления, имелось еще 3 стационара, размещавшихся в купленных или приспособленных зданиях. Их состояние оценивалось положительно. Остальные 14 стационаров размещались в обычных крестьянских избах. Всего в губернии было 23 стационарных пункта с 214 больничными койками к 1912 г. [15, с. 7, 24, 29–30, 74].

После 1897 г. в Якутской области были сформированы штаты для открытия 10 врачебных стационаров по 10 коек каждый: 5 – в Якутском округе, 2 – в Вилюйском и по одному в окружных городах Олекминске, Верхоянске и Средне-Колымске, с присоединением к ним 7 коек для больных сифилисом. Как и для других регионов, открытие лечебных учреждений затягивалось. Вместо 10-коечных лечебниц были открыты приемные покои на 5 коек в урочище Чурупча в 1900 г. и в Олекминске в 1902 г., в здании бывшей сифилитической лечебницы. В Вилюйске в это время только планировалось купить и приспособить здание под стационар [17, с. 78–79]. В Верхоянске, несмотря на то, что местный купец Васильев согласился безвозмездно обеспечивать в течение трех лет питание больных, открытие стационара затягивалось¹⁵. Таким образом, в этом огромном регионе к 1902 г. действовало всего 2 стационара на 10 коек. Запоздалое открытие больниц объяснялось двумя причинами. Во-первых, остро не хватало врачей, желавших занять вакантные должности. Во-вторых, финансирование из-за слабого поступления земского сбора было самым скудным из всех регионов Восточной Сибири. В области преобладающим населением являлись якуты и тунгусы, которые в абсолютном большинстве проживали в переносных чумах, поэтому предложение использовать наемные помещения терпело полное фиаско¹⁶. К 1910 г. в 10 врачебных участках существовало

¹³ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 256. Л. 36–39.

¹⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 688. Л. 84–85.

¹⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 18. Д. 686. Л. 1–3.

¹⁶ Сибирский врач (Томск). 1915. № 41–42. С. 308.

10 стационаров (последний открыт в 1909 г.), из них половина – в собственных зданиях, специально построенных для лечебниц, остальные – в приспособленных помещениях (сифилитические больницы, жилые избы). Характеристика помещений больниц в основном совпадает с другими регионами.¹⁷ В отчете о состоянии здоровья населения за 1913 г. указано, что в 10 больницах имелось лишь 94 койки. Кроме того, в 4 самостоятельных фельдшерских пунктах из 10 имелось по 5 коек [18, с. 120–121]. Весь коечный фонд для сельского населения в Якутской области состоял накануне Первой мировой войны из 114 коек в 10 врачебных и 4 фельдшерских стационарах.

Наибольший срок заняло строительство стационаров в Забайкальской области. Отчасти это было связано с тем, что реформа здесь была принята на 4 года позже, чем в остальных регионах Восточной Сибири. Врачебное отделение планировало вместо 18 врачебных стационаров на 10 коек строить 13 стационаров. К 1905 г. в Забайкалье действовало только 2 лечебницы в Петровском и Нерчинском заводах¹⁸. При этом в Нерчинском заводе был расширен уже существовавший приемный покой на 4 койки. В Петровском заводе в 1905 г. временно на безвозмездной основе был передан под участковую лечебницу горный лазарет, работавший при местном чугунолитейном и механическом заводе. По словам врача И.П. Руги, здания лечебницы были очень старыми, холодными, темными, грязными и крайне тесными [19, с. 20].

Попытки участкового врача поставить вопрос о строительстве новой лечебницы не нашли поддержки. Имелся еще один стационар, но он обычно не упоминался в статистике. Дело в том, что по инициативе купца Н.С. Павлова в Стретенске в 1902 г. была создана частная больница для неимущих. Здесь можно было разместить до 60 больных, но содержалось только 10 чел. Проценты с капитала в 8 тыс. руб. и небольшие разовые пожертвования не позволяли расширять штат больницы, хотя оборудована она была по тому времени лучше, чем обычные сельские лечебницы¹⁹. После сильных эпидемий благотворитель добился того, что в 1910 г. больница перешла в ведение врачебного отделения²⁰. Данное учреждение отличалось от остальных больниц Восточной Сибири. Сюда не принимали больных с инфекционными болезнями и требовали высокую плату за содержание [20, с. 221–222].

В конце 1906 г. был открыт, как и планировалось, врачебный стационар в Урульге Читинского уезда. В 1910 г. начал свою работу стационар в с. Телятниковском Баргузинского уезда. Чуть позже в наемных помещениях были организованы врачебные больницы в Кульске, Александровском Заводе и Акше. Всего имелось 8 врачебных стационаров на 80 коек. Из них

только 5 размещались в собственных зданиях, хотя и не всегда благоустроенных. Кроме того, в области было два фельдшерских приемных покоя в Тьргетуге и Красном Яре, всего на 3 койки. Вопрос о медленном строительстве лечебниц рассматривался на съезде сельских врачей Забайкальской области в июне 1912 г. Было принято постановление – немедленно начать строительство 5 недостающих лечебниц, а на время строительства открыть лечебницы в наемных помещениях [14, с. 96]. Однако в 1914 г. в регионе никаких изменений не произошло, поскольку был поставлен вопрос об открытии в Чите земской больницы, что потребовало значительных средств. Таким образом, в Забайкальской области накануне Первой мировой войны имелось всего 8 врачебных и 2 фельдшерских стационара на 80 и 3 койки соответственно.

Таким образом, в Восточной Сибири накануне Первой мировой войны (пик развития) стационарная медицинская помощь выглядела следующим образом: врачебных стационаров было 68, в них функционировало 640 коек; фельдшерских стационаров имелось 12, коек – 35 кроватей. Всего было 80 стационаров на 675 коек. На Енисейскую губернию приходилось 39,1 % коечного фонда Восточной Сибири, на Иркутскую губернию – 31,7, на Забайкальскую область – 12,3 и на Якутскую область – 16,9 %. Всего, согласно законам 1897 и 1901 гг. и положению о расширении коечного фонда 1910 г., полагалось иметь 745 коек во врачебных стационарах. Коечный фонд не был развернут на их штатное количество (лишь на 14 %), что также указывает на незавершенность реформы. К тому же из 68 существовавших врачебных стационаров только 21 (31 %) имел собственное помещение. Судя по темпам развития стационарной помощи в Восточной Сибири, можно утверждать, что в ближайшее десятилетие расширение сети медицинских учреждений было бы маловероятным, а начавшаяся в 1914 г. война вообще перечеркнула все имевшиеся на этот счет планы.

В законе о СВЧ в Восточной Сибири ничего не было сказано об аборигенном населении. Как правило, резиденции врачей и фельдшеров находились в наиболее густонаселенных территориях, а это автоматически исключало инородцев из системы оказания медицинской помощи, хотя в случае обращения инородцев за помощью к медперсоналу им, как правило, не отказывали. К примеру, в Иркутской губернии на 120 тыс. бурят в 1906 г. работало всего 11 фельдшеров, нанятых на общественные средства, что практически свидетельствует о недоступности казенной медицины для коренного населения [21, с. 311–313].

Много внимания в положениях 1897 и 1901 гг. уделено финансовым вопросам. Расход средств осуществлялся МВД по согласованию с Минфином и Госконтролем. На преобразование СВЧ Иркутского генерал-губернаторства выделялись средства в размере 164 448 руб. Из остатков земских средств за трехлетие 1894–1896 гг. 100 тыс. руб. были отпущены на строительство стационаров. Кроме того, предполагалось,

¹⁷ Сибирский врач (Томск). 1917. № 7–8. С. 40.

¹⁸ Даль (Чита). 1906. 14 мая. С. 2–3.

¹⁹ Забайкалье (Чита). 1903. 8 янв. С. 2.

²⁰ Даль (Чита). 1906. 13 июня. С. 2.

что остатки от земских средств будущих трехлетий будут переведены на эти же потребности. Однако на практике остатки средств сдавались обратно в казначейство [14, с. 103–104].

На содержание всей сельской медицины Иркутской губернии выделялось 109 120 руб., Енисейской губернии – 124 240, Якутской области – 65 880 и Забайкальской области – 105 270 руб., а всего на Восточную Сибирь полагалось 404 510 руб. Финансирование велось за счет особого земского сбора с сельского населения, который распределялся по трехлетиям, первое из них охватывало период 1897–1899 гг. Кроме того, в виде пособия от казначейства выделялось 34 600 руб., которые ранее тратились на содержание окружающей врачебной части.

Сверх этого по земской смете отпускались средства на приобретение медикаментов в расчете на трехлетие 1897–1899 гг. – 23 490 руб. (в 1901 г. на Забайкальскую область дополнительно 5 тыс. руб.). При этом указывалось, что в будущие трехлетия расход будет производиться по расчету числа больных в предшествующие трехлетия. В этой смете учитывалась трата на одного амбулаторного больного из расчета по 5 коп. и 3 коп. за день пребывания больного в стационаре. На таких же условиях отпускалось в год 13 440 руб. на оспопрививание. Однако указанных сумм постоянно не хватало. К концу года врачи вынуждены были покупать медикаменты за свои средства или не оказывать никакой помощи. Часто сельские общества вводили самообложение для покупки медикаментов, хотя платили земской сбор и должны были получать медикаменты бесплатно. По сведениям помощника врачебного инспектора Забайкальской области В.А. Бурмакина, за 1909 г. на приобретения медикаментов выделялась сумма 5 тыс. руб., а потребность составляла 20 тыс. руб., в результате приходилось заявки сокращать на 75 % [19, с. 62].

В ходе реформы сельского здравоохранения в Восточной Сибири 1897–1901 гг. население ущемленных территорий активизировало свою деятельность, желая более доступной медицинской помощи. Однако внешне- и внутривластные осложнения на рубеже веков надолго отодвинули перспективу расширения реформы. Лишь 21 июня 1910 г. вышел в свет закон об изменениях в штатах СВЧ Восточной Сибири, определив дальнейший ход реформирования. Предполагалось лишь увеличение объемов финансирования и числа врачебных участков.

Рассматриваемая реформа, с одной стороны, дала сельскому населению более разветвленную систему медицинской помощи, но с другой – она же стала одним из факторов, постоянно сдерживавших введение земства в Сибири. Несомненно, земская медицина, основанная на общественной инициативе, могла бы обеспечить более действенную помощь для сельского населения. Тем не менее мы можем наблюдать ряд положительных моментов благодаря реформе. Была введена участковая система со стационарно-разъездной системой оказания помощи. Произошло увеличение

медперсонала на 60 %. Хотя коечный фонд и был развернут не полностью (на 86 %), он имел тенденцию к постоянному росту. Заметно увеличилось финансирование, правда, далеко не обеспечивавшее реальные потребности врачебных отделений. Следует отметить и такой недостаток, как отсутствие единого управления сферой здравоохранения в рамках всего Иркутского генерал-губернаторства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: «Репроцентр А 1», 2009. 389 с.
2. Гуркина Н.К. Сельская медицина Европейского Севера до-революционной России // Научно-практический журнал. 2010. №3. С. 204–222.
3. Туаева Б.В. Из истории российского здравоохранения 2-й половины XIX – начала XX веков: северокавказский регион // Вестник Северного (Арктического) федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. №10. С. 54–58.
4. Ахмадов Т.З. О роли сельско-врачебной части в становлении здравоохранения в Терской области в XIX – начала XX в. (на примере Чечни) // Медицинский вестник Сев. Кавказа. 2012. №2. С. 86–89.
5. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (кон. XIX – первая четв. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. №22. С. 137–140.
6. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1-е янв. 1898 г. / под ред. П.Е. Кулакова. Красноярск: Енисейская губ. тип., 1897. 146 с.
7. Адрес-календарь личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897-1898 год. Иркутск: Тип. А.А. Сизых, 1897. 340 с.
8. Вишняков Н.И. Записки военного врача / изд. подг. Н.П. Махановой, отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 339 с.
9. Крутовский В.М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск: Паровая типолит. П.И. Макушина, 1902. 92 с.
10. Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 260 с.
11. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1914.
12. Памятная книжка Якутской области на 1902 год. Якутск: Тип. обл. правления, 1902. Вып. 2. 86 с.
13. Щербakov Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск: ИГУ, 1984. 244 с.
14. Вигдорчик Н.А. Материалы к характеристике сельской медицины в Сибири. Красноярск: Енис. губ. тип., 1903. 28 с.
15. Труды I губернского съезда сельских врачей Иркутской губернии. Иркутск: Губ. тип., 1913. 127 с.
16. Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год / под ред. Н.В. Доброхотова. Красноярск: Енис. губ. тип., 1911. 445 с.
17. Общее обозрение Якутской области. 1892–1902 гг. Якутск: Тип. Якут. обл. правления, 1902. 95 с.
18. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг.: Труд, 1915. 295 с.
19. Труды I съезда врачей Забайкальской области / под ред. В.А. Бурмакина. Чита: [б.и.], 1912. 128 с.
20. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 2003 год / Ред.-сост. Р.И. Цуприк. Чита: Чит. обл. тип., 2003. 264 с.
21. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / Л.М. Дамешек [и др.]. М.: Прогресс, 1995. 544 с.

REFERENCES

1. *Dameshek I.L., Dameshek L.M.* Siberia in the system of the imperial regionalism (1822–1917). Irkutsk, 2009, 389 p. (In Russ.)
2. *Gurkina N.K.* Rural medicine of the European North in pre-revolutionary Russia. *Nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2010, no. 3, pp. 204–222. (In Russ.)
3. *Tuayeva B.V.* From history of the Russian health care in the second half of the XIX – early XX centuries: North Caucasian region. *Vestnik Severnogo (Arcticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2008, no. 10, pp. 54–58. (In Russ.)
4. *Akhmadov T.Z.* About a role of rural medicine in formation of health care in Terrek oblast in the XIX – early XX centuries (a case of Chechnya). *Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza*, 2012, no. 2, pp. 86–89. (In Russ.)
5. *Tatarnikova A.I.* Rural health care and network of medical institutions in Western Siberia as a result of modernization processes (the late XIX – the first quarter of the XX centuries). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 22, pp. 137–140. (In Russ.)
6. *Kulakov P.E.* (ed.). A commemorative book of the Yeniseysk province with the address-calendar compiled on the 1st of Jan. 1898. Krasnoyarsk, Yeniseisk prov. tip., 1897, 146 p. (In Russ.)
7. The address-calendar of the personnel employed in government, public and private institutions of Irkutsk for 1897–1898. Irkutsk: Tip. A.A. Sizykh, 1897, 340 p. (In Russ.)
8. *Pokrovsky N.N.* (ed.), *Vishnyakov N.I.* Notes of the medical officer. Novosibirsk, 2011, 339 p. (In Russ.)
9. *Krutovskiy V.M.* Essays on modern provision of rural medical assistance in the Yeniseysk province. Tomsk, 1902, 92 p. (In Russ.)
10. *Fedotov N.P., Mendrina G.I.* Essays on history of medicine and health care of Siberia. Tomsk, 1975, 260 p. (In Russ.)
11. Review of the TRANS-Baikal region in 1910. Chita: Tip. Zabaikal region. board, 1914. (In Russ.)
12. A commemorative book of the Yakut region in 1902. Yakutsk, Tip. region. board, 1902, vol. 2, 86 p. (In Russ.)
13. *Shcherbakov N.N.* Influence of exiled proletarian revolutionaries on cultural life of Siberia (1907–1917). Irkutsk, 1984, 244 p. (In Russ.)
14. *Vigdorichik N.A.* Materials to the characteristic of rural medicine in Siberia. Krasnoyarsk, 1903, 28 p. (In Russ.)
15. Proceedings of I Provincial Congress of rural doctors in Irkutsk province. Irkutsk, 1913, 127 p. (In Russ.)
16. *Dobrokhotov N.* (ed.). A commemorative book of the Yeniseysk province in 1911. Krasnoyarsk, Yeniseisk tip., 1911, 446 p. (In Russ.)
17. General review of the Yakutsk region. 1892–1902. Yakutsk, Tip. Yakut. region. board, 1902, 95 p. (In Russ.)
18. Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1913. Petrograd, Trud, 1915, 295 p. (In Russ.)
19. *Burmakin V.A.* (ed.). Proceedings of I Congress of doctors in Zabaikal region. Chita, 1912, 128 p. (In Russ.)
20. *Tsuprik R.I.* (ed.). The calendar of significant dates and memorials of the health care history in Chita region for 2003. Chita, 2003, 264 p. (In Russ.)
21. *Dameshek L.M. et al.* History of Ust-Orda Buryat Autonomous Area. Moscow, Progress, 1995, 544 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 01.03.2018*

DOI: 10.15372/HSS20180202
УДК 94(571.1/.5)“1920”

А.А. НИКОЛАЕВ

МЕЛКАЯ И КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1920 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье выявляется состояние мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в Сибири после окончания Гражданской войны, степень ее национализации, формы и методы государственного регулирования и управления, кратковременные и среднесрочные последствия политики военного коммунизма. Доказывается, что принудительное кооперирование кустарей, национализация кооперативных предприятий и другие меры не могли решить ключевые вопросы оживления предпринимательской активности населения. Возможность оживления кустарно-ремесленного сектора экономики ограничивалась не только полным расстройством хозяйственных связей, но и идеологической непримиримостью власти к частной собственности, а также неспособностью сложившегося в военных условиях аппарата управления использовать рыночные методы. Попытка на плановых основаниях дать позитивный импульс огосударственной промышленности не увенчалась успехом. Идея государственного главка на принципах хозрасчета была последней иллюзией, разбившейся о реалии хозяйственной жизни.

Ключевые слова: Сибирь, мелкая и кустарно-ремесленная промышленность, кустарно-промысловая кооперация, военный коммунизм, национализация промышленности, трудовые мобилизации.

A.A. NIKOLAEV

SMALL AND HANDICRAFT INDUSTRY IN SIBERIA UNDER CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS IN 1920s

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article reveals the state of small and handicraft industry in Siberia after the Civil War, the degree of its nationalization, the state control and management forms and methods, short- and medium-term effects of «military communism». An interagency body – the Main Directorate for artisanal and small-scale industry and trade cooperation – was formed based on the apparatus of the Supreme Economic Council and the Commissariat of Agriculture in the early 1920s to manage handicraft industry. Its regional bodies were entrusted with the state orders distribution, raw materials provision, supplying artisans, products sale, enterprises' registration, financial and production-technological control implementation. To solve urgent economic problems, the new authorities used mechanism of labor mobilization combining self-employed craftsmen and artisans in small producers' artels, which were guaranteed raw materials provision, products sale, payment in kind. Such forced partnership of the «survival economy» allowed ensuring demand for a certain range of manufactured goods and the necessary subsistence minimum for the workers. The forced cooperation of artisans, nationalization of cooperative enterprises and other measures could not solve the key issues of the revival of population entrepreneurial activity. A significant number of industrial enterprises in Siberia, which became the state property, continued to be inactive.

The possibility of reviving the handicraft sector of the economy was limited not only by the complete breakdown of economic ties, but also by the authorities' ideological implacability and private property, as well as the incompetence of the military administration to use market methods. The attempt to give a positive impulse to the state industry on planned basis was not successful. The idea of the State Central Committee (Glavk) on the principles of self-financing was the last illusion ruined by the economic life realities.

Keywords: Siberia, small and handicraft industry, handicraft cooperation, military communism, industry nationalization, labor mobilization.

Анализ состояния мелкой и кустарно-ремесленной промышленности после окончания Гражданской войны имеет актуальное значение как для понимания

разрушительных последствий военного противостояния и определения стартовых условий перехода к новой экономической политике, так и для оценки эффек-

Александр Алексеевич Николаев – д-р ист. наук, заместитель директора, Институт истории СО РАН, e-mail: agronicol@gmail.com
Aleksandr A. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, deputy Director, Institute of History SB RAS.

тивности предложенных способов государственного регулирования. Именно тогда были апробированы методы военного коммунизма, основанные на концепции бестоварного социализма, ограничивавшие рыночное пространство и обнаружившие полную несостоятельность. Кратковременные и среднесрочные последствия этой политики еще не получили достаточного освещения в литературе. Отрывочные, но достоверные данные о состоянии мелкой промышленности в контексте чрезвычайной экономической политики содержатся в монографии В.В. Коновалова [1].

Основные усилия историков до недавнего времени концентрировались на изучении состояния и динамики крупной промышленности, к которой по критериям статистики 1920–1930-х годов относились заведения с численностью занятого персонала свыше 30 чел. без использования механического двигателя или свыше 16 чел. с использованием такового. Но даже они (по современным критериям – небольшие, а в лучшем случае – средние предприятия) оставались вне сферы исторического анализа. В центре внимания исследователей находились крупные государственные предприятия, вопросы управления отраслями тяжелой промышленности (угольной, металлургической, электроэнергетической), железнодорожным и водным транспортом. Изучением промышленного потенциала Сибири в данный период историки активно занимались в 1970–1980-е гг., что нашло отражение в фундаментальном коллективном труде – 2-м томе «Истории рабочего класса Сибири». Авторскому коллективу удалось показать состояние крупной индустрии, динамику промышленных кадров, обозначить дискуссионность проблемы выбора приоритетов в промышленной политике, связав ее с внутривластной борьбой. В то же время такие сюжеты, как роль мелкого промышленного производства и местной промышленности, кооперативных предприятий, формы и методы их государственного регулирования и управления оказались на периферии научного анализа, что препятствует реконструкции в полной мере процесса промышленной модернизации.

Противоборство красных и белых в годы Гражданской войны нанесло огромный урон крупным предприятиям, находящимся по линии железных дорог, в городах и рабочих поселках, а также самой железной дороге, включая мосты, инженерные сооружения, вагонно-паровозный парк, депо и ремонтные мастерские. Производственная база мелкой и кустарно-ремесленной промышленности подверглась меньшим разрушениям и деградировала из-за полного отсутствия инвестиций. Негативно на ее состоянии сказались и отвлечение мужского населения от мирного труда. Из 35 тыс. промышленных заведений, действовавших в 1920 г. в Сибири, более 90 % являлись кустарными и полукустарными заведениями [2, с. 111]. Основные фонды и оборудование маслодельных заводов, мельниц и крупорушек пришли в ветхое состояние. Долговременные военные действия оказали влияние и на кустарно-ремесленный сектор промышленности,

особенно на завершающем этапе Гражданской войны, когда на Сибирь распространилась практика военно-коммунистических методов регулирования экономики. Численность работников, занятых в кустарно-ремесленной промышленности, сократилась со 167,2 тыс. чел. в 1913 г. до 97,5 тыс. чел. в 1920 г., или в 1,7 раза. В меньшей степени пострадали сельские кустарные промыслы, в которых численность занятых сократилась со 131,6 тыс. чел. до 83,6 тыс. чел., или в 1,6 раза, и в большей степени – городские промыслы, здесь сокращение произошло с 35,6 тыс. чел. до 13,9 тыс. чел., или в 2,6 раза [3, с. 26–28].

Во многих городах, по сведениям товарного отдела Сибирского отделения Центросоюза, из-за отсутствия сырья замерла деятельность большинства заведений кустарной и частной промышленности. В Бийске выработка кож на 13 заводах сократилась в сравнении с мирным временем более чем в 3 раза [4, с. 232–234]. В сельских кустарно-ремесленных промыслах Томской губернии, по данным сельскохозяйственных переписей за 1917–1920 гг., численность занятых сократилась на 31,8 %, а по сопоставимым промыслам – на 48,2 %¹.

Одним из ключевых направлений реформирования экономики по социалистическим лекалам стала национализация частной собственности в промышленности, декларированная в программных документах коммунистической партии. Ее проведение на практике в условиях парализованной хозяйственной жизни поставило руководящие органы перед выбором – что лучше: синица в руках (хлеб насущный) или журавль в небе (модель нового общественного устройства). Эта двойственность отразилась в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. «О мерах содействия кустарной промышленности». В нем провозглашалось намерение устранить препятствия в развитии кустарных промыслов с целью улучшения снабжения населения. Но конкретных способов решения этой непростой задачи, за исключением передачи в государственную собственность мелких предприятий, использовавших наемный труд, предложено не было. Под национализацию попадали частные кустарные мастерские с механическим двигателем и наемным персоналом до 5 чел. или без механического двигателя с наемным персоналом до 10 чел. Мера, предложенная в законе как исключительная (только по решению Президиума ВСНХ), на практике приобрела широкий размах. «Красногвардейская атака на капитал» затронула большой слой мелких собственников. Презрение к частному капиталу оказалось доминирующим фактором в реализации практических задач реформирования экономики. К августу 1920 г. из 51,8 тыс. предприятий этих категорий по стране было национализировано 39,6 %, а в Сибири из 1209 предприятий государству отошла пятая часть (21,2 %) [1, с. 116–118].

¹ Народное хозяйство Томской губернии: сб. стат. и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 г. Томск, 1924. С. 95.

Более того, национализации подверглись предприятия кустарей, работавших с участием членов семьи, и те промыслы, в которых по технологическим особенностям невозможно было обойтись без учеников и вспомогательного персонала. Несмотря на то, что они трудно поддавались учету к осени 1920 г. по стране было национализировано пятая часть (19,9 %) предприятий с одним наемным работником [5, с. 255], в Сибири, по нашим подсчетам, – 7,6 % предприятий с одним наемным рабочим и 13,5 % – с двумя².

В конце 1920 г. национализация вступила в завершающую фазу. В целях упрощения бюрократических процедур по реализации декрета СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. национализация оговоренных в нем мелких предприятий была переведена из категории «особых случаев» в автоматический режим. В конце ноября 1920 г. Президиум ВСНХ, руководствуясь декретом Совнаркома от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и не национализированной промышленности», принял решение об обобществлении мелких предприятий, которое ранее допускалось в исключительных случаях – по особому решению центра. 27 ноября 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) по телеграфу получило текст постановления ВСНХ РСФСР, позволявшего в автоматическом режиме национализировать промышленные предприятия в Сибири, находившиеся в ведении частных лиц или обществ и подпадавшие под критерии, оговоренные в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля 1919 г. [6, с. 86]. Эти правительственные решения позволяли юридически закрепить реальные границы осуществленной уже национализации мелкой промышленности и упростить процесс передачи в государственную собственность оставшихся предприятий. В Сибири к этому времени 326 предприятий данной группы были уже национализированы, а 198 предстояло национализировать [1, с. 108, 119, 120]. Кустарные мастерские, владельцы которых скрылись по политическим мотивам, не будучи национализированными, автоматически переходили в ведение местных совнархозов³. Но все же часть мелких предприятий, попадавших под действие новых законов, оставалась в частном владении. Местные совнархозы не успевали принимать все предприятия мелкой промышленности. Многие из них были национализированы лишь формально, а фактически вплоть до перехода к нэпу оставались в распоряжении владельцев [7, с. 294].

Решая задачу расчистки поля для социалистических преобразований в кратчайшие сроки, большевики не могли не затронуть кооперацию, которая по свежим событиям Гражданской войны не занимала лояльной позиции к победителям. В Сибири конкретными поводами для изъятия в государственную собственность кооперативных предприятий служили чаще всего политические причины, а также случаи приобретения

кооперацией предприятий эмигрировавших частных собственников. В течение первого квартала 1920 г. в государственную собственность перешли типографии, мельницы, лесопильные и шерсточесальные заводы, фарфоро-фаянсовая фабрика (г. Иркутск), речные суда, принадлежавшие потребительской кооперации. Ущерб от привносимой в производство дезорганизации был ощутимым, и уже в марте 1920 г. наметилось отрезвление политического руководства. Сибревком начал отменять решения губернских и уездных властей. 7 марта 1920 г. были денационализированы все кооперативные предприятия г. Мариинска, чуть позже – пимокатная и кузнечно-слесарная мастерские в г. Татарске⁴. Это свидетельствовало об ослаблении сугубо политико-идеологических мотивов национализации и выдвигании в повестку дня соображений хозяйственной целесообразности. Но отождествление кооперации с частным бизнесом оставалось устойчивым стереотипом в сознании местной хозяйственно-политической элиты.

Политико-идеологические факторы зачастую преобладали над законодательными актами советской власти, о чем свидетельствует, в частности, история смежных собственников фарфоро-фаянсовой Хайтинской фабрики в Иркутске. Она была приобретена Закупсбытом 23 января 1920 г. у частного торгового дома «Щелкунов и Метелев» и в конце февраля перешла в собственность Сибирского отделения Центросоюза. 20 июня 1920 г. постановлением Иркутского губсовнархоза фабрика была национализирована. Смешанная комиссия Иркутского губернского экономического совещания, рассмотрев вопрос о возврате фабрики кооперации 31 августа 1922 г., решила спор в пользу государства. Комиссии пришла к заключению, что Центросоюз, как частнопроводная организация, построенная на коммерческих началах, может пренебречь общественными интересами в угоду выгодных для себя торговых операций⁵.

На отвоеванной у частной собственности территории была реализована модель экономической организации, обозначенная в литературе как военный коммунизм; она характеризовалась административным ограничением рыночного пространства и государственной монополизацией системы распределительных отношений. В качестве вне рыночных посредников кустарных предприятий выступали государственные регулирующие органы в лице Сибсовнархоза, продовольственных и заготовительных комитетов, а также жестко подчиненный им заготовительный аппарат потребительской кооперации. Промышленные предприятия в ответ на поставки сырья обязывались сдавать государству готовую продукцию. К осени 1920 г. в Сибири на вольный рынок работало только 2,6 % учтенных промышленных предприятий, 6,5 % выполняло заказы кооперации, 80,9 % – государства [1, с. 143].

² Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. // Тр. ЦСУ. 1924. Т. 18. С. 165 (подсчет автора).

³ ГАНУ. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 81. Л. 21.

⁴ Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 211. Л. 4, 5, 11, 18; Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 981. Л. 81.

⁵ Там же. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 981. Л. 84 об.

Для организации производства и управления мелкой национализированной собственностью в конце 1919 – начале 1920 гг. была создана громоздкая вертикаль на базе аппаратов ВСНХ и Наркомзема. Новый хозяйственный главк – Главкустпром (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации) и его региональное подразделение – Сибкустпром получили широкие полномочия. Основные его функции состояли в регистрации предприятий, обеспечении их сырьем и материалами, сбыте продукции, распределении государственных заказов, осуществлении финансового и производственно-технологического контроля.

Получив в свое распоряжение мощные административные ресурсы, главк приступил к вербовке рабочей силы, что было не сложно в условиях безработицы. Наиболее приемлемым оказался механизм трудовых мобилизаций и создания кустарно-промысловых артелей, которым гарантировалась поставка сырья, сбыт продукции, натуральная оплата труда. Это вынужденное партнерство «экономики выживания» позволяло обеспечивать спрос на определенную номенклатуру промтоваров, а работников – прожиточным минимумом. В Алтайской губернии в конце 1920 г. членам кустарно-промысловых артелей выдавался месячный паек, включавший 25 фунтов муки, 4 фунта мяса, 2 фунта соли, 2 фунта крупы, по четверти фунта мыла и чаю и 2 коробки спичек. За сверхплановую продукцию производилось премирование в натуральной форме: за 100 лопаг – 5 фунтов керосина, за 20 бочек – 4 фунта соли, 30 фунтов муки и 4 коробки спичек⁶.

Производственные и кустарные отделы местных совнархозов в директивном порядке могли перевести членов артелей на положение фабрично-заводских рабочих, заставить работать в необорудованных помещениях или иными способами ущемлять правовой статус своих подчиненных⁷. Взаимоотношения между заказчиками и исполнителями колебались, в зависимости от конкретных обстоятельств, в широком диапазоне вплоть до применения принудительных мер. Интересное сообщение, отражающее характер взаимоотношений государственных органов и временных объединений кустарей, пришло в середине 1920 г. от Енисейского губсовнархоза в Сибсовнархоз: «В связи с тяжелым положением продовольственного вопроса и обесцениванием денежных знаков артельщики разбегаются из артелей, что повело на местах (в Канском, Ачинском, Минусинском уездах) к ряду мероприятий <...>, выразившихся в прикреплении ремесленников к соответствующим мастерским»⁸.

Таким образом, в течение 1920 г. новая большевистская власть кардинально решила вопрос о собственности не только в крупной, но и в значительно мере в мелкой промышленности. Военно-коммунисти-

ческие способы регулирования мелкого и кустарно-ремесленного производства, принудительное кооперирование кустарей на основе трудовых мобилизаций, национализация кооперативных предприятий и другие меры не могли коренным образом повысить предпринимательскую активность населения. Значительное количество промышленных предприятий в Сибири, хотя и перешло в собственность государства, по-прежнему бездействовало из-за жесточайшей разрухи, отсутствия финансовых средств и сырья [8, с. 10]. Несмотря на это, руководящие хозяйственные органы сохраняли приверженность принципам тотального огосударствления производства, что было зафиксировано в тезисах доклада Сибкустпрома Сибирскому съезду губсовнархозов «О кустарной и мелкой промышленности» (конец 1920 г.)⁹.

Ошибочность политики военного коммунизма, связанной с чрезмерной национализацией торговли и промышленности, а также с запретом местного оборота, была признана В.И. Лениным на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. [9, с. 63]. И эти перегибы удалось легко и быстро устранить административными решениями, практикуя возврат собственности прежним владельцам и введение процедуры выборки патентов (разрешений) на занятия промыслами. На изменение сознания правящей элиты потребовался более длительный срок. Неприятие мелкой частной собственности в промышленности сохранялось вплоть до середины 1920-х гг. Выступая на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.) с докладом о промышленности, Л.Д. Троцкий назвал кустарей конкурентами, стоящими на одном уровне с частными промышленниками, торговцами и контрабандистами [10, с. 317, 319]. Хотя ряд делегатов съезда выступил против аргументации Л.Д. Троцкого, его речь имела влияние на партийную аудиторию. Прагматичное крыло правящей элиты, в отличие от идеологов, оторванных от реальных корневых проблем, ориентировалось на включение кустарной промышленности в процесс нормализации экономической обстановки, рассматривало ее как реальный источник пополнения государственного бюджета и создания накоплений для индустриального роста. На XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.) с критикой идеологизированных подходов, исходивших от Л.Д. Троцкого, выступил Ф.Э. Дзержинский. «С легкой руки некоторых товарищей, – говорил он, – если вспомнить XII съезд, наше отношение к мелкой кустарной промышленности очень часто было такое, как к конкурентам, как к врагам <...> Крупная промышленность не может держать в голоде страну из-за ничтожных размеров своих изделий. Это в рабоче-крестьянской стране было бы приговором для крупной промышленности <...> мы должны в нашей работе и планах базироваться на тех кустарях, которые могут в значительной мере восполнить недостачу продукции крупной промышленности» [11, с. 166]. Эта политическая декларация

⁶ ГАНО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 891, Л. 2.

⁷ Там же. Д. 56. Л. 13, 14, 25.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1691. Оп.5. Д. 41. Л. 21 об.

⁹ Там же. Л. 1.

окончательно подводила черту под ошибочными решениями о национализации мелких частных и кооперативных промышленных предприятий.

Дискуссия в верхних эшелонах власти нашла отражение и в региональных управленческих элитах. Переход к нэпу обнажил два разных подхода к проблеме государственного регулирования кустарной промышленности и промысловой кооперации, что проявилось в различных вариантах рекомендаций, подготовленных для Сибревкома и Сибромбюро ВСНХ в конце 1921 г. В документах новых советских назначенцев давались рекомендации по совмещению принципов материальной заинтересованности с военно-коммунистическими методами управления. Требовалось оставить жесткое подчинение кустарной промышленности единому органу в составе Сибпромбюро ВСНХ, установить ограничения на реализацию кустарных изделий помимо государства, а также принять меры по преодолению капиталистических тенденций в развитии кооперации.

Более компетентными и реальными для практики хозяйственного управления представлялись тезисы «О кустарях, мелких предприятиях и промысловой кооперации», рожденные в недрах руководства кустарно-промысловой кооперации, где еще трудились работники с дореволюционным стажем работы. Документ сопровождался пометой Федора Сазонова: «Г. Майский. Прошу Вас просмотреть тезисы о кустпромшенности, вносимые в Сиббюро ВСНХ, Сиббюро ЦК и Сибревком. Если есть поправки и возражения, то просил бы уведомить меня, чтобы можно было согласовать»¹⁰. В тезисах отмечалось, что государственные органы должны заниматься регистрацией кустарей и их объединений, создавать более благоприятные условия для кооперации в снабжении сырьем, топливом, оборудованием, обеспечении заказами. Мелкие артели и союзы не выше губернского уровня должны регистрироваться явочным порядком и свободно распоряжаться своей продукцией. Кустарно-промысловая кооперация должна стать самостоятельной кооперативной системой. Национализация предприятий могла осуществляться не иначе, как по постановлению Сибпромбюро ВСНХ. Значительная часть этих идей была реализована, но только два года спустя.

Реально же в условиях нэпа была предпринята попытка перевести органы государственного регулирования кустарно-ремесленной промышленности на коммерческие основания. 4 января 1922 г. на места была разослана телеграмма Главкустпрома «О переходе на хозрасчет», в которой указывалось, что с 1 января 1922 г. производственные операции кустпромов снимаются с государственного обеспечения, вводится коммерческий расчет на основе денежных знаков. В мае 1922 г. в Главкустпроме было образовано торгово-промышленное управление (Кустпромторг), которое занялось снабжением государственных органов и предприятий кустарными изделиями особой важно-

сти и ценности [12, с. 526]. В соответствии с указаниями центра в августе 1922 г. была изменена структура Сибкустпрома. Смысл реорганизации заключался в усилении торгово-посреднических и заготовительных операций¹¹. Однако попытки государственных чиновников заняться коммерческой деятельностью окончились полным провалом. Административный произвол и взяточничество привели к уходу кустпромов с реального экономического поля.

Многочисленные негативные факты и оценки заставили высшие органы государственного управления отказаться от попыток прямого регулирования кустарно-ремесленной промышленности и ликвидировать соответствующий отдел в структуре ВСНХ. В конце 1923 г. по решению местных руководящих органов и с согласия центра Сибкустпром был ликвидирован. Окончательно это решение было закреплено в постановлении президиума Сибпромбюро ВСНХ, заслушавшего 17 июля 1924 г. отчет ликвидационной комиссии¹². По мнению представительства Наркомвнуторга СССР по Сибири, деятельность Сибкустпрома принесла государству значительные убытки, и Сибревком справедливо возбудил против него судебное преследование¹³.

Таким образом, в 1920 г. размеры кустарно-ремесленной промышленности в Сибири под влиянием деструктивных факторов Гражданской войны существенно сократились по сравнению с мирным временем, причем в большей степени в городе, чем в деревне. Осуществив в 1920 г. национализацию промышленных предприятий, государственный аппарат в условиях полномасштабного экономического кризиса произвел своеобразную ревизию производственных фондов. Но попытка на плановых внерыночных основах дать позитивный импульс огосударственной промышленности не увенчалась успехом. Возможность оживления ее кустарно-ремесленного сектора ограничивалась не только полным расстройством хозяйственных связей, но и идеологической непримиримостью власти к частной собственности, а также беспомощностью сложившегося в военных условиях аппарата управления, который не сумел использовать рыночные методы. Идея государственного главка на принципах хозрасчета была последней иллюзией, разбившейся о реалии хозяйственной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалов В.В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Новосибирск, 1995. 219 с.
2. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. 425 с.
3. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 140 с.
4. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск: Наука. 1999. 327 с.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 143. Л. 49.

¹² Там же. Д. 672. Л. 7.

¹³ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 114 об.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 729. Л. 25, 28, 91.

5. Изменение социальной структуры советского общества (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1976. 427 с.
6. Сибирский революционный комитет (август 1919 – декабрь 1925): сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. 658 с.
7. Белостецкий В. Правовое положение частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ СССР. М.; Л., 1927. С. 290–305.
8. Сибпромбюро ВСНХ, Сибторг. Промбанк. Итоги и перспективы. Новониколаевск, 1925. 80 с.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
10. Двенадцатый съезд РКП(б): стеногр. отчет. М., 1968. 904 с.
11. Четырнадцатая конференция РКП (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1925. 335 с.
12. Моргентерн В. Кустарная промышленность и промысловая кооперация // Народное хозяйство России за 1921/22 г. М., 1923.

REFERENCES

1. *Kononov V.V.* Small industrialists of Siberia and the Bolshevik dictatorship. Novosibirsk, 1995, 219 p. (In Russ.)
2. The working class of Siberia in the period of socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)
3. *Nikolaev A.A.* Small industry and handicrafts of Siberia in the Soviet cooperative system (1920 – mid 1930s). Novosibirsk, Publishing House of SB RAS, 2000, 140 p. (In Russ.)
4. *Zakupsbyt*: the documentary chronicle of the first All-Siberian Consumer Union. Novosibirsk, Nauka, 1999, 327 p. (In Russ.)
5. The social structure change of the Soviet society (October 1917 – 1920). Moscow, 1976, 427 p. (In Russ.)
6. Siberian Revolutionary Committee (August 1919 – December 1925): collection of documents and materials. Novosibirsk, 1959, 658 p. (In Russ.)
7. *Belostotskiy V.* The legal status of private capital. *Chastnyy kapital v narodnom khozyaistye SSSR: materialy komissii VSNKh SSSR*. Moscow; Leningrad, 1927, pp. 290–305. (In Russ.)
8. Siberian Industrial Bureau. Siberian Trade Bureau. Industrial bank. Results and prospects. Novonikolaevsk, 1925, 80 p. (In Russ.)
9. *Lenin V.I.* Omnibus edition. Moscow, 1970, vol. 43, 552 p. (In Russ.)
10. Twelfth Congress of the Russian Communist Party of Bolsheviks: verbatim records. Moscow, 1968, 904 p. (In Russ.)
11. Fourteenth Conference of the Russian Communist Party of Bolsheviks: verbatim record. Moscow; Leningrad, 1925, 335 p. (In Russ.)
12. *Morgenstern V.* Craft industry and trade cooperation. *Narodnoe khozyaystvo Rossii za 1921/22 g.* Moscow, 1923. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180203
УДК 94(47)“1938”

В.А. ИЛЬИНЫХ

ПОЕЗДКА А.А. АНДРЕЕВА В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ ОСЕНЬЮ 1938 г.: ФОРСИРОВАНИЕ ХЛЕБОЗАГОТОВОК

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В научный оборот вводятся уникальные документы, связанные с поездкой секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам в Зауралье и Западную Сибирь в сентябре–октябре 1938 г. В регионы он был направлен в связи с невыполнением календарных заданий по хлебосдаче. Андреев посетил Челябинскую, Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край. Основной причиной низких темпов хлебозаготовок было затягивание косовицы и обмолота хлеба, значительные потери зерна. Андреев дал указание принять необходимые меры по ускорению уборки, обмолота и вывоза хлеба. По его инициативе расширились масштабы репрессий в отношении «саботажников» хлебозаготовок. Во время пребывания Андреева в регионе объемы хлебосдачи увеличились. Однако выполнить годовое заготовительное задание 1938/39 г. в Западной Сибири не удалось.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, зерновая проблема, хлебозаготовки, колхозный строй, А.А. Андреев, Западная Сибирь.

V.A. ILINYKH

A.A. ANDREYEV'S VISIT TO WEST SIBERIA IN AUTUMN, 1938: FORCED GRAIN COLLECTION

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author introduces into scientific circulation unique documents related to the visit of A.A. Andreev, the Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), as the commissioner for state grain procurement in the Trans-Urals and West Siberia in September–October 1938. He was sent to the region in connection with the failure to fulfill the calendar assignments for grain delivery. Andreev visited Chelyabinsk, Omsk, Novosibirsk regions and Altai Territory. The main reason for the low rates of grain procurement was the delay of crops mowing and threshing, significant losses of grain. Andreev instructed to take the necessary measures to accelerate the harvesting, threshing and export of crops. His initiatives expanded the scale of repression against “saboteurs” of state grain procurement. After Andreev’s visit to the region, the volumes of grain delivery increased. However, it was not possible to fulfill the annual procurement task of 1938/39 in West Siberia.

Key words: agrarian policy, agriculture, grain problem, state grain procurement, collective farm system, A.A. Andreev, Western Siberia.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. государственные хлебозаготовки имели сверхнормативный характер и обеспечивались внеэкономическим принуждением: административным нажимом, психологическим прессингом и массовыми репрессиями. Ответственность за выполнение разверстаных на регионы и районы заготовительных планов возлагалась на партийные и советские органы соответствующего уровня. В случае, если они не обеспечивали выполнение календарных заданий, на места для принятия мер по форсированию хлебозаготовок посылались уполномо-

ченные из вышестоящих управленческих структур. Ответственные работники из районных органов командировались в сельсоветы и колхозы, из краевых – в районы. Контроль за выполнением планов хлебосдачи в регионах осуществляли направляемые туда в случае необходимости уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Наиболее известным уполномоченным Центра был И.В. Сталин, приехавший в январе 1928 г. в Сибирь. Предложенные им меры по преодолению кризиса хлебозаготовок знаменовали собой завершение нэпа и переход к чрезвычайным методам управления аграрной

Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru.
Vladimir A. Ilinykh – Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS.

экономикой (см. [1]). Поездка Сталина в значительной мере определялась тем, что у сибирских крестьян были сосредоточены значительные запасы хлеба, изъятие которых могло способствовать преодолению продовольственного кризиса в потребляющей полосе СССР.

В очередной раз высокопоставленные уполномоченные по хлебозаготовкам появились в Сибири осенью 1934 г., когда нужда в сибирском хлебе вновь возросла в связи с недоходом в зерновых юго-западных регионах страны. В сентябре в регионе в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР находился председатель союзного Совнаркома В.М. Молотов, во второй половине октября – секретарь ЦК ВКП(б) и заведующий сельхозотделом ЦК Л.М. Каганович. Уполномоченные Центра санкционировали применение в Западно-Сибирском крае массовых репрессий к «саботажникам» хлебозаготовок [2, с. 83–84].

Поскольку сверхнормативное отчуждение сельхозпродукции ослабляло колхозы, правящий режим пошел на относительное смягчение заготовительной политики. В рамках реализации этого курса в 1935–1937 гг. были уменьшены нормативные размеры хлебосдачи [3, с. 115–116], снижались размеры репрессий¹. Однако уровень развития зернового производства в середине 1930-х гг. отставал от растущих потребностей страны. В связи с этим в конце 1930-х гг. тяжесть налогово-податного обложения деревни вновь усилилась. План централизованных хлебозаготовок² на 1938/39 г. был увеличен по сравнению с фактическим объемом хлебосдачи предыдущего года в Алтайском крае на 40 %, в Омской области – на 33, в Новосибирской области – на 40 %³.

Несмотря на то, что осенью 1938 г. был собран относительно высокий урожай, темпы хлебосдачи в Зауралье и Западной Сибири существенно отставали как от календарных заданий, так и от показателей предыдущих лет⁴. Это послужило поводом для направления в данные регионы в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам секретаря и заведующего сельхозотделом ЦК А.А. Андреева.

Вначале Андреев посетил Челябинскую область, но большую часть своей командировки посвятил инспекции Омской и Новосибирской областей, а также Алтайского края. По его мнению, основной причиной невыполнения плана хлебозаготовок была политически неверная ставка местных властей («от обкома и ниже») на очередность выполнения задач осенней сельскохозяйственной кампании: сначала убрать хлеб, затем обмолотить и лишь затем вывезти на заготовительные пункты. При этом косовица и обмолот также проводились низкими темпами. Зерноуборочные комбайны работали крайне непроизводительно, постоянно выходили из строя. Простые уборочные машины на косовице не использовались.

¹ В 1934 г. в Западно-Сибирском крае в связи с уборкой и хлебозаготовками осудили 7962 чел., в 1935 г. – 2829, в 1936 г. – 1576, в 1937 г. – 548 чел. [2, с. 131].

² В централизованные хлебозаготовки входили обязательные поставки колхозов и единоличных хозяйств, натуроплата за работу МТС, хлебосдача совхозов, возврат натуральных ссуд колхозами и совхозами.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-843. Оп. 1. Д. 8. Л. 16; Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 437. Оп. 9. Д. 489. Л. 190; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 195. Л. 1.

⁴ Правда. 1938. 23 сент.

Не хватало автомобилей для вывоза зерна и горючего для имеющихся машин. Заготовительные пункты к приему больших объемов хлеба не были готовы, работали лишь днем. Возле них выстраивались очереди из машин и подвод. «Безобразно велики» были «потери и порча хлеба при уборке и на токах». «Потерять два–три центнера на гектар считается обычным явлением». Значительную часть сданного на заготовительные пункты зерна не складировали, а ссыпали в бунты⁵ на голой земле и оставляли не закрытыми во время дождя. Основную вину за срыв плана хлебосдачи уполномоченный ЦК ВКП(б) возложил на первых секретарей парткомов Омской, Новосибирской областей и Алтайского края и поставил вопрос об их отстранении от занимаемых должностей⁶.

А.А. Андреев принимал участие в заседаниях бюро парткомов, совещаниях, на которые вызывались руководители отстающих районов, директора МТС и совхозов, выезжал в районы и села⁷. По его инициативе были приняты меры по форсированию уборки, обмолота и вывоза хлеба. Районные власти обязывались привлечь к уборке простейшие жатвенные машины. Комбайны переводились на круглосуточную работу. Необходимые запасные части и горючее «при обыске складов» были найдены и направлены в районы. «С различных курсов и институтов» снимались механики и посылались на уборку. В городах была проведена мобилизация автомобилей. На заготовительных пунктах устанавливалась круглосуточная приемка зерна. Туда направлялась дополнительная рабочая сила. Запрещалось складирование зерна в бунты без подстилки, изыскивался брезент для их покрытия.

А.А. Андреев также дал указание о расширении масштабов репрессий в отношении «саботажников и срывщиков хлебосдачи и уборки», «вредителей в сохранении хлеба». Это указание было выполнено. Согласно информационной сводке Новосибирского областного суда на 10 октября 1938 г., в области по делам, связанным с уборкой урожая и хлебосдачей, было осуждено 462 чел. (на ту же дату 1937 г. – 238 чел.). Областной суд «по контрреволюционным преступлениям» осудил 62 чел.: 16 рядовых колхозников и 46 должностных лиц, в том числе 11 председателей колхозов, 15 бригадиров и 3 работника заготовительных органов. Из них к «высшей мере» приговорили 28 чел. (в 1937 г. – 2 чел.), к лишению свободы на 25 лет – 13 чел., от 10 до 15 лет – 21 чел.

⁵ Бунты – партии зерна, уложенные насыпью вне хранилищ (под открытым небом).

⁶ Первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев был снят с работы 3 ноября 1938 г., первый секретарь Омского обкома Ф.П. Наумов – 18 декабря того же года, первый секретарь Алтайского крайкома Л.Н. Гусев – 25 февраля 1939 г. – Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 29. Л. 1; ИсАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1491. Л. 1; ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 218. Л. 30.

⁷ Так, 18 октября новосибирская областная газета «Советская Сибирь» проинформировала своих читателей, что секретарь ЦК ВКП(б) «тов. А.А. Андреев побывал в районах области, ознакомился с работой колхозов, совхозов, районных организаций. 15 октября тов. А.А. Андреев присутствовал на собрании сельсовета и колхозников Медведевского сельсовета Черепановского района. Ознакомившись из беседы с колхозниками с работой колхозов и сельсовета, тов. А.А. Андреев в своем выступлении дал ряд практических указаний».

Народными судами осуждено 400 чел., в том числе 173 единоличника, 162 должностных лица, 56 рядовых колхозников, 7 рабочих. В число осужденных должностных лиц входили 42 председателя колхоза и 79 бригадиров. К лишению свободы приговорили 314 чел., к исправительно-трудовым работам – 78 чел. «Состав преступлений» включал: недоброкачественный ремонт сельскохозяйственных машин (7 чел.), поломка сельхозмашин (18 чел.), «плохое качество уборки и потери урожая» (25 чел.), «порча зерна на токах и зернохранилищах» (53 чел.), хищение зерна (7 чел.), невыполнение обязательств по госпоставкам единоличниками (170 чел.), «срыв уборки урожая, порча зерна, непроведение обмолота и др. преступления» (84 чел.). Подавляющее большинство дел были рассмотрены на выездных сессиях в форме показательных процессов, широко освещавшихся в районных газетах и «Советской Сибири». Кроме того, 247 единоличников были оштрафованы по представлению районных уполномоченных Наркомзема СССР [2, с. 227–232]. «В связи с подозрительным поведением» был снят с работы и арестован уполномоченный Наркомата заготовок СССР по Новосибирской области, который «признался, что он вредитель и участник правотроцкистской организации».

21 октября, будучи в Челябинске, А.А. Андреев направил на имя И.В. Сталина письмо (см. ниже), в котором сообщил, что уборка в Зауралье и Западной Сибири фактически завершена, отставание в темпах хлебосдачи от показателей предыдущего года «ликвидировано». По его прогнозам, Алтайский край и Омская область должны были завершить план хлебосдачи к 10 ноября, Челябинская и Новосибирская области – к 15 ноября. В заключение Андреев просил И.В. Сталина дать ему разрешение на выезд в Москву. Сталин разрешил. Однако прогнозы А.А. Андреева не сбылись. Годовое хлебозаготовительное задание в инспектируемом им регионе выполнить не удалось⁸.

Ниже в соответствии с существующими правилами публикуются тексты пяти телеграмм на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, а также секретарей Алтайского крайкома, Новосибирского и Омского обкомов ВКП(б) от секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, связанных с поездкой в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам в Зауралье и Западную Сибирь в сентябре–октябре 1938 г. Документы выявлены в личном фонде А.А. Андреева, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 73, оп. 2, д. 20.

№ 1

Телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину о мерах по форсированию хлебосдачи в Омской области

г. Омск

21 сентября 1938 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ И.В.

Урожай по Омску хороший – выше 13 центнеров с гектара. Обстановка с уборкой и хлебосдачей во многом схожа с Челябинском. По хлебосдаче, начиная от обкома и ниже, до сих пор были настроения не торопиться – сначала убрать, а потом возить хлеб на заготовительные пункты. Этим объясняется низкий процент выполнения плана хлебопоставок.

Комбайн в среднем убирает 5–6 гектар[ов]: ночью не работали, большое количество неполадок и поломок, много комбайнеров новых и техническая помощь им плохо поставлена.

Не используются на косовице простые уборочные машины.

Особенно отстают с уборкой и хлебосдачей крупные совхозы.

Приемка хлеба на заготпунктах не организована: большая задержка машин и подвод, круглосуточной работы нет. Обращает на себя внимание большое количество фактов порчи хлеба на токах.

Приняты следующие меры:

1. Комбайны переводятся на круглосуточную работу. Электрооборудование, на отсутствие которого ссылались, при обыске складов в Омске найдено и дано в районы. С различных курсов и институтов Омска посланы в районы механики для тракторов и комбайнов.

2. Обязали районы использовать все простейшие машины.

3. Не менее половины живого тягла ставится на вывозку хлеба. Автомашин здесь действительно много стоит без резины, особенно колхозных. Прошу тов. Молотова помочь – дать распоряжение об отгрузке покрышек для грузовых машин.

4. На заготовительных пунктах устанавливается круглосуточная приемка хлеба: дополнительно посланы люди для ускорения приемки.

5. В обкоме собирали по всем этим и другим мерам секретарей отстающих районов, директоров МТС, совхозов.

В отношении саботажников и срывщиков плана хлебозаготовок и уборки приняты необходимые меры.

В особо отстающие районы посланы работники, приехавшие по отбору ЦК для Омской области.

⁸ В Омской области выполнение годового плана централизованных хлебозаготовок в 1938/39 г. составило 94 %, в Алтайском крае – 81, в Новосибирской области – 74 % ([2, с. 247, 248]; РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 195. Л. 6).

Плохо выглядит руководство сельским хозяйством со стороны первого секретаря обкома т. Наумова. Пока он серьезно предупрежден, но, по-видимому, его придется заменить.

АНДРЕЕВ А.А.

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 20. Л. 62–63. Заверенная копия того времени. Машинопись.

№ 2

Телеграмма А.А. Андреева В.М. Молотову о ходе хлебосдаче

г. Омск

26 сентября 1938 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА СССР тов. МОЛОТОВУ В.М.

Поступление по хлебосдаче за последнюю пятидневку по областям Сибири и Челябинску возросло в два раза против пятидневок первой половины сентября. По всем данным, следующая пятидневка должна дать дальнейший рост хлебосдачи. Из хлебоуборки к 1-му октября в основном выйдут Новосибирская, Омская области и Алтайский край.

В последние дни разбирался с положением в Новосибирске. Главное там то, что из скошенного хлеба обмолочена только одна треть и имеет место отставание хлебосдачи в результате широко распространенных настроений в районах и колхозах об очередности выполнения задач: сначала все скосить, заскирдовать и обмолотить, а потом уже начать хлебосдачу государству.

Партийное и советское руководство Новосибирской области находилось в состоянии благодушия и беспомощности в делах сельского хозяйства. В связи с подозрительным поведением пришлось снять и арестовать упол[номоченного Нар]комзага [по Новосибирской области], который уже признался, что он вредитель и участник правотроцкистской организации.

Необходимые меры для улучшения хода хлебосдачи и уборки на месте приняты: были вызваны секретари райкомов, директора некоторых совхозов и МТС, мобилизовали 450 автомашин из городов на вывозку хлеба. Ввиду общих жалоб на недостаток горючего стояло 1100 колхозных машин неиспользованными, проверили склады нефтесбыта и МТС и обнаружили вполне достаточный запас бензина. Колхозным машинам горючее выделили и поставили их на вывозку хлеба.

По районам Новосибирской области и Алтайского края безобразно велики потери и порча хлеба при уборке и на токах. Урожай богатый, хлеба прошлогоднего у колхозников много, это настраивает на беспечное отношение районных и колхозных руководителей к сохранению хлеба: потерять два–три центнера на гектар считается обычным явлением. Пришлось принять некоторые меры, в том числе намечено провести быстро несколько показательных судебных процессов в отношении вредителей в сохранении хлеба.

Прошу помочь срочной посылкой для Челябинской, Омской и Новосибирской областей и Алтайского края дополнительно тысячи по три брезентов: большое количество хлеба придется держать на бунтовых площадках. Наркомзаг, видимо, не собирается строить складов и навесов в Сибири и в Челябинске: наряды на лес и деньги были отпущены областям только в сентябре.

Сплошные жалобы в областях в отношении союзного Наркомзема на безнадежность добиться от него какого-нибудь толка. Совсем не отвечает на запросы областей Бенедиктов⁹, всем обещает, но ничего не выполняет.

АНДРЕЕВ А.А.

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 20. Л. 66–67. Заверенная копия того времени. Машинопись.

№ 3

Телеграмма А.А. Андреева секретарям Алтайского крайкома, Новосибирского и Омского обкомов ВКП(б) о мерах по недопущению потерь хлеба на заготовительных пунктах

28 сентября 1938 г.

Секретарям: Новосибирского, Омского обкомов и Алтайского крайкома

Обращаю Ваше внимание на плохое положение по заготпунктам. На многих из них:

⁹ И.А. Бенедиктов – с марта 1938 г. первый заместитель наркома земледелия СССР, 15 ноября того же года назначен на должность наркома.

1. Хлеб в большом количестве ссыпают на голой земле (*бунты без подстила*)¹⁰ и оставляют неприкрытым и во время дождя. Вместо выгрузки и складирования в бунты зараженного хлеба его оставляют на складах, а новый ссыпают на землю.

2. Как правило, большая задержка, по несколько часов, а то и суткам, машин и подвод на пунктах Заготзерно.

3. Заготпункты вместо требуемого для круглосуточной работы количества людей имеют 1/3 рабочих и зашиваются, а РК ВКП(б) и РИКи не помогают.

Чтобы не допустить гибели заготовленного хлеба, обком должен провести следующее:

1) Не допускать складирования нового хлеба на голой земле без подстила и оставлять бунты неприкрытыми. Изыскать все, что только возможно, в районах и области – лес, доски, мешки, брезент – и дать заготпунктам.

2) Быстро выгрузить старый *зараженный* хлеб из складов в бунты для нового хлеба.

3) Надо приспособить все возможные помещения в районах, лишь бы не сыпать хлеба на голую землю и не держать его под дождем.

4) Заготпунктам должна быть дана рабочая сила. Хорошо бы заставить комсомол *в каждом районе* выделить человек 50 молодежи для работы на заготовительных пунктах и элеваторах.

5) Прикомандировать *на заготпункты* пред[седателей] РИКов и возложить на них личную ответственность за нормальную работу заготпунктов, освободив их от всех других нагрузок.

6) Предложить нач[альникам] ж[елезной] д[ороги] производить отгрузку хлеба в наиболее загруженных заготпунктах.

О принятом сообщить.

/Андреев/

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 20. Л. 70. Подлинник. Машинопись с рукописными вставками. Подпись – автограф.

№ 4

Телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину и В.М. Молотову о плане хлебозакупа¹¹

г. Омск

13 октября 1938 г.

Тов. СТАЛИНУ
Тов. МОЛОТОВУ

Немало колхозов в Челябинской, Омской, Новосибирской областях и Алтайском крае, выполнив план хлебосдачи и испытывая затруднения с хранением излишков хлеба, ставят вопрос о хлебозакупе. Считал бы целесообразным разрешить кооперации производить хлебозакуп в колхозах, выполнивших план обязательных поставок и натуроплаты¹².

Опросив обкомы, считаю возможным установить следующий план хлебозакупа 1938 г. по областям: Челябинской – 15 млн пудов против 7 млн пудов плана прошлого года; Омской – 13 млн пудов против 10 млн; Новосибирской – 12 млн пудов против 6 млн и Алтайскому краю – 15 млн пудов против 4 млн¹³.

АНДРЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 20. Л. 66–67. Заверенная копия того времени. Машинопись.

¹⁰ Здесь и далее рукописные вставки набраны курсивом.

¹¹ Хлебозакуп – метод государственных хлебозаготовок. Его проведение от имени государства возлагалось на потребительскую кооперацию. Закупочные цены превышали цены, по которым оплачивались обязательные поставки зерна государству, но на порядок уступали предлагаемым на рынке. Дополнительным стимулом к продаже хлебопродуктов государству являлось предоставляемое продавцу право приобретения дефицитных промышленных товаров. Закупки хлеба должны были осуществляться на основе добровольного соглашения между потребкооперацией и сдатчиком хлеба. Однако уже во время первой кампании по хлебозакупу (в 1933 г.) он фактически приобрел характер разверстываемой натуральной подати (см. [4, с. 109–126]).

¹² В соответствии с законодательством хлебная торговля, в том числе хлебозакуп, разрешались после выполнения регионом государственного плана централизованных хлебозаготовок. Однако с 1934 г. хлебозакуп стали разрешать в колхозах и сельсоветах, выполнивших задание по обязательным поставкам и рассчитавшихся с МТС еще до выполнения регионального заготовительного плана ([4, с. 127]).

¹³ Предложение А.А. Андреева было принято. 21 октября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР разрешили хлебозакуп из урожая 1938 г. и утвердили его план в предлагаемых Андреевым размерах (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1002. Л. 52).

№ 5

Телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину о результатах принятых мер по форсированию хлебозаготовок

г. Челябинск

21 октября 1938 г.

Товарищу СТАЛИНУ

Из-за запоздалой уборки, дней на 10–15, и серьезных недостатков в руководстве обкомов складывалась прямая угроза, что некоторая часть не снятого хлеба уйдет под снег. Благодаря принятых обкомами мер и большевистской мобилизованности партийного и беспартийного актива в районах и колхозах богатый урожай можно считать убраным.

К настоящему моменту хлеб в значительной своей части, по трем областям Сибири и Челябинску, обмолочен, а остальной заскирдован, за исключением некоторого количества, находящегося в копнах и крестцах¹⁴, который будет заскирдован в ближайшие дни. Реальный сбор составляет по указанным областям 12–14 центнеров с гектара. Это обеспечивает выдачу на трудодень 8–10 клгр.

По хлебосдаче в тоннаже Омск, Новосибирск и Алтай ликвидировали отставание от прошлого года и идут с превышением. Челябинск, на 10 сентября сдавший в 4 раза меньше прошлого года, сильно подтянулся и свое отставание, очевидно, ликвидирует уже в текущую пятидневку.

По ходу дела план хлебосдачи могут закончить в Алтае и Омске числу к 10 ноября, а в Челябинске и Н[ово]-Сибирске – к 15 ноября.

Прошу разрешить мне выехать в Москву.

А. АНДРЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 20. Л. 92. Заверенная копия того времени. Машинопись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 343 с.: ил.
2. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. 253 с.
3. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
4. Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозакуп в Западной Сибири: кампании 1933–1934 гг. // Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск: Сибпринт, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 107–146.

REFERENCES

1. Ilinykh V.A. Grain front chronicles (grain procurement campaigns of the late 1920s in Siberia). Moscow, ROSSPEN, 2010, 343 p. (In Russ.)
2. Ilinykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.). De-peasantization policy in Siberia. Vol. 2. Forms and methods of centralized grain procurement. 1930–1941. Novosibirsk, 2002, 253 p. (In Russ.)
3. Ilinykh V.A. Taxation of Siberian villages. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, 2004, 167 p. (In Russ.)
4. Ilinykh V.A., Laperdin V.B. Grain purchases in West Siberia in 1933–1934. *Sibirskaya derevnya*. Novosibirsk, 2017, vol. 4, pp. 107–146. (In Russ.)

Статья принята редакцией 15.03.2018

¹⁴Крестец – способ хранения сжатого хлеба. Снопы на поле складывали плашмя крестом по 4 снопа. Один крест образовывал ряд. Крестец состоял из нескольких рядов.

DOI: 10.15372/HSS20180204
УДК 94(470.5) "1946/1958"

Г.Е. КОРНИЛОВ, И.И. ЧЕРНЫШЕВА

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1958 гг.

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

В статье анализируется опыт ликвидации неграмотности в послевоенные годы (1946–1958 гг.). Его оценка в исторической литературе неоднозначна, различные мнения существуют и об окончательных сроках ликвидации неграмотности в стране. На основе архивных документов исследована кропотливая работа по борьбе с неграмотностью в одном из промышленно развитых регионов страны – Свердловской области. Процесс обучения взрослых неграмотных в послевоенные годы носил скачкообразный характер, поскольку его завершение планировалось в сжатые сроки. Авторы выделили в процессе ликвидации неграмотности несколько этапов. Они отличались поиском оптимальных форм обучения грамоте взрослого населения. В 1958 г. была предпринята попытка объединить усилия органов народного образования, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в борьбе с неграмотностью. Она оказалась успешной: за один год удалось обучить грамоте столько неграмотных, сколько было обучено за все послевоенные годы. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали, что ликвидация неграмотности лиц 16–49 лет в регионе была завершена, мужская часть этой группы населения достигла поголовной грамотности.

Ключевые слова: история образования взрослых, борьба с неграмотностью, формирование системы образования, грамотность населения, Урал, Свердловская область.

G.E. KORNILOV, I.I. CHERNYSHEVA

ELIMINATION OF THE ADULT POPULATION ILLITERACY IN SVERDLOVSK REGION IN 1946–1958

Institute of History and Archaeology UB RAS,
16, Kovalevskaya str., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation

The article analyzes the experience of the illiteracy elimination in the postwar years (1946–1958). Its evaluation in the historical literature is ambiguous, different opinions exist about the time for ending the illiteracy elimination in the country. Authors study painstaking work carried out to overcome illiteracy in an industrialized area of the country – Sverdlovsk Region, based on archival documents. This regional approach has made it possible to identify the specific features of training the adult working population in difficult postwar years.

The process of teaching adult illiterates in the postwar years was spasmodic, as its completion was planned for a short period: for the years of the Fourth Five-Year Plan, then by 1953, by 1955, and by 1959. The authors single out several stages in the process of the illiteracy liquidation: 1946–1953, 1953–1957, and 1958. They were distinguished by searching optimal forms to teach literacy. The task of eliminating adult illiteracy was “sluggish” during the first two phases, as the contradiction between high planned targets and insufficient funding for this program was not resolved. The main burden of financing the elimination of illiteracy was borne by the state; public organizations, primarily trade unions, did not have the opportunity to allocate sufficient funds for this work. Since 1953, the public education authorities expanded the education of adult illiterates by opening primary schools and grades in working and rural youth schools. However, these schools could not encompass the training of all working illiterates. In 1958, an attempt was made, with combined efforts of educational bodies, Communist party, Komsomol and trade union organizations, to teach the same number of illiterates in a year as they had trained for the whole post-war period.

The results of the All-Union population census of 1959 showed that the illiteracy of persons aged 16 to 49 in the region was eliminated, and the male part of this population group achieved general literacy.

Геннадий Егорович Корнилов – д-р ист. наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: genakorn@mail.ru.

Инна Ивановна Чернышева – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: inna_milena@mail.ru.

Gennady E. Kornilov – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the economic history sector, the Institute of History and Archeology UB RAS.

Inna I. Chernysheva – graduate student, the Institute of History and Archeology UB RAS.

The article analyzes the extensive statistical material, which made it possible to draw a conclusion on the successful work to eliminate the adult population illiteracy in the region.

Key words: history of adult education, fight against illiteracy, educational system formation, population literacy, Urals, Sverdlovsk Region.

Борьба с неграмотностью во всех регионах страны вновь встала на повестку дня после окончания Великой Отечественной войны. Она явилась предпосылкой для преобразований в народном хозяйстве, культуре и во всех сферах общественных отношений.

Данная тема не получила достаточного освещения в исторической литературе, тем не менее присутствуют различные оценки борьбы с неграмотностью. Направления современных исследований были заданы в 1990-е гг., когда коренные изменения в жизни государства и общества заставили подвергнуть жесткой критике всю советскую школу с ее авторитаризмом, идеологизированным воспитанием, антигуманистической направленностью. В диссертации А. А. Фишевой утверждается, что государство не афишировало факт наличия неграмотных и малограмотных в послевоенные годы, так как его признание демонстрировало недостатки и ошибки в образовательной политике советского государства [1, с. 267].

Спорным остается вопрос о сроках ликвидации неграмотности в стране. С одной стороны, авторы пишут, что неграмотность в стране была практически ликвидирована к началу 1950-х гг. [2, с. 228], а с другой – неграмотность взрослого населения оставалась вплоть до 1970-х гг. [3, с. 28]. Исследований на региональном материале крайне недостаточно. Исключение составляют работы по истории обучения работающей молодежи в Западной Сибири [4, с. 16–20]. По Уралу таких исследований практически нет, кроме упоминания о школах рабочей и сельской молодежи [5, с. 17, 18].

В военный период и первые послевоенные годы обучение взрослых неграмотных и малограмотных (не имевших начального образования) резко сократилось, учили грамоте в основном допризывников. Министерство просвещения РСФСР полагало, что к началу 1948 г. осталось примерно 2 млн неграмотных, а малограмотных – значительно больше¹. Основная причина сложившегося положения виделась в том, что в военных условиях требовался напряженный труд всего взрослого населения, заниматься образованием не было ни времени, ни сил. В органах народного образования были ликвидированы сектор школ взрослых и должность инспектора по ликбезу в районо и горно. В Наркомпросе РСФСР 11 марта 1946 г. было создано Управление школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых, в его функции входило также руководство работой среди неграмотного и малограмотного взрослого населения². Заместитель министра просвещения РСФСР И. Кондаков 10 февраля

1948 г. писал в отдел школ ЦК ВКП(б) Н.Н. Яковлеву, что на местах работу по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых проводят почти исключительно органы народного образования, «не имея специально для этой цели ни одной штатной единицы ни в областных, ни в районных аппаратах»³. Контроль над ликвидацией неграмотности был возложен на инспекторов по школам рабочей и сельской молодежи, но летом 1947 г. эта должность повсеместно была ликвидирована⁴. Заместитель министра также просил Министерство финансов РСФСР и СССР изыскать средства на работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, «обеспечивающие обучение не менее 80 % неграмотных и малограмотных, предусмотренные планом». Содержалось и предложение «обязать ВЦСПС составить конкретный план по обучению неграмотных и малограмотных рабочих и работниц на предприятиях до конца пятилетки»⁵. Попытки переложить все проблемы обучения неграмотных на общественные организации в 1946–1953 гг. не принесли результатов, количество неграмотных сокращалось медленно.

В мае 1953 г. была проведена реорганизация в Минпросе РСФСР. Управление школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых было ликвидировано, а его функции были переданы в Главное управление школ, где был создан отдел образования взрослых⁶. По сути, работой по ликвидации неграмотности взрослых в государственных органах практически никто не занимался. Такая же реорганизация была проведена на местах.

Еще один фактор характеризовал ситуацию с неграмотностью – отсутствие учета. Нарком просвещения В.П. Потемкин 23 октября 1945 г. в письме председателю СНК РСФСР А.Н. Косыгину предложил провести перепись неграмотных. Предложение не было поддержано, и до начала 1950-х гг. местные власти не имели точных данных о количестве неграмотных⁷. Отсутствие четкого учета взрослого неграмотного населения не позволяло правильно планировать их обучение, приводило к недофинансированию работы. Особенность народнохозяйственного плана по обучению неграмотных и малограмотных (так он назывался) состояла в постоянном увеличении показателей (данные по Свердловской области): в 1947 г. необходимо было обучить 10 тыс. чел., в 1950 г. – 12 тыс., в 1951 г. –

³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 87. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 8, 9.

⁶ Там же. Оп. 72. Д. 2714. Л. 77.

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Оп. 3. Д. 45. Л. 285.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 87. Л. 1, 2.

² Приказы и инструкции. 1946. № 6. С. 6, 7; Народное образование. 1947. № 4. С. 77–78.

15 тыс., в 1952 г. – 23,3 тыс., в 1953 г. – 32 тыс. чел. При этом плановые показатели из года в год не выполнялись: в 1950 г. выполнение составило 46,4 %, в 1951 г. – 33,4, в 1952 г. – 44,5 %, в 1953 г. – 19,6 %. Начиная с 1954 г. планы обучения взрослых неграмотных и малограмотных стали сокращать, но выполнения плана и в этом случае достигнуть не удалось: в 1954 г. план обучения составил 27 тыс. чел. (выполнение – 26 %), в 1955 г. – 19 тыс. (65,3 %), в 1956 г. – 13 тыс. (40 %), в 1957 г. – 13, 1 тыс. чел. (39 %)⁸.

Главная причина состояла в том, что ликвидацию неграмотности планировали проводить, как и в 1930-е гг., за счет средств государственного бюджета с привлечением финансирования общественных организаций, в первую очередь профсоюзов. 23 января 1946 г. Наркомат просвещения РСФСР и ВЦСПС разослали по республике совместное письмо об обучении неграмотных и малограмотных членов профсоюзов⁹. Минпрос РСФСР 26 июня 1946 г. издал приказ «О завершении ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения РСФСР», в котором предусматривалось, завершить эту работу в четвертой пятилетке. Предлагалось к 1 сентября 1946 г. выявить неграмотных и малограмотных в возрасте от 14 до 50 лет и начать занятия в городах с 1 октября, в сельской местности – с 1 ноября, наметить сеть школ и групп для обучения, а также предусмотреть индивидуальное обучение. Занятия в мелких группах и индивидуально должны были проводить подобранные культармейцы с оплатой работающим на предприятиях за счет профсоюзов¹⁰. Однако местные обкомы профсоюзов не имели ни средств, ни штатов для проведения этой работы. За 1946–1950 гг. в Свердловской области на профсоюзные средства было обучено только 828 неграмотных¹¹. В 1950 г. Минпрос РСФСР установил для Свердловской области план обучения 12 тыс. неграмотных и малограмотных, но из госбюджета выделили средств на обучение только 3 тыс. чел. Остальные 9 тыс. должны обучаться за счет средств фабрично-заводских комитетов¹². Сводный отчет по 37 обкомам профсоюзов Свердловской области показал, что в 1950 г. на средства профсоюзов обучено только 507 неграмотных и 1830 малограмотных¹³. Тем не менее план обучения неграмотных на 1951 г. по области был увеличен до 15 тыс., из них за счет профсоюзов – 10 470 чел.¹⁴ Практически государство перекладывало это важное дело на общественные организации.

⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 7168. Л. 2; Оп. 72. Д. 4396. Л. 58; ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 45. Л. 34, 136, 151, 166, 191, 210, 215, 232, 244; Ф. 311. Оп. 2. Д. 792. Л. 183; Оп. 6. Д. 156. Л. 36, 37; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 52. Д. 218. Л. 16.

⁹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 87. Л. 1, 2.

¹⁰ Приказы и инструкции. 1946. № 9. С. 3.

¹¹ ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 45. Л. 247.

¹² Так же. Л. 151.

¹³ ЦДООСО. Д. 4. Оп. 49. Д. 222. Л. 42, 43.

¹⁴ Там же. Л. 234, 235.

Государство отпускало на обучение неграмотных и малограмотных для Свердловской области в четвертой пятилетке ежегодно по 210 тыс. руб. бюджетных ассигнований. Этих средств хватало только на обучение неграмотных и малограмотных допризывников в сельской местности¹⁵. Противоречие между большими планами обучения и крайне низким финансированием, зародившееся еще в 1930-е гг., было вновь заложено в работу по ликвидации неграмотности в послевоенные годы.

Результаты обучения неграмотных не удовлетворяли ни местное начальство, ни центральную власть. Новый рывок в ликвидации неграмотности и малограмотности был предпринят в начале пятой пятилетки. 25 мая 1951 г. с этой целью в Минпросе РСФСР было проведено совещание представителей ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Комитета по делам культурно-просветительских организаций при СМ РСФСР и Совета промышленной кооперации РСФСР. Завершение ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения РСФСР планировалось в 1951–1953 гг.¹⁶ Текст принятой резолюции ничего принципиально нового не содержал, профсоюзы должны были нести основную финансовую нагрузку по ликвидации неграмотности взрослых¹⁷.

Поиски выхода из сложившегося положения и вносимые предложения по существу не меняли ситуацию с неграмотностью взрослого населения. На межобластном совещании Урала и Западной Сибири по вопросам обучения трудящихся без отрыва от производства 15–17 ноября 1956 г. представитель Министерства просвещения РСФСР А.М. Иванова напомнила, что в стране накоплен опыт по ликвидации неграмотности. «Надо его возродить, – предложила оратор, – райкомам и обкомам ВЛКСМ надо организовать сеть общеобразовательных кружков»¹⁸. Однако десятилетний опыт послевоенной работы показал, что только силами общественности проблему неграмотности взрослого работающего населения решить невозможно. «Вялое руководство» борьбой с неграмотностью взрослого населения приводило к разрыву поставленных задач и их реальным воплощением в жизнь на местах. Отсутствие действенного механизма руководства за ходом ликвидации неграмотности чаще всего сводилось к выдвиганию очередных лозунгов.

Объективным фактором отставания работы по обучению неграмотных было то, что на Урал постоянно прибывало население из других областей и республик, многие мигранты были неграмотными. Рост количества мигрантов в городах наблюдался в условиях голода 1946–1947 гг., во время продовольственного кризиса начала 1950-х гг. [6, с. 196–200]. В справке из Лен-

¹⁵ Там же. Л. 297.

¹⁶ Там же. Л. 241–243.

¹⁷ Сборник постановлений и распоряжений Министерства просвещения РСФСР (СПиР МП РСФСР). 1952. № 22. С. 28.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 4441. Л. 4.

Т а б л и ц а 1

Обучение взрослых неграмотных и малограмотных по Свердловской области в 1951–1956 гг.

Год	Уровень грамотности	Состояло учащихся на 1 января	Динамика относительно 1952 г., %	Окончило курс		Состоит на конец года	
				Всего	В том числе допризывников	Всего	В том числе допризывников
1951	неграмотных	1696		932	355	2598	269
	малограмотных	5234		4488	2639	9742	1803
1952	неграмотных	2598	100	1823	380	3028	213
	малограмотных	9842	100	5220	2439	11 349	1270
1953	неграмотных	3028	116,6	1769	266	2631	192
	малограмотных	11 349	153	5179	1554	8139	1382
1954	неграмотных	3731	143,6	1931	369	1758	141
	малограмотных	11 239	115,0	5093	1720	8365	1016
1955	неграмотных	3946	151,9	976	158	3575	56
	малограмотных	6903	70,1	2649	1437	5204	968
1956	неграмотных	3834	147,6	2041	77	3432	52
	малограмотных	4332	44,4	2929	904	4095	713

* Составлено по: ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 45. Л. 215, 215 об.; Д. 730. Л. 39, 39 об., 65, 65 об.; Д. 877. Л. 48, 48 об., 119, 119 об., 151, 151 об.

ского района сообщалось, что к началу 1946/47 учеб. года была организована 21 школа сельской молодежи. В январе 1947 г. такие школы прекратили свою работу, так как молодежь не пожелала учиться из-за тяжелого экономического положения в колхозах: чтобы прокормиться, они уехали на лесозаготовки. По этой же причине закрылись школы еще в 8 районах¹⁹. Большой уровень неграмотных фиксировался в районах расселения спецпереселенцев.

Нерешенной проблемой в деле ликвидации неграмотности оставался кадровый вопрос. Курс на привлечение культармейцев в послевоенные годы сохранялся, но не приносил желаемых результатов. С начала 1950-х гг. все больше органы образования привлекали к этой работе учителей общеобразовательных школ. Однако в сельской местности, где преобладали однокомплектные школы, учителя занимались с двумя-тремя и даже четырьмя классами в две или полторы смены. Учитель в таких условиях не мог обеспечить обучение неграмотных²⁰. Совет Министров РСФСР 30 августа 1952 г. предоставил право Минпросу РСФСР производить оплату в виде исключения труда учителей, обучавших неграмотных в индивидуальном порядке (100 руб. за каждого обученного, сдавшего проверочные испытания)²¹. Как показывают отчеты облоно, эта мера не оказала стимулирующего действия.

После окончания обучения проводились выпускные экзамены и выдавались удостоверения об окончании школ неграмотных и малограмотных. Занятия с неграмотными и малограмотными были организованы по учебникам начальных школ рабочей и сельской

молодежи и школ всеобща, так как специальных учебников было недостаточно.

Невыполнение планов обучения неграмотных привело к необходимости с 1953/54 учеб. года организовывать обучение взрослого работающего населения в начальных школах рабочей молодежи с трехгодичным сроком обучения и создавать начальные классы при имеющихся семилетних и средних школах рабочей молодежи (вместо подготовительных классов, организованных в 1947 г.). В сельской местности, где с 1944 г. обучение проводилось с 1-го по 7-й класс, было увеличено число классов для обучения в них взрослых неграмотных. Прохождение программы начальной школы здесь осуществлялось в четыре года²².

В октябре 1953 г. Минпрос РСФСР утвердил учебные планы начальных школ и 1–3-х классов семилетних и средних школ рабочей молодежи. В первый класс принимались лица, не имевшие первоначальных навыков чтения и письма. Устанавливалось, что в 1-м классе по русскому языку и арифметике проходила программа 1-го и 2-го классов детской школы, во 2-м классе – программа 3-го класса школ всеобща, а в 3-м классе – программа 4-го класса общеобразовательных школ. Обучение в этих начальных классах и 1–3-х классах семилетних и средних школ рабочей молодежи проводилось по учебникам начальных детских школ²³. В последующие годы стали поступать специальные учебники для обучения взрослых²⁴. Таким образом, с 1953 г. начался новый этап обучения грамоте взрослого работающего на-

²² Там же. № 11. С. 3–5.

²³ Там же. 1953. № 48. С. 19, 20.

²⁴ Вознесенский В.Д., Павловская Р.С. Букварь для взрослых; Бурдина М.И., Сычев П.А. Первая книга для чтения после букваря; Анициферов С.С. Арифметика для обучения неграмотных; и др.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 783. Л. 8, 10, 36.

²⁰ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 1958. Л. 116, 117.

²¹ СПиР МП РСФСР. 1952. № 39. С. 26.

Распределение населения Свердловской области по уровню образованию в возрасте от 9 лет и старше по материалам Всесоюзной переписи 1959 г.*

Показатель	9–16 лет		16–49 лет		9–49 лет		50 лет и старше		9 лет и старше	
	Всего в данной группе	Неграмотных	Всего в данной группе	Неграмотных	Всего в данной группе	Неграмотных	Всего в данной группе	Неграмотных	Всего в данной группе	Неграмотных
Всего, чел.	400 024	1244	266 106	41 743	2 600 773	42 987	618 703	181 950	3 219 377	224 937
%	100	0,31	100	1,90	100	1,65	100	29,4	100	6,99
Городское население, чел.	349 928	772	1 723 199	28 128	2 073 127	28 900	438 549	114 051	2 511 676	142 951
%	100	0,22	100	1,63	100	1,39	100	26,01	100	5,70
Сельское население, чел.	99 991	472	477 479	13 602	57 747	14 074	169 848	67 899	747 318	81 973
%	100	0,47	100	2,80	100	2,43	100	39,95	100	10,97

*Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 71. Д. 87. Л. 1, 2.

селения. С этого времени основная роль в ликвидации неграмотности и малограмотности переносилась на начальные школы взрослых, начальные классы школ рабочей и сельской молодежи. Результаты работы представлены в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что обучение контингента неграмотных существенно усилилось, начиная с 1953 г. Если принять данные об обучении в 1952 г. за 100 %, то в 1953 г. имелся рост на 16,6 %, в 1954 г. – на 43,6, в 1955 г. – на 51,9 и в 1956 г. – на 47,6 %. Обучение малограмотных имело другую тенденцию: в 1953 и 1954 гг. был зафиксирован рост обучавшихся, но затем шел неуклонный спад.

Приведенные сведения не позволяют согласиться с мнением историков о том, что в послевоенные годы проблемы ликвидации неграмотности были отодвинуты на второй план [7, с. 66]. С этим утверждением можно согласиться лишь в том плане, что, безусловно, главное значение в те годы имела работа по переходу на всеобщее семилетнее образование (с 1949 г.) и укрепление школ рабочей молодежи. За 1951–1956 гг. в Свердловской области ликвидировали неграмотность 9472 чел., а малограмотность (т.е. получили начальное образование) – 25 558 чел.

В 1958 г. началась массовая кампания ликвидации неграмотности в духе ликбезов 1920–1930-х гг. «Приказ» по проведению кампании содержался в постановлениях ЦК КПСС и СМ СССР 4 января 1958 г. «О ликвидации неграмотности среди населения» и таком же постановлении СМ РСФСР 18 января 1958 г.²⁵

На местах партийно-советское руководство срочно принимало соответствующие решения. Так, в совместном постановлении Свердловского обкома КПСС и Свердловского облисполкома 4 февраля 1958 г. тщательно был прописан план мероприятий по ликвидации неграмотности в области ко времени проведения Всесоюзной переписи населения 19 ян-

варя 1959 г. В порядке контроля выполнения данного постановления в обкоме КПСС были заслушаны отчеты секретарей ГК и РК КПСС, секретарей ГК и РК ВЛКСМ; в облисполкоме – председателей районных и городских исполкомов, заведующих районных и городских отделов народного образования, секретарей всех обкомов профсоюзов о ходе ликвидации неграмотности.

На предприятиях, в колхозах и совхозах, на всех лесопунктах для обучения неграмотных были выделены помещения, обеспеченные отоплением, освещением, столами и стульями, классными досками. Для обучения взрослых разрешалось использовать помещения учебных заведений во внеурочное время, клубов, красных уголков, библиотек. Городские и районные отделы народного образования обеспечивали методическое руководство обучением неграмотных, проверку знаний обучаемых и выдачу удостоверений лицам, окончившим обучение.

В конце ноября 1958 г. Ф. Ермаш (заведующий отделом науки, школ и культуры Свердловского обкома партии) информировал ЦК КПСС, что работа по обучению неграмотных развернута широко. Еще в феврале 1958 г. для обучения 17,3 тыс. неграмотных было выделено 15 тыс. культармейцев из числа лучших учителей, профсоюзного и комсомольского актива. Однако в ряде районов учет неграмотных был поставлен плохо (неграмотных выявляли «со слов»). Учебные занятия проводились нерегулярно, некоторые культармейцы не имели соответствующей подготовки и необходимого опыта, обучением не было охвачено 1,5 тыс. неграмотных²⁶.

Из оперативных сводок облоно видно, что количество обучавшихся росло: на 1 ноября 1958 г. училось 15 806 человек, на 1 января 1959 г. – 16 111 чел. В то же время по состоянию здоровья в январе 1959 г.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 63. Л. 34.

²⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 109. Л. 149, 150.

Т а б л и ц а 3

**Сводный отчет об обучении неграмотных и малограмотных по всем ведомствам и организациям
Свердловской области за 1958 г.***

Тип поселения	Виды обучения	Принято новых учащихся за год, не считая обучившихся на 31 декабря 1957 г.	Окончило курс за год	Из числа окончивших допризывников	Состоит учащихся на конец года	Из них допризывников
Всего	Неграмотных	14 931	14 776	43	1466	17
	Малограмотных	3342	1431	228	1706	180
В том числе: в сельских местностях	Неграмотных	4686	4462	27	666	11
	Малограмотных	1083	323	67	804	111

* ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 6865. Л. 4, 73, 73 об.

Т а б л и ц а 4

Неграмотное население Свердловской области в возрасте от 9 до 50 лет на январь 1959 г.*

Категория	Всего		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
9–16 лет, всего	400 024	100	349 928	100	99 991	100
Неграмотных	1 244	0,31	772	0,22	472	0,47
16–49 лет, всего	266 106	100	1 723 199	100	477 479	100
Неграмотных	41 743	1,90	28 128	1,63	13 602	2,80
9–49 лет, всего	2 600 773	100	2 073 127	100	57 747	100
Неграмотных	42 987	1,65	28 900	1,39	14 074	2,43
50 лет и старше, всего	618 703	100	438 549	100	169 848	100
Неграмотных	181 950	29,4	114 051	26,01	67 899	39,95
9 лет и старше, всего	3 219 377	100	2 511 676	100	747 318	100
Неграмотных	224 937	6,99	142 951	5,70	81 973	10,97

*Рассчитано: по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 37. Д. 194. Л. 28, 30, 42.

отказались учиться 1169 чел.²⁷. За 1958 г. среди окончивших обучение грамоте женщины составляли 84,7 %²⁸.

Данные табл. 3 показывают, что за один год ликвидировали неграмотность 14 931 чел., и это было больше, чем за все 1950-е гг. (см. табл. 1), совместная и четкая работа органов народного образования и общественности – профсоюзов, комсомола – позволила достичь столь существенных результатов. Важно было и то, что часть бывших неграмотных продолжили образование в начальных школах. Несмотря на эти успехи в ликвидации неграмотности среди взрослого

населения, в области оставалось 41,4 тыс. неграмотных в возрасте 9–49 лет, из них больных 7,5 тыс. чел. (18,1 %). Среди неграмотных женщины составляли 32,9 тыс. (79,4 %). Две трети неграмотных проживали в городах (66,4 %), одна треть – в сельской местности (33,6 %) ²⁹.

Официальные данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Свердловской области (табл. 4) показывают, что из 2 200 749 чел. в возрасте 16–49 лет было зафиксировано 41 743 неграмотных, что составило 1,9 %, а грамотных соответственно 98,1 %. При этом доля неграмотных росла по мере увеличения возраста: в возрастной группе 16–34 года она со-

²⁷ ГАСО. Ф. 311. Оп. 2. Д. 792. Л. 10.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ Там же. Д. 819. Л. 198, 198 об.

Т а б л и ц а 5

Доля лиц в РСФСР и Свердловской области в возрасте от 9 до 50 лет, не умеющих читать и писать на январь 1939 г. и на январь 1959 г., %*

Категория	Регион, республика	1939 г.	1959 г.
Всего, обоего пола	РСФСР	10,3	1,5
	Свердловская область	9,8	1,7
Мужчины	РСФСР	4,0	0,7
	Свердловская область	4,0	0,7
Женщины	РСФСР	16,3	2,3
	Свердловская область	14,9	2,5

*Составлено по: [8, с. 313; 9, с. 2015, 206]; ГАСО. Ф. 311. Оп. 2. Д. 819. Л. 197, 198.

ставляла 0,5 %, 35–39 лет – 1,27, 40–44 года – 4,15, 45–49 лет (родившиеся до 1914 г.) – 9,55 %. Сравнение данных переписей 1939 и 1959 гг. по Свердловской области показывает рост грамотных в одном поколении: 20–29-летние в 1939 г. к 1959 г., когда им стало 40–49 лет, повысили грамотность на 1,1 % у мужчин и на 1,6 % у женщин.

Неграмотных в возрасте 50 лет и старше насчитывалось в Свердловской области 171 948 чел., что составляло 27,8 % от 618 397 чел. в этом возрасте. Родившиеся до 1909 г. и пережившие все катаклизмы российской истории по разным причинам не сумели обучиться грамоте или потеряли ее после посещения краткосрочных курсов ликбеза.

В возрасте 9 лет и старше неграмотные в Свердловской области составляли 6,99 %, при этом в городах их доля была меньше и составляла 5,7 %, в деревнях она была существенно больше и достигала 10,97 %. Поэтому можно утверждать, что неграмотность не была побеждена. Однако, если учитывать, что доля неграмотных в возрасте 9–49 лет составляла 1,65 % от населения этой возрастной группы и в трудоспособном возрасте 16–49 лет – 1,9 %, то следует говорить о практически полной победе над неграмотностью (тем более что декрет СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г. требовал ликвидировать безграмотность среди населения в возрасте 16–49 лет).

По мере ликвидации неграмотности взрослого населения ко времени переписи населения 1959 г. произошел рост грамотности. Показатели грамотности населения свидетельствовали, что в послевоенные годы ликвидация неграмотности старших поколений мужчин и особенно женщин дала положительные результаты. Конечно, в условиях первых лет после войны обучение неграмотных не могло осуществляться в широком масштабе, и основное внимание органами образования уделялось повышению образовательного уровня работавших подростков и молодежи, с 1949 г. вводилось обязательное семилетнее образование. Сравнение данных 1959 г. с данными 1939 г. по сопоставимой территории Свердловской области и РСФСР показывает, что удельный вес лиц, не умеющих ни читать, ни писать, существенно сократился

(см. табл. 5).

В табл. 5 представлены достигнутые результаты ликвидации неграмотности за 20-летний период. Удельный вес неграмотных обоего пола в возрасте от 9 до 49 лет включительно резко сократился по РСФСР – с 10,3 до 1,5 % (на 8,8 %), по Свердловской области – с 9,8 до 1,7 % (на 8,1 %). Уровень неграмотности мужчин 9–49 лет к 1959 г. уменьшился по РСФСР и Свердловской области одинаково – на 3,3 %, а женщин этого возраста еще больше: по РСФСР – на 14 %, по Свердловской области – на 12,4 %.

Грамотность среди мужчин 9–49 лет превысила 99 %, т.е. достигла предела, которым определяется поголовная грамотность. Среди женщин этой же возрастной группы грамотность выросла с 83,7 % по РСФСР и с 85,1 % по Свердловской области в 1939 г. до 97,7 и 97,5 % соответственно в 1959 г. Разрыв по грамотности между мужчинами и женщинами, между городским и сельским населением к концу 1950-х гг. практически исчез. Процесс ликвидации неграмотности в регионе можно разделить на три этапа: 1946–1953 гг., 1954–1957 гг. и 1958 г. В послевоенные годы работа по ликвидации неграмотности среди взрослых трудоспособных мужчин и особенно среди женского населения, несмотря на огромные трудности, увенчалась существенными результатами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фишова А.А. Общее образование взрослых на территории РСФСР в 1930–1950-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 326 с.
2. Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 608 с.
3. Иванова Г.М. Государственная политика ликвидации неграмотности в СССР в 1950–1960-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1 (29). С. 27–37.
4. Дианов А.Г. Развитие сети и изменение состава учащихся школ рабочей и сельской молодежи Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1958 гг.) // Омский научный вестник. 2015. № 5. С. 16–20.
5. Федченко М.Н. Культура и быт молодежи Урала (1945–1960 гг.). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. 246 с.
6. Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация в уральской деревне в послевоенные годы // Население России: историко-демо-

графическое измерение. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 196–200.

7. *Репинецкий А.И.* Война и образовательный уровень населения России // *Российская история*. 2010. №. 4. С. 63–69.

8. *Население России в XX веке: исторические очерки*. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.

9. *Население России в XX веке: исторические очерки*. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1. 304 с.

REFERENCES

1. *Fisheva A.A.* General adult education in the territory of the RSFSR in the 1930s–1950s: diss. abstr. St. Petersburg, 2015, 326 p. (In Russ.)

2. *Russian pedagogical encyclopedia*. Moscow, 1993, 608 p. (In Russ.)

3. *Ivanova G.M.* The state policy of eliminating illiteracy in the USSR in the 1950–60s. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh*

issledovaniy RAN, 2017, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.)

4. *Dianov A.G.* The network development and changing the composition of students in working and rural youth schools in the post-war years (1946–1958) in West Siberia. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2015, no. 5, pp. 16–20. (In Russ.)

5. *Fedchenko M.N.* Culture and life of the youth (1945–1960). Kurgan, Publ. House of Kurgan Univ., 2014, 246 p. (In Russ.)

6. *Kornilov G.E.* Demographic situation in the Urals village in the post-war years. *Naselenie Rossii: istoriko-demograficheskoe izmerenie*. Moscow, 2017, pp. 196–200. (In Russ.)

7. *Repinetsky A.I.* The war and the educational level of population in Russia. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 4, pp. 63–69. (In Russ.)

8. *The population of Russia in the twentieth century. Historical essays*. Moscow, ROSSPEN, 2001, vol. 2, 416 p. (In Russ.)

9. *The population of Russia in the twentieth century. Historical essays*. Moscow, ROSSPEN, 2005, vol. 3, bk. 1, 304 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 05.03.2018*

DOI: 10.15372/HSS20180205
УДК 94(571.12)“1945/1953”

Н.Н. РАШЕВСКАЯ

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНСКОГО ЗАВОДА «МЕХАНИК» В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Сургутский государственный педагогический университет,
Р.Ф., 628404, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2

Статья посвящена изучению основных аспектов трудовой повседневности молодых рабочих тюменского завода «Механик» во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. Именно на рабочую молодежь легла вся тяжесть послевоенного восстановления заводского производства. Исследование основывается на ранее неопубликованных источниках и воспоминаниях ветеранов завода. Рассматривается динамика численности заводской молодежи, ее образовательный уровень, профессиональная подготовка. Основное внимание уделяется производственным и жилищным условиям рабочих. Сделан вывод, что условия труда, несмотря на постепенное улучшение, продолжали оставаться тяжелыми. Кроме того, неблагоприятные условия проживания в общежитиях, низкие заработки приводили к повышенной текучести молодых кадров на заводе.

Ключевые слова: молодежь, рабочая молодежь, Тюмень, завод «Механик», послевоенные годы, повседневность, трудовая повседневность, подготовка кадров, жилищные условия, комсомольско-молодежные бригады.

N.N. RASHEVSKAYA

DAILY WORKING LIFE OF YOUNG WORKERS OF TYUMEN PLANT “MEKHANIK” IN POST-WAR YEARS

Surgut State Pedagogical University,
10/2, 50 years VLKSM Str., Surgut, 628404, Russian Federation

The paper is devoted to studying the main aspects of the young workers' everyday life in the Tyumen plant “Mekhanik” in the late 1940s – early 1950s. The article objective is to study the daily activities of young workers, to describe the production and housing conditions, types and forms of work activity of young men and women at the enterprise. Investigating the state of various social groups in different periods of national history makes it possible to rethink the Soviet history. During the period under study young people accounted for more than a half of the labour staff, the burden of restoring the industry after the Great Patriotic War fell on their shoulders. Research methodology is based on the theory of everyday life, an anthropological approach is used, that is, the consideration of events and phenomena through the prism of a person's relationship to them, as well as techniques and methods of oral history. Due to the difficult economic situation in the country after the war, young people were forced to start working early and acquire a profession in the workplace. The main desire of young boys and girls was to work as quickly as possible in order to feed themselves, help the family, few thought about getting a speciality. Workers who did not have secondary education, went to study in the evening schools – schools of working young people. Recent graduates of factory training schools and vocational schools, coming to the plant, did not have sufficient knowledge for independent work, so they were often attached to the skilled staff for the full professional mastery.

During the period under study the working conditions gradually improved, but continued to be heavy. Most of the plant workshops were littered, in a shabby condition and required repairs. Low earnings, unfavorable housing conditions led to the staff constant turnover, an average work experience of young people at the plant did not exceed two years.

Key words: young workers, Tyumen, plant “Mekhanik”, postwar period, everyday life, everyday working life, workers training, living conditions, Komsomol-youth brigades.

Понимание и осмысление прошлого нашей страны, по мнению многих ученых, требует изучения повседневных практик различных социальных групп. К примеру, А. Людтке – один из основоположников

Наталья Николаевна Рашевская – канд. ист. наук, старший преподаватель, Сургутский государственный педагогический университет, e-mail: VNN.tmn@mail.ru.

Natalia N. Rashevskaya – Candidate of Historical Sciences, senior teacher, Surgut State Pedagogical University.

германской истории повседневности, выделяет три ключевых темы повседневности, без которых, по его мнению, невозможно понять историю минувшего XX в. Это рабочая история и производственная повседневность, история войн и военной службы и, наконец, история властных практик и символов в их тесной увязке с повседневной жизнью «рядовых людей» [1, с. 11].

Следует отметить, что изучение различных аспектов трудовой деятельности молодых рабочих дает возможность реконструировать одну из сторон повседневности в антропологическом измерении.

Объектом исследования в настоящей статье являются молодые рабочие тюменского завода «Механик», которые, придя на завод в тяжелые годы войны, в послевоенное время составляли более половины трудового коллектива¹. Тюменский завод «Механик» являлся старейшим предприятием города, ведущим свою историю с 1899 г. с небольшой литейной мастерской Н.Д. Машарова.

Источниковая база исследования базируется преимущественно на делопроизводственной документации – протоколах партийных, комсомольских и профсоюзных собраний, заседаний партбюро завода – и устных источниках, собранных автором в 2007–2011 гг. интервью с ветеранами завода.

Методология исследования основывается на теоретических разработках истории повседневности, понимаемой нами как воссоздание жизненных условий, их восприятие, эмоциональные реакции на них, с использованием приемов и методов устной истории.

Рабочая молодежь как часть советского рабочего класса занимала заметное место в трудах советских историков. Советские историки в рамках изучения рабочего класса затрагивали вопросы комплектования кадрами советских предприятий, освещали формы профессиональной подготовки и трудовой активности юношей и девушек как на общесоюзном [2, 3], так и региональном [4, 5] уровнях.

В постсоветское время предметом научного исследования историков становятся вопросы социального, культурного и профессионального развития молодежи [6, 7, 8, 9]. Пристальное внимание исследователей обращено на изучение различных форм и видов деятельности комсомольских организаций по воспитанию молодого поколения рабочих [10].

Положение молодых рабочих оборонных предприятий Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны подробно исследуется в работах Р.Е. Романова. Автор затрагивает такие вопросы, как социализация молодежи, материально-бытовые условия жизни, факторы, влиявшие на отношение к труду: уровень заработной платы, жилищные условия, питание, организация свободного времени [11].

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 260. Оп. 2. Д. 14. Л. 32.

В настоящее время практически не освещены вопросы трудовой повседневности молодых юношей и девушек на производстве в послевоенные годы.

На начало 1946 г. из 500 чел., работавших на тюменском заводе «Механик», 300 относились к категории молодых рабочих². В 1947 г. численность молодежи возросла до 480 чел., что на тот момент составляло более 60 % к общему числу рабочих, занятых на производстве³. К началу 1950-х гг. количество молодых рабочих сократилось до 400⁴. Скорее всего, это связано с тем, что часть молодежи оставалась на производстве, переходя в разряд кадровых рабочих.

Характерным явлением послевоенных лет был высокий уровень текучести среди молодежи. В среднем ежегодно с завода увольнялось по 190 чел. и вновь принималось по 150 чел.⁵

Советские историки объясняли повышенный уровень текучести среди молодых рабочих невнимательным отношением некоторых руководителей предприятий к организации труда молодежи, их бытового устройства и культурного обслуживания. Такое отношение к выпускникам училищ и школ трудовых резервов было осуждено постановлением Совета Министров СССР от 2 августа 1948 г. «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных рабочих и ликвидации текучести учащихся в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» [12, с. 117].

Основная масса молодых рабочих находилась в возрасте 20–25 лет. В 1950 г. возрастной состав заводских рабочих был следующим: 17 лет – 13 чел., 18 лет – 34, 19 лет – 23, от 20 до 25 лет – 220, от 26 до 35 лет – 175, от 36 до 49 лет – 194, от 50 до 54 лет – 45, от 55 до 59 лет – 24, от 60 и старше – 20 чел.⁶

По стажу большинство рабочих проработало на предприятии до двух лет, что также является показателем значительной текучки кадров на заводе. Так, в 1950 г. менее года на заводе проработало 115 чел., до 2 лет – 118, до 3 лет – 80, до 4 лет – 56, до 5 лет – 24, до 6 лет – 43, до 8 лет – 83, до 10 лет – 113, до 15 лет – 57, до 25 лет – 50, до 40 лет – 12, 40 лет и больше – 1 чел.⁷

На заводе были и кадровые рабочие, стаж которых превышал 10 лет, сложились и свои заводские династии, например: Третьяченко, Грешко, Молчановых, Никитиных и др. [13, с. 29].

У большей части молодежи, пришедшей на производство, был сравнительно невысокий образовательный уровень [2, с. 138]. Распространенным явлением в послевоенное время было устройство на работу сразу после окончания средней школы. Чаще всего молодые

² ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 15. Л. 10.

³ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 234. Л. 18.

⁴ Там же. Ф. 260. Оп. 3. Д. 4. Л. 168.

⁵ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 393. Л. 4-99.

⁶ Там же. Д. 471. Л. 78.

⁷ Там же. Л. 78 об.

люди шли трудиться на то предприятие, на котором уже работали их родственники, или оно находилось недалеко от дома. «Каждый стремился быстрее на работу, про учебу не думали»⁸.

К примеру, у Ольги Александровны Катышевой на завод сначала поступил работать брат в литейный цех, а затем в 1926 г. – сестра. В 1942 г. пришла на завод и 14-летняя Ольга, в то время у нее не было закончено и трех классов школы. «Меня никто и не посылал, я сама ушла, жрать дома нечего, а там 800 грамм хлеба давали»⁹.

В 1948 г. на заводе работало 20 подростков 1929–1930 гг. рождения, из которых один был неграмотный, двое имели образование 2 класса, пятеро – 3 класса, пятеро – 4 класса, четверо – 5 классов, двое – 6 классов, один – 9 классов¹⁰.

Молодые люди, не имевшие среднего образования, обучались в вечерних школах рабочей молодежи (ШРМ), например, в 1947 г. в городе было 5 таких школ¹¹. За 1946–1947 учебный год ШРМ окончили 6 рабочих заводов¹².

Основная масса рабочих поступала на завод после окончания ремесленных училищ и школ ФЗО. К примеру, в мае 1946 г. из школы ФЗО № 20 на завод было направлено 110 чел.¹³ В 1949 г. из ремесленных училищ прибыло 40 чел.¹⁴, в 1950 г. из школ ФЗО – 26 чел.¹⁵, в 1951 г. – 10 чел.¹⁶, в 1954 г. – 13, а в следующем году – 15 чел.¹⁷

Вновь прибываемые выпускники зачастую имели лишь некоторые теоретические знания, но не обладали какими-либо навыками практической работы. «Ученики на завод приходят не только не способные работать, но даже не имеют понятия о станке»¹⁸. Поэтому для приобщения их к профессии администрация организовывала обучение непосредственно на производстве, помогая овладеть как теоретическими, так и практическими навыками работы.

Основным источником подготовки молодых кадров являлось индивидуально-бригадное практическое обучение. Учеников прикрепляли к квалифицированным рабочим со стажем не менее трех–пяти лет и разрядом не ниже третьего сроком в среднем на 3 мес.¹⁹ У каждого прибывшего ученика был свой наставник, в среднем каждого ученика учили по 3 мес.²⁰ Ветеран завода О.А. Катышева вспоминала: «Человек 15 приводят ребятишек, чтобы я их обучала – как я их буду об-

учать, сами смотрите, у меня один ученик есть, я могу ее научить, а 15 человек, они кругом окружают, ну и глядите, что я делаю»²¹.

Заработная плата устанавливалась по первому разряду тарифной сетки повременщиков и составляла первоначально 25–40 руб. в месяц, со временем увеличивалась до 60–90 руб.²² и была намного меньше, чем у кадровых рабочих²³.

После прохождения обучения ученики сдавали экзамен на разряд. Разряды не выше второго присваивала цеховая квалификационная комиссия, а выше – заводская производственными навыками, успешно осваивал теоретический курс, зарплату повышали до 2-го и 3-го разрядов тарифной сетки повременщиков. Успевающих учеников по мере освоения норм выработки переводили на сдельную оплату труда по действующим нормам времени и расценкам²⁴.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на заводской территории располагалось пять производственных цехов – механический, сборочный, литейный, кузнечный, модельно-столярный – и шесть вспомогательных – инструментальный, ремонтно-механический, ремонтно-строительный, энергоцех, термическое отделение, транспортный цех²⁵. Корпус основных цехов завода был построен в 1923 и 1931 гг.²⁶, во второй половине 1940-х гг. многие из них требовали ремонта.

После окончания войны все предприятия, согласно постановлению СНК от 21 июня 1945 г., возвращались к нормальному рабочему режиму, отменялись сверхурочные, продленные смены, восстанавливались отпуска [14, с. 90].

На протяжении исследуемого периода условия труда на заводе оставались тяжелыми. Вредные условия для работы были в литейном цехе и на его участках – формовки, землеприготовительном и стержневом, особо вредные – в плавильном отделении, на участке обрубки и галтовки²⁷.

Сложные условия труда негативно сказывались на здоровье и настроении рабочих. Особенно трудно было работать в зимний период. Из года в год заводская администрация не успевала вовремя подготовить цеха к работе в зимних условиях: «в цехах очень холодно, не топят, рабочие мерзнут, ищут теплого места, где погреться»²⁸. Во многом холод в цехах объяснялся отсутствием дров на заводе²⁹.

Заводское руководство пыталось обеспечить рабочим безопасные и более или менее комфортные условия труда. В 1946 г. на охрану труда и техни-

⁸ Воспоминания А.М. Пушникова, Е.П. Ушакова, записаны автором.

⁹ Воспоминания О.А. Катышевой, записаны автором.

¹⁰ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 445. Л. 84.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 722. Л. 124–125.

¹² Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 238. Л. 57.

¹³ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 410. Л. 150.

¹⁴ Там же. Д. 445. Л. 75.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 483. Л. 18.

¹⁷ Там же. Д. 524. Л. 128.

¹⁸ ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 3. Д. 11. Л. 4.

¹⁹ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 613. Л. 175.

²⁰ Воспоминания В.А. Головки, записаны автором.

²¹ Воспоминания О.А. Катышевой, записаны автором.

²² ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 634. Л. 29.

²³ Воспоминания Е.И. Ржавиной, записаны автором.

²⁴ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 426. Л. 67.

²⁵ Там же. Д. 508. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 440. Л. 6 об.

²⁷ Там же. Д. 635. Л. 41.

²⁸ ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 14. Л. 58.

²⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 697. Л. 29.

ку безопасности было израсходовано 67 тыс. руб., в 1947 г. – 73 тыс., в 1948 г. – 81 тыс., в 1949 г. – 97 тыс., в 1950 г. – 98 тыс. руб.³⁰ Зачастую выделяемые средства расходовались нерационально, поэтому кардинальных изменений не происходило.

Постоянными были жалобы рабочих на сквозняки, загазованность, пыль, отсутствие нормальной вентиляции в цехах. Долгое время на заводе имелась всего одна душевая с небольшой пропускной способностью, поэтому рабочим приходилось тратить много времени на ожидание своей очереди помыться. Строительство второй душевой велось с 1950 г. и закончилось только к 1956 г.³¹

Нередко рабочие жаловались на нехватку питьевой воды в цехах: «Цеха не обеспечиваются своевременно питьевой водой. В механосборочном цехе бачки с питьевой водой завалены деталями»³². Не хватало в цехах и раздевалок: «В механосборочном цехе нет раздевалок, поэтому на работу и с работы люди ходят в грязной одежде, в автобусы не пускают»³³.

Состояние производственного оборудования также значительно ухудшилось за годы войны. Большинство станков, работая на износ, находилось в очень плохом состоянии. В первые послевоенные годы ремонт оборудования проводился только в аварийных случаях, планово-предупредительный ремонт не практиковался³⁴.

Согласно производственно-техническому паспорту за 1948 г., на заводе было 10 единиц оборудования с дореволюционных времен, 37 – изготовленных в 1920-х гг., 182 – в 1930-х гг. и 181 – в 1940-х гг.³⁵

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на заводе остро стоял вопрос с обеспечением рабочих спецодеждой. Основные жалобы рабочих были связаны с несвоевременным снабжением спецодеждой и ее низким качеством³⁶. Нередко выдача спецодежды задерживалась на 1–2 мес.³⁷ Проблемы с наличием спецодежды нередко провоцировали распространение простудных заболеваний среди рабочих.

Находясь в таких условиях, молодые рабочие ежедневно должны были не только выполнять производственные нормы, но и стараться их перевыполнять. Заводской ритм работы был рваным, нестабильным, когда более 50 % продукции выпускалось, как правило, в третьей декаде месяца. В первые две декады месяца случались частые простои по причине неоперативного материально-технического снабжения завода необходимыми материалами и комплектующими изделиями. Работа в авральном режиме и недостаточная квалификация рабочих приводили к выпуску бракованной продукции.

Среди заводской молодежи организовывалось соревнование комсомольско-молодежных бригад. В 1945 г. на заводе было 35 таких бригад с охватом 150 чел., в 1946 г. – 39 с охватом 165 чел., в 1947 г. – 42 бригады с охватом 195 чел.³⁸ Не все справлялись с выполнением плана и, как следствие, зарабатывали мало.

Часть заводской молодежи проживала в общежитиях. Жилищный фонд завода включал два общежития, оснащенных печным отоплением, вентиляцией, электричеством, при этом отсутствовала канализация, а воду приходилось набирать в колонках. Самым старым было общежитие по ул. Хохрякова, 85, построенное еще до революции в 1903 г. Общежитие представляло собой двухэтажное деревянное здание, находившееся в ветхом состоянии и требовавшее капитального ремонта. В 1946 г. в общежитии проживало 56 чел., в 1947 г. – 50 чел.³⁹ Общежитие по ул. Стахановской тоже было двухэтажное, но уже кирпичное, построенное в 1946–1947 гг. В нем в 1946 г. проживало 36 чел., в 1947 г. – 57 чел. Оба заводских общежития были перенаселены⁴⁰, в среднем на человека приходилось 2,5 м² при санитарной норме 6 м².

Главными проблемами заводских общежитий были нехватка тумбочек (одна тумбочка на 7 человек), табуреток, шкафов для хранения вещей⁴¹, в комнатах было холодно, не хватало воды, в результате рабочие 2-й смены вынуждены были ложиться спать грязными⁴².

К началу 1950-х гг. условия проживания в общежитиях существенно улучшились. В комнатах стало проживать по 6–7 чел. В отчете партбюро говорилось, что «жестким и мягким инвентарем обеспечены полностью. В комнатах уютно, особенно у девушек. При общежитиях имеются кухни для приготовления пищи. Постельные принадлежности меняются каждые 10 дней»⁴³.

Таким образом, в послевоенное время рабочая молодежь на заводе «Механик» составляла значительную часть трудового коллектива. Средний возраст рабочих составлял 20–25 лет, трудовой стаж – от 1 года до 3 лет. Основной формой подготовки рабочих было индивидуальное ученичество, нередко даже выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО не обладали необходимыми знаниями для практической работы и нуждались в обучении. Вследствие низкой квалификации большинства молодых рабочих размер их заработной платы был значительно ниже, чем у кадровых рабочих. Все это в совокупности с неудовлетворительными условиями проживания в общежитиях и тяжелыми производственными условиями труда приводило к значительной текучести молодых рабочих на заводе.

³⁰ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 478. Л. 201.

³¹ Там же. Д. 549. Л. 87.

³² ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 3. Д. 13. Л. 123.

³³ Там же. Л. 176.

³⁴ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 440. Л. 38.

³⁵ Там же. Л. 24–30.

³⁶ Там же. Д. 552. Л. 23.

³⁷ ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 226. Л. 182.

³⁸ ГАСПИТО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 16. Л. 14.

³⁹ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 440. Л. 8 об.

⁴⁰ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 744. Л. 72.

⁴¹ Там же. Д. 689. Л. 12 об.–13.

⁴² Там же. Д. 802. Л. 253; Ф. 260. Оп. 3. Д. 4. Л. 31–32.

⁴³ ГАТО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 489. Л. 117.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. 285 с.
2. Кучеренко М.М. Молодое поколение рабочего класса СССР: процесс формирования и воспитания. 1917–1979 гг. М., 1979. 189 с.
3. Смирнов А.В. Главный источник нашей силы: рабочие промышленности СССР 1945–1970 гг. М., 1984. 200 с.
4. История Сибири. Л., 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 472 с.
5. Карпенко З.Г. Подготовка молодой смены рабочего класса в Кузбассе // Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1972. Вып. 4. С. 133–144.
6. Смирнова А.Л. Социальное развитие рабочей молодежи России 1970–1980 гг.: проблемы изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. № 3. С. 79–83.
7. Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4. С. 105–131.
8. Королева Т.М. Формирование культурной среды молодых рабочих Восточной Сибири в период 1960–1980-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2013. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 376–381.
9. Королева Т.М. Профессиональная подготовка молодых кадров на предприятиях Восточной Сибири в период с 1950-х по 1980-е гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. №3. С. 254–256.
10. Бредихин В.Е., Слезин К.А. Деятельность ВЛКСМ по развитию научно-технического творчества молодежи в период позднего СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10): в 3-х ч. Ч. II. С. 25–28.
11. Романов Р.Е. Формирование молодежных рабочих кадров оборонной промышленности Новосибирской области в военные годы (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 100–103.
12. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 4. 520 с.
13. Тюменский станкостроительный завод. 100 лет со дня основания. Тюмень, 1999. 32 с.
14. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 50-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. 589 с.

REFERENCES

1. Lüdtke A. The history of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power. Moscow, 2010, 285 p. (In Russ.)
2. Kucherenko M.M. The younger generation of the working class in the USSR: the process of forming and upbringing. 1917–1979. Moscow, 1979, 189 p. (In Russ.)
3. Smirnov A.V. The main source of our strength: industrial workers in the USSR 1945–1970. Moscow, 1984, 200 p. (In Russ.)
4. History of Siberia. Leningrad, 1969, vol. 5: Siberia in the period of completion of construction of socialism and transition to communism, 472 p. (In Russ.)
5. Karpenko Z.G. Preparing a young working-class shift in Kuzbass. *Iz istorii rabocheho classa Sibiry*, Kemerovo, 1972, vol. 4, pp. 133–144. (In Russ.)
6. Smirnova A.L. Social development of Russian working youth in 1970–1980: problems of studying. *Vestnik Samaraskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija*, 2010, vol. 3, pp. 79–83. (In Russ.)
7. Paramonov V.N. The social situation of youth people at the enterprises of the RSFSR in 1941–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 4, pp. 105–131. (In Russ.)
8. Koroleva T.M. Formation of the cultural environment of young workers in Eastern Siberia in 1960–1980s. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. 2013. Irkutsk, 2013, pp. 376–381. (In Russ.)
9. Koroleva T.M. Professional training of young cadres at the enterprises of Eastern Siberia in 1950–1980s. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 254–256. (In Russ.)
10. Bredihin V.E., Slezin K.A. Komsomol activities on the development of scientific-technical creativity of young people in the late USSR. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 4, pt. 2, pp. 25–28. (In Russ.)
11. Romanov R.E. Formation of youth labour force in the defense industry of Novosibirsk region during the war (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2006, no. 2, pp. 100–103. (In Russ.)
12. The history of the Soviet working class. Moscow, Nauka, 1987, vol. 4, 589 p. (In Russ.)
13. Tyumen Machine-Tool Plant. 100th anniversary of its foundation. Tyumen, 1999, 32 p. (In Russ.)
14. Sokolov A.K. Coercion to work in the Soviet industry and its crisis (late 1930s–50's). *Economicheskaya istoria: yezhegodnik*. 2003. Moscow, 2004, 589 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.03.2018

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180206
УДК 903.2(575.2)

Ю.С. ХУДЯКОВ, А.Ю. БОРИСЕНКО, Ж. ОРОЗБЕКОВА

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ С ГОРОДИЩА ШЕЛЬДЖИ В КЫРГЫЗСТАНЕ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье рассматриваются отдельные находки художественных металлических изделий, среди которых имеется поясная пряжка и две накладки, обнаруженные в предшествующие годы на поверхности средневекового городища Шельджи или Садыр-Курган, расположенного в долине р. Талас, в Северном Кыргызстане. В настоящее время эти находки хранятся в школьном музее им. М. Орозбекова в с. Кызыл-Адыр в Таласской области Кыргызской Республики. Они были изучены авторами данной статьи в ходе экспедиционной поездки в Кыргызстан. Тянь-Шань и Семиречье. Находки классифицированы и распределены по формальным признакам. Высказаны некоторые соображения о хронологии их использования и территории распространения в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона. В статье приведена аргументация в пользу культурной принадлежности предметов торевтики из данной коллекции, согласно которой они могли быть изготовлены средневековыми ремесленниками, проживавшими в г. Шельджи, который в данный период являлся важным ремесленным и торговым центром Тянь-Шаня и Семиречья.

Ключевые слова: кыргызы, Тянь-Шань, Семиречье, художественные металлические изделия, предметы торевтики, эпоха раннего Средневековья.

YU.S. KHUDYAKOV, A.YU. BORISENKO, Z. OROZBEKOVA

FINDINGS OF TOREUTICS OBJECTS FROM THE ANCIENT SHELJI SETTLEMENT IN KYRGYZSTAN

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Novosibirsk National State University,
2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

*Исследование проведено в рамках реализации программы НИР XII.186.2, по проекту № 0329-2016-0003.

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: khudjakov@mail.ru.

Алиса Юльевна Борисенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Жазгул Орозбекова – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

Yulii S. Khudyakov – Doctor of Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk National State University.

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Novosibirsk National State University.

Jazgul Orozbekova – junior researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

The article is devoted to studying some findings of artistic metallic goods, among which are a belt buckle and two hasps discovered in the previous years on the surface of Medieval ancient Shelji or Sadyr-Korgon settlement situated in the valley of the Talas River in northern Kyrgyzstan. Nowadays these findings are kept in the school museum named after M. Orozbekov in Kyzyl-Adyr village in the Talas Region of the Kyrgyz Republic. The authors studied them during the expeditionary trip to Kyrgyzstan. The article considers main results of the previous research of toreutics objects in the territory of Tian Shan and Jetysu. The artistic metallic goods are analyzed. These findings are classified and assigned to definite types on formal grounds. The authors made propositions on chronology of their use and the territory of spreading within the Central Asian cultural and historical region. The article argues in favour of cultural identity of toreutics objects from this collection; according to the theory they could be made by handicraftsmen, who lived in Shelji town during the Middle Ages, which was an important industrial and trade centre of Tian Shan and Jetysu at that time.

The study of ornamental toreutics objects discovered by a teacher and students of Kyzyl-Adyr secondary school in outskirts of Medieval ancient Shelji or Sadyr-Korgon is important for understanding handicrafts' development in northern Kyrgyzstan. Analyzed archaeological findings show that the town was a significant trade centre of artistic metallic goods in the Talas River valley, northern Kyrgyzstan, in the early and high Middle Ages.

Key words: Kyrgyz people, Tian Shan, Jetysu, artistic metallic goods, toreutics objects, early Middle Ages.

Предметы торевтики малых форм – художественные металлические изделия поясной и сбруйной фурнитуры – обнаружены на памятниках древнетюркской культуры раннего Средневековья в Притяньшанье.

Со второй половины XX в. изучением средневековых предметов торевтики на территории Тянь-Шаня и Семиречья стали заниматься многие ученые. В 1950-х гг. к анализу декоративного искусства обращался А.Н. Бернштам. В его труде искусство тюркских кочевников определено как «синкретичное», в составе которого представлены разные художественные компоненты [1, с. 132–133]. В течение карлукского периода в декоративно-прикладном искусстве средневекового населения Тянь-Шаня, по его мнению, стал доминировать «орнаментализм» [1, с. 92, 150–152]. Металлические изделия, украшенные узорами, были учтены позднее в обобщающем труде по истории Кыргызстана [2, с. 165–167]. В 1980-х гг. в каталоге выставки культуры и искусства Кыргызстана были изданы некоторые бронзовые пряжки, украшенные изображениями рыб и растительным орнаментом, а также поясные и подвесная бляхи [3, с. 67–68, 73]. На отдельных поясных бляшках древних тюрков, относящихся к периоду Первого Тюркского каганата, имеются изображения животных [4, рис. 20, 25; 23, 5].

В конце XX – начале XXI в. предметы торевтики из раскопок памятников эпохи раннего Средневековья были выявлены в музейных собраниях Кыргызстана, они изучались современными казахскими, кыргызскими и российскими археологами. Учеными из Казахстана и Кыргызстана анализировались художественные изделия с городища Красная Речка в Чуйской долине [5, с. 64]. Предметы торевтики с территории Кыргызстана рассмотрены в книге о культуре народов Центральной Азии и Кавказа [6, илл. XI]. Художественные металлические изделия из курганов средневековых кочевников Центрального Тянь-Шаня описаны К.Ш. Табалдиевым [7, с. 51–53; 8, с. 120–122]. Художественные металлические изделия анализировались А.И. Торговым [9, с. 341; 10, с. 376–401]. Значительная коллекция художественных металлических изделий из Иссык-Кульской котловины опубликована в собрании музея Кыргызско-Российского Славянского университета [11, с. 7, 8, 51, 52]. В последние годы предметы поясной и сбруйной фурнитуры с разнообразной орнаментацией из кур-

ганов средневековых кочевников, исследованных на Тянь-Шане и в Семиречье, проанализированы в трудах кыргызских и российских археологов [12, с. 95–99; 13, с. 70–76; 14, с. 159–161]. На поверхности многих пряжек, накладок и бляшек выявлены изображения фантастических крылатых кошачьих хищников, львов и барсов, копытных животных и рыб [14, с. 160–162]. Опыт исследования средневековых художественных металлических изделий из Тянь-Шаня и Семиречья свидетельствует о высоком уровне развития их производства местными мастерами в Средневековье.

Однако, несмотря на большое внимание к изучению художественных металлических изделий средневековых кочевников Кыргызстана, некоторые оригинальные предметы торевтики малых форм, сохранившиеся в составе музейных коллекций, до настоящего времени не привлекали внимания исследователей.

В ходе экспедиционной поездки, совершенной в долине р. Талас в 2014 г., авторами данной статьи изучалась представительная коллекция археологических предметов, которая хранится в с. Кызыл-Адыр в Таласской области – в музее средней школы им. М. Орозбекова. По словам учителей этой школы, в предшествующие годы в ней активно работал археологический кружок под руководством учителя истории С.С. Тура, который вместе со своими учениками активно занимался поисками древних памятников в окрестностях этого села. Большая часть археологических находок, включая художественно оформленные металлические изделия, была обнаружена на поверхности средневекового городища Шельджи или Садыр-Коргон в долине р. Талас.

Среди находок предметов торевтики в коллекции школьного музея выделяется бронзовая поясная пряжка. Она снабжена овальной рамкой с расширенным проемом прямоугольной формы с закругленными углами для продевания поясного ремня. Длина пряжки с рамкой и щитком – 4,3 см, ширина щитка – 2 см, длина рамки – 3 см. Ранее поперек данной рамки, видимо, размещался металлический, вероятнее всего бронзовый, подвижной язычок. От его крепления на пряжке сохранилось небольшое овальное отверстие, в которое и продевался этот металлический язычок. С противоположной стороны рамки имеется небольшое углубле-

ние, на котором должно было располагаться это приспособление для застегивания ремня.

С одной из сторон рамки данной пряжки находится прямоугольный щиток с овальным окончанием, окаймленным с трех сторон загнутым книзу бортиком. На поверхности этого щитка нанесен гравированный сетчатый орнамент, образованный из скопления небольших, плотно прилегающих друг к другу, ромбических фигур. С внутренней стороны щитка находится шип с несколько изогнутым окончанием, служивший для крепления данной пряжки со щитком к кожаному ремню (см. рисунок, 1).

Вероятнее всего, такая пряжка могла принадлежать поясному, а не сбруйному ремню. Близкие по форме пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком, а также с овальным или треугольным окончанием обнаружены в нескольких археологических памятниках древнетюркской культуры, которые могли принадлежать не только древним тюркам периода существования Первого Тюркского каганата, но и западным тюркам и тюркешам [7, рис. 25, 2; 12, рис. 57, 6; рис. 92, 7, 11, 15, 19, 23].

На поверхности некоторых рамок и щитков многих древнетюркских пряжек из Притяньшанья представлены различные варианты орнаментации. Несмотря на то, что сетчатый орнамент на поверхности щитка из школьного музея в с. Кызыл-Адыр не находит прямых аналогий среди орнаментации металлических принадлежностей поясных ремней, известных в материалах из раскопанных ранее памятников древнетюркской культуры на территории Тянь-Шаня и Семиречья, такой вариант орнаментации не исключает отнесения данной пряжки к древнетюркской культуре эпохи раннего Средневековья. По форме рамки и наличию орнаментированного щитка данную пряжку можно отнести к древнетюркской археологической культуре, памятники которой распространены в Притяньшанье [7, с. 51; рис. 25, 2]. Данная пряжка может быть отнесена к отдельному типу металлических принадлежностей, служивших для соединения средневековых древнетюркских наборных поясных ремней.

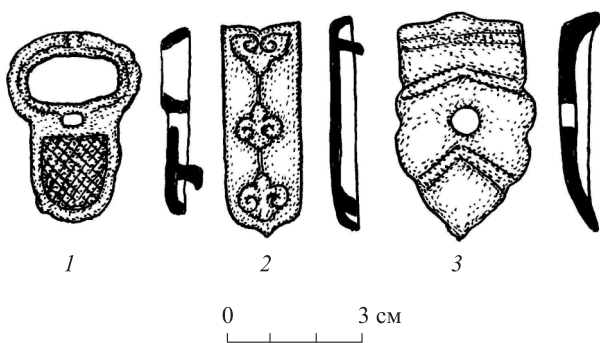
Подобные бронзовые и серебряные поясные пряжки с овальной рамкой, бронзовым или железным

подвижным язычком и прямоугольным, орнаментированным или гладким щитком с овальным окончанием нашли некоторое распространение в составе предметных комплексов тюркских кочевников Тянь-Шаня в эпоху раннего Средневековья. Близкие по форме бронзовые пряжки с выступающими щитками обнаружены в составе сопроводительного инвентаря древнетюркских погребений на памятниках Баш-Таш-Короо I, Бел-Саз II, Май-Чабыр, Боз-Бешик, а также среди случайных находок, обнаруженных в разное время в Кочкорской и Чуйской долинах в Кыргызстане [1, рис. 50, 3; 7, рис. 5, 14; рис. 8, 8; рис. 24, 6; рис. 25, 2; 12, рис. 10, 8; рис. 57, 6; рис. 61, 14; рис. 91, 3; рис. 135; рис. 140; рис. 143]. В древнетюркских памятниках обнаружено девять таких пряжек, среди них – три орнаментированные поясные, напоминающие аналогичные застежки от ремней.

В составе предметного комплекса археологического памятника Беш-Таш-Короо II обнаружены бронзовые ажурные бляхи, на которых имеются профильные изображения кошачьих хищников [12, рис. 73, 5, 7]. В Кочкорской долине найдены бронзовые ажурные бляхи, украшенные довольно развитой растительной орнаментацией. По мнению А.Н. Бернштама, данные предметы тюркешки должны относиться к культуре енисейских кыргызов на территории Притяньшанья [1, с. 92–94]. Однако в памятниках культуры енисейских кыргызов, исследованных в Саяно-Алтае и Центральной Азии, таких предметов тюркешки не обнаружено.

В составе орнаментации некоторых металлических деталей из Кыргызстана имеются также достаточно оригинальные изображения антропоморфных личин, а также рыб. Отдельные бронзовые поясные принадлежности из памятника Боз-Бешик на территории Кыргызстана были покрыты позолотой [12, рис. 92, 23, 24]. Вполне вероятно, что такие, богато орнаментированные металлические детали из поясных наборов изготавливались во многих городских ремесленных центрах Средней Азии, в том числе в городе Шельджи, или Садыр-Коргон.

В составе исследуемой коллекции предметов тюркешки, обнаруженных на поверхности городища Шельджи, имеется бронзовая ременная наклад-ка. Она отличается односторонне-выпуклой, подпрямоугольной формой, с плавно закругленным нижним концом, имеющим небольшой треугольный выступ по центральной оси и неглубокое угловатое углубление на противоположном конце. Длина этой наклад-ки – 4,6 см, ширина – 1,7 см. На внешней поверхности наклад-ки выгравировано три орнаментальных элемента, соединенных между собой узкой, двойной линией. Два из этих орнаментальных фигур расположены на нижнем, приостренном конце и в центре наклад-ки. Они представляют собой изображение бутона цветка с отогнутыми с обеих сторон закругленными завитками и расширенными к нижней части тремя отростками. В верхней части наклад-ки нанесено изображение фигуры с полуовальным выступом и приостренным

Предметы тюркешки с городища Шельджи: 1 – пряжка; 2, 3 – наклад-ки.

окончанием. На противоположном конце находятся два обращенных друг к другу круто загнутых завитка (см. рисунок, 2).

Возможно, данный орнаментальный элемент связан с использованием в значительной степени стилизованного мотива, который может восходить к профильным изображениям птичьих голов с массивными, загнутыми, полукруглыми птичьими клювами. Похожий по форме элемент орнамента присутствует на поверхности одной из бронзовых бляшек, обнаруженной на древнетюркском местонахождении Май-Чабыр на территории Кыргызстана [12, рис. 91, 4]. Судя по данной аналогии, орнаментированная накладка с городища Шельджи, вероятнее всего, должна относиться к подвесному ремешку от наборного поясного ремня, что характерно для мужских воинских поясов древнетюркской культуры на территории Северного Притяньшанья в раннее Средневековье. Данная ременная принадлежность может быть выделена в самостоятельный тип накладок для поясных ремней западных тюрок и тюргешей.

В материалах раскопанных в предшествующие годы археологических памятников культуры древних тюрок на Тянь-Шане в составе сопроводительного инвентаря памятника Бел-Саз II в единичном случае была обнаружена бронзовая накладка прямоугольной конфигурации, довольно близкой к описанной выше, с одним заостренным нижним концом и угловатым углублением на противоположном верхнем конце. Она также является металлической деталью, принадлежащей древнетюркскому мужскому наборному поясу [12, рис. 57, 4].

Еще одна металлическая накладка отличается довольно редкой формой. В нижней ее части находится сердцевидный выступ, с обеих боковых сторон этой бляхи располагается еще по два полукруглых выступа. В верхней части накладки имеется прямоугольное окончание с небольшим полуовальным выступом в середине данного окончания. В центральной части накладки находится сквозное округлое отверстие. Накладка украшена двумя двойными гравированными полосами, расположенными тупым углом к верхней части. Вдоль верхней части накладки прослеживается еще одна двойная горизонтальная полоса (рисунок, 3). Длина накладки – 5,1 см, ширина – 3 см, диаметр центрального сквозного отверстия – 0,6 см. К настоящему времени каких-либо близких аналогий данной накладке в составе инвентаря известных археологических памятников разных средневековых кочевнических культур на территории Тянь-Шаня и Семиречья (относящихся к раннему и развитому Средневековью) выявить не удалось. Также не определено, к какому виду поясных или сбруйных ремней может относиться данная металлическая накладка с такой оригинальной орнаментацией. Однако выявленные особенности формы и орнамента данной накладки дают основание для того, чтобы отнести ее к отдельному самостоятельному типу ременных металлических декоративных деталей эпохи развитого Средневековья.

Судя по тому, что изученная бронзовая поясная пряжка и две металлические накладки были обнаружены на поверхности средневекового городища Шельджи, данное поселение могло быть одним из важных ремесленных центров, в котором изготавливались также металлические предметы поясной и сбруйной фурнитуры на территории Северного Притяньшанья, характерные как для завершающего периода раннего Средневековья, так и для последующего времени вплоть до начального этапа этнографической современности. Вполне вероятно, что шельджинские средневековые ремесленники, мастера-литейщики и кузнецы, производили разнообразные металлические детали специально для поясных и сбруйных ремней, широко применявшихся в культуре западных тюрок и тюргешей, а также других средневековых кочевников Тянь-Шаня и Семиречья. В орнаментации металлических деталей наборных поясов, уздечных и других сбруйных ремней, которые были представлены на пряжках, накладках и бляшках, использовались разнообразные геометрические, растительные, а также зооморфные художественные мотивы [12, с. 133–134]. Можно предположить, что такие мотивы орнамента связаны с распространением благожелательной символики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.
2. История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. I. 708 с.
3. Памятники культуры и искусства Киргизстана. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1983. 80 с.
4. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 29–43.
5. Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). Алматы: Гылым, 2007. 304 с.
6. Камышев А. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Торевтика. Самарканд; Ташкент, 2012. Т. III. С. 93–122.
7. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
8. Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: V.R.S. Comranu, 2011. 320 с.
9. Торгоев А.И. Зверинные образы на ременной гарнитуре Семиречья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы темат. конф. СПб., 2004. С. 338–341.
10. Торгоев А.И. Ременные украшения Караханидов (к постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. Т. 62. С. 376–401.
11. Ставская Л.Г., Джунушалиева Г.Д., Плоских В.В., Лужанский Д.В. Историко-археологический музей КРСУ. Бишкек, 2013. 94 с.
12. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 292 с.
13. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кечиева З.Р. Бронзовые бляшки с изображениями из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 70–79.

14. Кечиева З.Р. Зооморфные образы на средневековой тюркитике Тянь-Шаня // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 159–165.

REFERENCES

1. Bernshtam A.N. Historical and archaeological essays on the Central Tian Shan and Pamir-Alay. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, Leningard, 1952, no. 26, 346 p. (In Russ.)
2. History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic. Frunze, Kirgizstan, 1968, vol. 1, 708 p. (In Russ.)
3. Culture and art monuments of Kyrgyzstan. Leningrad, Iskusstvo, 1983. 80 p. (In Russ.)
4. Mogilnikov V.A. The Turkic people. *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya. Arkheologia SSSR*; Moscow, 1981, pp. 29–43. (In Russ.)
5. Baipakov K.M., Ternovaya G.A., Goryacheva V.D. Art metal of Krasnaya River site (VI – early XIII centuries). Almaty, Gylym Publ., 2007, 304 p. (In Russ.)
6. Kamyshhev A. Kyrgyzstan. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana v IX–XV vv. Torevtika*. Samarkand, Tashkent, 2012, vol. 3, pp. 93–122. (In Russ.)
7. Tabaldiev K.Sh. Mounds of the Medieval nomads in Tien-Shan. Bishkek, Aybek Publ., 1996, 256 p. (In Russ.)
8. Tabaldiev K.Sh. Ancient sites of Tien Shan. Bishkek, V.R.S. Company, 2011, 320 p. (In Russ.)
9. Torgoev A.I. Animal representations on the belt garniture of the Semirechie. *Izobrazitelnye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii: materialy tematicheskoy konferentsii*. St. Petersburg, 2004, pp. 338–341. (In Russ.)
10. Torgoev A.I. Belt decorations of Karakhanids (on the problem formulation). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: sogdiytsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki*, St. Petersburg, 2013, vol. 62, pp. 376–401. (In Russ.)
11. Stavskaya L.G., Dzhunushalieva G.D., Ploskikh V.V., Luzhanskiy D.V. Historical and archaeological museum of the Kyrgyz Russian Slavic University. Bishkek, Muzeolog Publ., 2013, 94 p. (in Russ.)
12. Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh. The ancient Turkic people in Tien Shan. Novosibirsk, 2009, 292 p. (In Russ.)
13. Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Kechieva Z.R. Decorated bronze plaques from the Chuy valley and Issyk Kul' hollow in Kyrgyzstan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2017, vol. 16, no 3, pp. 70–79. (In Russ.)
14. Kechieva Z.R. Zoomorphic figures on the Medieval tureutics of Tian Shan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2016, vol. 15, no. 5, pp. 159–165. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 01.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180207
УДК 903.53 (520)

И.С. ГНЕЗДИЛОВА

ДЕРЕВЯННЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ НА КУРГАНАХ ПЕРИОДА КОФУН ЯПОНИИ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, 17

В статье анализируются результаты археологических исследований курганов периода кофун (III–VII вв. н.э.), при раскопках которых были обнаружены деревянные предметы ритуального характера, представленные, как правило, изделиями, устанавливаемыми на высоких столбах, на ступенях насыпей либо на вершине курганов. Рассмотрены сюжеты истории открытия и изучения предметов данного типа, акцентируется внимание на проблемах, возникающих в связи со слабой сохранностью материала. Главная цель автора – выявить все имеющиеся на сегодняшний день такие находки, выделить их основные типы, формы, размеры. Рассматривается ареал и время бытования данной традиции. Обсуждаются возможные варианты реконструкции расположения деревянных предметов при сооружении кургана, предлагаются интерпретации.

Ключевые слова: Японский архипелаг, эпоха кофун, погребальный комплекс, курган, деревянные ритуальные предметы, ханива.

I.S. GNEZDILOVA

WOODEN RITUAL OBJECTS ON THE MOUNDS OF THE KOFUN PERIOD OF THE JAPAN

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Kofun is a special type of burial mounds built on the Japanese archipelago during the Kofun period (III–VII centuries AD), which are known from ancient times. They are mentioned in the first historical chronicles and attracted attention not only due to their size, but also due to their external appearance with clay figures – *haniwa*. However, results of mound archaeological research carried out in the second half of the XX – early XXI centuries managed to confirm the theory of applying wooden ritual objects on kofuns. The article objective is to identify the currently available data on finding wooden objects at kofuns, possibly, of ritual destination, which were used in construction of the kofun external mound; reveal the basic types of wooden objects, their quantitative characteristics, methods for installing them on mound; define the territory of spreading the tradition and time of its existence.

The complexity of studying wooden products is associated with the material's poor preservation. It was not clear for a long time what way they were used. Research of Imadza-tokurumadzuka kofun made it possible for the first time to reconstruct the way of using these wooden objects. Wooden objects in the shape of a lid were found during the excavations of the kofun moat; nearby there were posts for their installation, and stratigraphy research revealed the steps of the mound with holes to fix the pillars in the *haniwa* row.

There are 39 monuments with wooden ritual objects found in the territory of the Japanese archipelago, and one mound – in the Korean peninsula. The main area of distribution is the central part of Honshu Island (modern prefectures of Nara and Shiga).

The archaeological material analysis identifies several types of wooden objects. The research results show that wooden objects were used since the late IV century approximately until the middle VI century on kofuns (burial mounds) of the central part of Honshu Island. Unlike *haniwa*, which reproduced the lifetime of the deceased, wooden objects installed on kofun probably belonged to the sphere of the spiritual world.

Key words: Japanese archipelago, wooden ritual objects, kofun age, burial mound, haniwa.

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-00507.

Гнездилова Ирина Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: gnezdilova06@mail.ru.

Irina S. Gnezdilova – junior researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

Кофуны, величественные сооружения, поражающие своей монументальностью, привлекали к себе внимание с древних времен. Их описания встречаются в самых ранних исторических хрониках древней Японии: Кодзики, Нихонсёки, фудоки. Известно, что на насыпях кофунов устанавливались глиняные фигуры – *ханива*: цилиндрические, антропоморфные, зооморфные и др., но относительно недавно получила подтверждения гипотеза об использовании при оформлении насыпи кургана деревянных предметов, устанавливаемых на вершинах столбов, а также отдельно стоящих деревянных столбов.

Сложность изучения данной категории предметов обусловлена слабой сохранностью материала. К вопросам применения и функционального назначения этих изделий обратились уже на начальных этапах археологического исследования кофунов. Вакабаяси Кацукуни в 1897 г. встречающиеся на кофунах деревянные изделия в форме крышки описал как «подставки для священных (ритуальных) сосудов» и отметил «устанавливаемые на кофунах предметы в форме конусообразной шляпы с опорой» [1, с. 2].

Длительное время такого рода изделия считались только вспомогательными объектами. Развитию нового этапа в изучении деревянных ритуальных предметов способствовали раскопки памятника Ивами (г. Миякэ, префектура Нара). Известен этот памятник как давший наименование одному из типов глиняных *ханива* – *ханива* в форме щита «стиля *ивами*» (*ивамигата ханива*) [2, с. 58]. Здесь впервые, помимо *ханива*, были обнаружены многочисленные деревянные изделия в форме крышки, а также изделия стиля *ивами* из дерева. Кофун датируется началом VI в. н.э.

Способы установки деревянных предметов удалось реконструировать в результате исследований кофуна Имадзатокурумадзука (г. Нагаокакэ, префектура Киото, таблица, 14), проведенных в 1978–1979 гг. Во рву, окружающем погребальный комплекс, обнаружены четыре деревянных предмета в форме крышки, два из них с диаметром основания – 55 см, и сквозными отверстиями в центре, два – с диаметром 30 см, без сквозного отверстия; рядом были найдены остатки столбов небольшого диаметра. Данные стратиграфии показывали, что в основании кургана на расстоянии 4 м друг от друга располагались ямки от столбов [2, с. 59]. Таким образом, деревянные предметы устанавливались на столбы по периметру основания всего кургана.

На сегодняшний день обнаружено 39 памятников на территории Японского архипелага – это деревянные ритуальные предметы, а также один памятник найден на территории Корейского полуострова (см. таблицу; рисунок, а¹).

Среди деревянных предметов, устанавливаемых на насыпях кофунов, можно выделить несколько основных типов.

Крышка. Наиболее многочисленная группа изделий, устанавливаемых на столбах, – предметы в форме крышки. В основании они имеют круглую форму, в разрезе – трапециевидные, в центре находится сквозное отверстие. Выделяются два подтипа, одни имели только отверстие, у других рядом с отверстием оформлены два небольших выступа высотой 5–10 см. Размеры основания известных предметов колеблются от 28 до 51 см (рисунок, б, 1).

Свыше 90 предметов в форме крышки найдено при раскопках кофуна Обака (г. Тэнри, префектура Нара, табл. 1, 18) [3, с. 32].

Такахаси Ёсикуни предположил, что деревянные предметы в форме крышки изначально обтягивались тканью и являлись имитацией шелковых зонтов с длинной ручкой [4, с. 8]. На крышки могли устанавливаться дополнительные элементы, например, деревянные либо глиняные птицы, для чего использовались верхние выступы. Находки глиняных птиц с отверстием в основании встречаются и на других памятниках периода кофун.

Предметы стиля *ивами*. Вторая группа по численности – это деревянные предметы стиля *ивами* (рисунок, б, 2). По форме и размеру они повторяют *ханива* стиля *ивами*. Они, как правило, не насаживались на столб, а представляли собой единое изделие с оформленным навершием. Размеры варьируются от 65 до 180 см в высоту [5, с. 93].

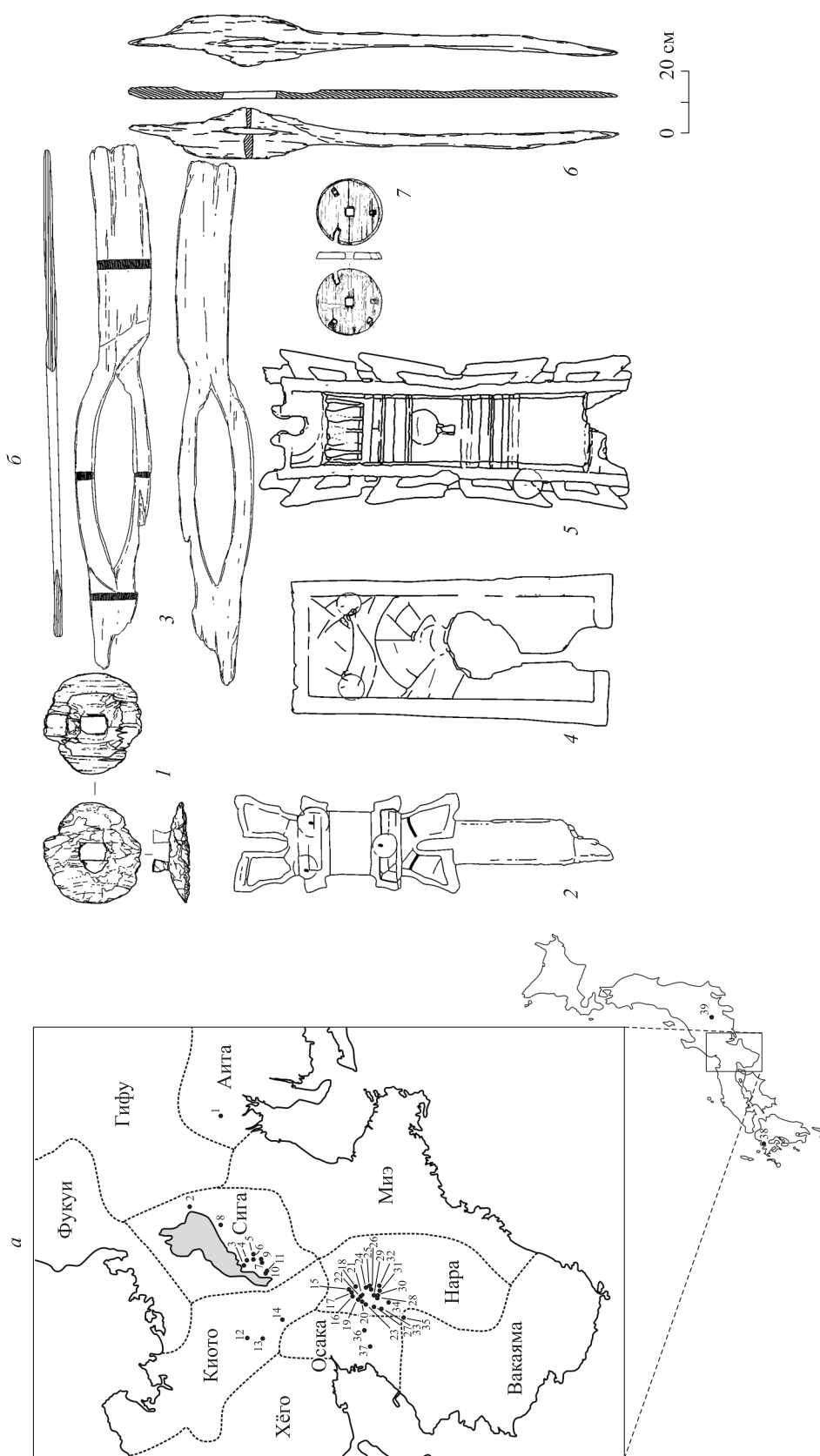
Птицы. Найдено около 60 предметов в форме птиц. Среди можно выделить три основных подтипа изделий. Первый – это составные птицы, из двух частей: основная часть – туловище с головой и хвостом, вторая часть – крылья, которые вставлялись в отверстия, находящиеся на туловище. На кофунах встречаются составные птицы от 8 до 55 см в длину. Второй подтип – круглые изделия, создавались из целого бревна, размеры сохранившихся предметов колеблются от 19 до 50 см. И третий подтип – плоские предметы, как правило, очень большие – от 70 см до 2 м в длину (рис. 1б, 3). У них также имеются отверстия – либо в центре туловища, либо продолговатые отверстия в хвостовой части и такие же в передней части. Остатки «крыльев» для таких птиц не встречаются, поэтому можно предположить, учитывая размеры изделия, что для создания эффекта крыльев использовалась ткань.

Первые два подтипа птиц встречаются и на стоянках, в то время как последний подтип больших птиц из доски представлен только на кофунах.

Щит. Деревянные предметы в форме щита (рисунок, б, 4) имеют прямые аналогии с глиняными щитами-*ханива*. Размеры варьируются от 100 до 150 см. Узор в виде треугольников и стиль *тёккумон* получили широкое распространение как на глиняных *ханива* в форме щита, так и на деревянных предметах.

Колчан. Находки в форме колчана (рисунок, б, 5) немногочисленны, два предмета найдены на кофуне Кодати (г. Сакураи, префектура Нара, № 32) и один –

¹ Номера кофунов на карте соответствуют номерам кофунов в таблице.

Карта (а) расположения кофун, где были обнаружены деревянные предметы, и типы (б) деревянных предметов, устанавливаемых на кофун. 1 – крышка (2-й кофун группы Сасакояма, 22 [5, с. 100]); 2 – предмет стилия ивами (кофун Кодати, 32 [2, с.59]), 3 – плита (кофун Михакаяма, 15 [3, с.55]), 4 – плита (кофун Кодати, 32 [2, с.59]), 5 – колчан (кофун Кодати, 32 [2, с.59]), 6 – опахало (кофун Михакаяма, 15 [3, с.56]), 7 – диски (кофун Тё-сидзука, 39 [8, с.50]).

28	2 кофун гр. Сидзё:	Квадратно-круглая	43	Втор. пол. V в.	3	фр-ты						
29	9 кофун гр. Сидзё:	Круглая*	30	Пер. пол. VI в.	4		1					
30	7 кофун гр. Сидзё:	Круглая*	64?	Втор. пол. V в.	4						1	
31	1 кофун гр. Сидзё:	Квадратно-квадратная	29*	Втор. пол. V в.	46	27	1	2	2			
32	Кодати	Квадратно-круглая	34,7	Сер. V в.	13					2		
33	Китаханангино-лука	Квадратно-круглая	90	Конец V – начало VI в.	1							
34	Итиохакаяма	Квадратно-круглая	66	Конец V – начало VI в.	2							
35	Цудзинояма	Квадратная	52	Втор. пол. V в.	1							
36	Префектура Осака											
37	Кондагобёяма	Квадратно-круглая	425	Сер. V в.	7							
38	Хадзэнисандзай	Квадратно-круглая	290	Конец V в.	1		1	2			1	
39	Префектура Фукуока											
40	Префектура Яманаси											
	Тё:сидзука	Круглая	55	Пер. пол. V в.	1							3
	Р. Корея	Квадратно-круглая	169	Начало V в.	1?							
	Вольгедон	Квадратно-круглая	45	Пер. пол. VI в.	1							

на кофуне Суяма (пос. Корё:, префектура Нара, №23) [6, с. 164].

Опахало (яп. *сасиба*, рис. 1б, б). Изначальная форма представляла собой шести длиной 150–170 см с кругом (реже – овалом), имеющим отверстие в центре и один или два выступа сверху. Находка на кофуне О:бакаяма (г. Тэнри, преф. Нара, 15) представляет собой изделие длиной 159 см, верхушка имеет форму эллипса. В центре сделано линзообразное отверстие [7, с. 62].

Диски. Вероятно, еще одним типом деревянных ритуальных предметов являлись диски. В настоящее время обнаружено только три предмета на кофуне Тё:сидзука (г. Кофу, преф. Яманаси, № 39) (рис. 1б, 7) [8, с. 21]. Предметы найдены во рву, в районе соединения квадратной и круглой частей кофуна. Эти обнаруженные при раскопках диски имели диаметр около 20 см и толщину 2–4 см, отверстие помещалось в центре – для установки на основание и по три отверстия по краю круга, куда вставлялись дополнительные деревянные стержни с отверстиями: к ним, по-видимому, привязывались полоски ткани.

Такие предметы, как крышки, щиты, колчаны и предметы стиля *ивами*, служили символами защиты против вторжения злых духов. Деревянные столбы и фигурки птиц, исходя из традиций синто, могли являться *ёрисиро* – местом временного пребывания духов (*ками*) и душ предков.

Традиция оформления насыпей кофун деревянными предметами известна с конца IV в. примерно до середины VI в. Основной территорией ее распространения стала центральная часть о. Хонсю. Обнаружение на памятнике Вольгедон (Корейский полуостров) предмета стиля *ивами* не имеет однозначного объяснения. Судя по находкам на кофунках Корейского полуострова, их создатели могли быть выходцами как с о. Кюсю, так и центральной части о. Хонсю, но с традицией установки таких предметов они были знакомы и применяли ее. Деревянные ритуальные предметы, согласно данным стратиграфии, располагались на нижних ступенях насыпи, в рядах *ханива*. Многие из курганов периода кофун изучены лишь частично, дальнейшие исследования позволят уточнить область распространения традиции, выявить региональные особенности, определить типы устанавливаемых предметов и их функциональное назначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хасидзүмэ А.* Мокусэй татэмоно-но кисотэки кэнкю: [Базовые исследования устанавливаемых деревянных предметов] // Тэнри дайгаку ко:когаку, миндзокугаку кэнкю:сидзу киё: [Исследования лаборатории археологии и этнографии университета Тэнри]. 2004. № 8. С. 1–23 (на яп. яз.).
2. *Сайто К.* Ки-но ханива [Деревянные ханива] // Ямато-но кофун II [Кофуны Ямато II]. Киото: Дзимбунсёин, 2006. С. 57–63 (на яп. яз.).
3. Тэнриси майдзо: бункадзай тё:са гайхо:. Сёва 61–62 нэндо: [Общий отчет об археологических исследованиях г. Тэнри. 1986–87 гг.]. Тэнри: Тэнри-си кё:лику иинкай [Комитет по делам просвещения г. Тэнри], 1988. 57 с. (на яп. яз.).

4. Коикэ Х. Кофун ни окэру кибасира-но кодати ни цуйтэ [Об установке деревянных столбов на кофунах] // Кё:тофу майдзо: бункадзай дзё:хо: [Известия по археологии префектуры Киото]. 1991. № 41. С. 7–13 (на яп. яз.).

5. Фудзита С. и др. Таваромототё: сёдзай кофун сюцудо мокусэйхин-но кансацу то дзюсю то:тэй [Исследования деревянных изделий, обнаруженных на кофунах пос. Таваромото и идентификация древесных пород] // Таваромототё бункадзай тё:са нэмпо [Собеседования о ежегодных археологических исследованиях пос. Таваромото]. 2007. № 17. С. 87–112 (на яп. яз.).

6. Ёсимитсу И. Суяма кофун тё:са сэйка [Результаты исследований кофуна Суяма] // Нихон ко:когаку [Археология Японии]. 2004. Т. 11, вып. 18. С. 159–170 (на яп. яз.).

7. Тэнриси майдзо: бункадзай тё:са гайхо:. Хэйсэй 3-4 нэндо: [Общий отчет об археологических исследованиях г. Тэнри. 1992–93 гг.]. Тэнри: Тэнри-си кё:ику иинкай [Комитет по делам просвещения г. Тэнри], 1996. 79 с. (на яп. яз.).

8. Куниситэ исисэйки Тё:сидзука кофун цукэтари Маруямадзука кофун [Государственные исторические памятники кофун Тё:сидзука и сопровождающий кофун Маруямадзука]. Кофу: Яманаси-кэн кё:икуиинкай [Комитет по делам просвещения преф. Яманаси], 2008. 190 с. (на яп. яз.).

REFERENCES

1. Hashizume A. The basic studies of installed wooden objects. *Tenri daigaku ko:kogaku, mindzokugaku kankyu:shitsu kiyō*, 2004, no. 8, pp. 1–23. (In Japanese)

2. Saito K. Wooden haniwa. *Yamato no kofun II*. Kyoto, Dzimbunshyoin, 2006, pp. 57–63. (In Japanese)

3. Report on archaeological research in Tenri. 1986–87. Tenri, Tenri-shi kyo:iku iinkai, 1988, 57 p. (In Japanese)

4. Koike H. About the installation of the wooden pillars on the kofuns. *Kyo:tofu maidzo: bunkadzai jo:ho*, 1991, no. 41, pp. 7–13. (In Japanese)

5. Fudzita S. et al. The research of the wooden products found on the kofuns of the village Tavaramoto and identification of tree species. *Tawaromotocho bunkadzai cho:sa nempo*, 2007, no. 17, pp. 87–112. (In Japanese)

6. Yoshimitsu I. Results of the research of the kofun Suyama. *Nihon ko:kogaku*, 2004, vol. 11, no. 18, pp. 159–170. (In Japanese)

7. Report on archaeological research in Tenri. 1992–93 years. Tenri, Tenri-shi kyo:iku iinkai, 1996, 79 p. (In Japanese)

8. State historical site: Cho:shizuka kofun and accompanying Marunamazuka kofun. *Kofu, Yamanashi-ken kyo:iku iinkai*, 2008, 190 p. (In Japanese)

Статья принята
редакцией 26.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180208
УДК 902 (571/66)“18/19”

И.Ю. ПОНКРАТОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА П-ОВЕ КАМЧАТКА (XIX – НАЧАЛО XXI в.)

Северо-Восточный государственный университет,
РФ, 650000, г. Магадан, ул. Портовая, 13

В статье дается обоснование трем этапам в истории археологических исследований на п-ове Камчатка – с середины XIX до начала XXI в. Отмечается, что к началу XXI в. в регионе было открыто около 900 археологических памятников, из которых в разной степени оказалось изучено не более 100. Наиболее исследованными остаются пять многослойных ушковских стоянок долины р. Камчатка. Предложенная на основе обобщенной стратиграфии их периодизация может быть взята за основу для построения последующих хронологических схем. Намечены перспективы для дальнейших исследований, в числе которых установление взаимосвязи и характера взаимодействия событий в природе и обществе в процессе освоения человеком п-ова Камчатки в каменном веке.

Ключевые слова: археология, п-ов Камчатка, история исследований, периодизация, верхний палеолит, неолит, ушковские стоянки, тарьинская культура.

I.YU. PONKRATOVA

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE KAMCHATKA PENINSULA (THE XIX – EARLY XXI CENTURIES)

North-Eastern State University,
13, Portovaya str., Magadan, 650000, Russian Federation

In spite of the achievements of archaeological science in the last years in Russia and the world, the Stone Age of Kamchatka is little known to the great number of Russian and foreign researchers. The article objective is to generalize information about archaeological research of Kamchatka since the mid XIX to early XXI centuries, to estimate the degree of regional archaeological studies, to reveal the research primary concerns, to offer the way of solving them using a problem-chronologic technique.

Analysis of the archaeological research of Kamchatka allowed us to separate three stages.

The first acquainting stage (1850–1940s): collection and accumulation of the first materials, attempts of their comprehension. It was supposed that Kamchatka was populated in the Neolith; the most ancient population settled in Kamchatka were Itelmens.

The second stage (second half of the XX century) is related to activity of scientific institutions: further materials accumulation, using natural-science methods to date archaeological objects, the first periodizations of the Stone Age in Kamchatka. The Late Pleistocene archaeological sites of Upper Paleolithic and Neolithic Tar'in culture were discovered.

The third stage is characterized by the widening information base (the XXI century). Studying the Ushki sites was renewed, based on it the Stone Age general periodization was adjusted, which should be a base for subsequent chronologic charts.

The paper shows the further research prospects, including the assessment of the most important scenarios of natural events and their relationship with the process of the Stone Age human development in the Kamchatka Peninsula.

Key words: archaeology, Kamchatka Peninsula, research history, periodization, Ushki sites, Upper Paleolithic, Neolithic, Tar'in culture.

Полуостров Камчатка стал первой в России территорией, с которой начались фундаментальные научные (этнографические) исследования участниками Второй Камчатской экспедиции (с 1733 г.) [1, 2]. Спустя чуть

более столетия после работ экспедиции началось археологическое изучение Камчатки [3, с. 7–8].

Обобщение археологических материалов, обзор основных этапов археологического поиска, освеще-

Ирина Юрьевна Понкратова – канд. ист. наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, e-mail: ponkratova1@yandex.ru.

Irina Yu. Ponkratova – Candidate of Historical Science, senior lecturer of the North-Eastern State University.

ние проблем археологического изучения Камчатки в контексте истории археологических исследований на Севере Дальнего Востока России осуществлялось исследователями ранее [3, с. 7–42; 4, с. 5–27; 5; 6; 7]. За последние годы в научный оборот введены камчатские коллекции прошлых столетий, проведены десятки экспедиций, возобновлены археологические исследования на ушковских стоянках – получены новые результаты о заселении п-ова Камчатка в древности.

Первые археологические раскопки на п-ове Камчатка были проведены геологом К. Дитмаром в 1851–1855 гг. [8, с. 156, 172–175, 207]. Во второй половине XIX в. стали поступать сведения об ительменских поселениях и отдельных находках древних вещей «во многих местах Камчатского полуострова и на соседних ему островах» от М. Тильмана (1889), О.Ф. Герца (1890), Н. Гондатти (1898), К.И. Богдановича, В.Н. Тюшова, А.И. Державина и др. [3, с. 9–10]. К концу XIX в. относятся первые сообщения от врача Н.В. Слюнина о древних стоянках в Усть-Камчатском районе полуострова [9, с. 396].

В начале XX в. этнограф В.И. Иохельсон провел археологические раскопки в бухтах Авачинской и Тарья, у с. Налычево, в устье р. Озерной, на северо-западном побережье устья р. Ковран. В течение 1910–1911 гг. он раскопал 35 древних жилищ разных типов [10; 11, с. 144]. Исследователь оставил открытым вопрос об их возрасте и культурной принадлежности, но систематизировал их типы, отметив сходство с коряжскими и ительменскими жилищами, проследил этнографические параллели [12, с. 18–19]. Коллекция артефактов из его раскопок (645 экз.) хранится в Государственном историческом музее. В 2002 г. она частично была введена в научный оборот К.А. Днепровским и А.Е. Кравцовым. Ими сделано заключение о том, что находки данного комплекса не являются одновременными [13].

Археологическая разведка от залива Корфа на севере до Авачинской губы на юге проводилась этнографом К.Д. Логиновским в 1910 г. Были найдены остатки древних поселений по р. Камчатка в пос. Ключи и Усть-Камчатск. Собранные коллекции введены в научный оборот В.В. Антроповой и интерпретированы как предметы «очень позднего происхождения» [14, с. 387].

В 1910 г. рыбопромышленник Г.А. Крамаренко у с. Камаки обнаружил древнее городище [15, с. 64]. В 1960-х гг. этот памятник и расположенный рядом с ним древнеительменский могильник были исследованы Н.Н. Диковым [3, с. 102–109].

В 1911 г. на Камчатке образован Научно-промышленный музей, куда собирались первые материалы, связанные с флорой и фауной Камчатки, а также археологические находки. В 1918 г. экспонаты музея были переданы Петропавловскому высшему начальному училищу [16, с. 20, 26]. В 1918–1933 гг. экспонаты для музея собирал краевед П.Т. Новограбленов. Это были годы, когда ученые уже не проявляли такой обостренный интерес к Камчатке, как ранее, его тру-

ды являлись практически единственными в тот период [17, с. 142–149].

В 1920–1922 гг. Шведской ботанической экспедицией под руководством С. Бергмана [18] проводились раскопки в Авачинской бухте, на п-ове Тарья, на восточном берегу Камчатки в бухте Лиственничная. Коллекция С. Бергмана была опубликована И. Шнеллом, который классифицировал материалы, датировал их неолитом и сравнил с находками Курильских и Алеутских островов [19, р. 49–65, pl. XVI–XVII].

В 1924, 1928, 1932–1933 гг. на северо-восточном и западном побережье полуострова японскими антропологами проводились раскопки поселений «позднего времени» [20].

В 1926 г. этнограф Е.П. Орлова собрала археологический материал в Петропавловске и, сопоставив его с артефактами из Прибайкалья, Японских и Курильских островов, датировала указанные находки эпохой неолита [21]. Коллекция неолитических каменных изделий из бухты Тарья, опубликованная Д.Н. Левом [22], в дальнейшем легла в основу для выделения неолитической тарьинской культуры, которую А.П. Окладников считал наиболее древней культурой предков ительменов [3, с. 25].

К концу 1940-х гг. С.И. Руденко обобщил известные археологические данные и сделал вывод о заселении полуострова в эпоху «развитого неолита». Наиболее древним населением, заселившим Камчатку, он считал ительменов [23]. На основе опубликованных к 1949 г. данных и археологических коллекций с п-ова Камчатка, хранящихся в музеях, В.В. Антроповой был выполнен анализ имеющихся материалов, а также обобщены сведения о типах археологических памятников, хозяйственном укладе населения того времени [14].

В 1956 г. директор Паланского музея П.И. Смирнов в ходе археологической разведки на севере полуострова, на территории Напанского острога и древнего поселения в устье р. Анадырка обнаружил около 50 предметов [24, с. 29]. В 1959–1960 гг. археологические разведки на северной части Охотского побережья Камчатской области проводил А.В. Семенов, который собрал коллекции каменных орудий [24, с. 28–40; 25, с. 143–146].

С 1961 г. Н.Н. Диковым на п-ове Камчатка было открыто и исследовано около 67 объектов в бассейне р. Камчатка, на севере по р. Пенжина. На берегу Большого Ушковского озера изучались пять археологических памятников. Наиболее ранний слой двух из этих стоянок датирован верхним палеолитом, что свидетельствовало о заселении Камчатки около 14 тыс. л.н. (см., напр.: [3; 12; 26; 27]). Стратифицированные комплексы слоев ушковских стоянок легли в основу периодизации археологических памятников Севера Дальнего Востока России, но все же остались не решенными вопросы, связанные с их датировкой.

В 1972–1979-х гг. раскопки на юге Камчатки проводила Т.М. Дикова. Ею в научный оборот были введены материалы с 29 археологических объектов.

Наиболее древние, датируемые верхним палеолитом и близкие VI культурному слою ушковских стоянок, следы культуры были отмечены в материалах смешанной стоянки Лопатка IV [28]. Т.М. Дикова выделила три этапа тарьинской культуры, в основе являвшейся древнеительменской, ее хронологические рамки определены V тыс. до н.э. – серединой XVII в. н.э. Исследования на юге Камчатки позволили ей сделать вывод о том, что айны постоянно на юге Камчатки не обитали, но оказали определенное влияние на культуру аборигенов Камчатки, что проявилось в наличии керамики типа нейдзи, монет, появлении морского зверобойного промысла [28, с. 167–168].

В 1970-х гг. на Западной Камчатке В.И. Рубаном исследовались стоянки в устьях рек Ковран, Тигиль, Палана и др. [29]. В 1987 г. в устье р. Ковран проводилась разведка А.К. Пономаренко. В 1997–1998 гг. эта территория обследована Н.А. Кренке, который сделал вывод о заселении долины этой реки в последние 2 тыс. лет [30].

Более 800 археологических памятников на Камчатке было открыто А.К. Пономаренко. На археологическую карту Камчатки им нанесены городища, стоянки, мастерские и т.п. Часть памятников была исследована в ходе раскопок. Археологические материалы введены в научный оборот в статьях и обобщены в монографиях, были предложены периодизации эпохи неолита п-ова Камчатки и Северной Камчатки (см., напр.: [31, 32]). Для определения геоморфологии, тефрохронологии, изучения керамических традиций А.К. Пономаренко привлекались специалисты (см., напр.: [33, 34]).

Начиная с 1987 г. А.В. Пташинским была обследована территория Пенжинской губы и северо-западного побережья Камчатки, проведены раскопки на стоянке Галган I, выделена группа стоянок типа Теви – «культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетие н.э.)» [35]. Его выводы считаются дискуссионными [36]. Другим направлением исследований А.В. Пташинского стал поиск верхнепалеолитических «финально-палеолитических» местонахождений (см., напр.: [37, 38, 39, 40]). Общепринятую периодизацию неолита п-ова Камчатка исследователь считает проблемной (см., напр.: [41, 42]).

С 1995 г. М.А. Диковой (Кирыак) были продолжены раскопки стоянки Ушки V: получен комплекс каменного инвентаря VI позднелайстоценового культурного слоя (см., напр.: [43]). Новая информация усилила дискуссию о возрасте позднелайстоценовых культурных отложений ушковских стоянок [44].

В начале XXI в. к коллекциям ушковских стоянок, собранных Н.Н. Диковым, неоднократно обращались специалисты различных научных направлений. Были опубликованы данные, характеризующие палинологические отложения [45]; составлена хронология позднелайстоценовых археологических памятников Северо-Восточной Сибири [46; 47]; проведен радиоуглеродный анализ образцов угля из VI и VII культур-

ных слоев стоянки Ушки I [48]; исследован обсидиан в плане поиска источников его происхождения [49]; артефакты верхнепалеолитических слоев стоянок изучались с целью определения их функционального назначения (см., напр.: [50, 51]); проанализирован и сопоставлен с археологическими комплексами сопредельных территорий каменный инвентарь VI культурного слоя стоянок Ушки I и Ушки V [52].

В начале XXI в. А.П. Никаноровым были обобщены сведения об археологических и этнокультурных памятниках на территории Кроноцкого заповедника и Южно-Камчатского заказника [53]. В научный оборот введены коллекции А.К. Вернандера, В.Г. Удалова, С.Н. Стебницкого, которые дополнили имеющиеся сведения о лахтинской и древнекорякской культурах [54]. В 2009 г. Берингийская экспедиция Института наследия (г. Москва) в Соболевском, Большерецком и Елизовском районах Камчатки выявила 10 поселений и стоянок. Обследованы ранее известные поселения, датируемые исследователями неолитом, благодаря новым радиоуглеродным датам были поставлены под сомнение выводы о палеолитическом возрасте находок, сделанные ранее Т.М. Диковой [55]. В 2015 г. проводились тефрохронологические и археологические исследования в районе пос. Ключи [56].

С 2004 г. археологические исследования на п-ове Камчатка проводит археологическая экспедиция Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) под руководством автора (см., напр.: [57, 58]). Изучение стратиграфии и датировок стоянки Ушки V позволили выявить четыре этапа ее заселения [59]. С учетом данных, полученных Н.Н. Диковым, была предложена следующая периодизация ушковских стоянок:

- 1) переходный от палеолита к неолиту период: 11320±30–10350±50 л.н. (VII культурный слой); 10360±350–10860±400 л.н. (VI культурный слой);
- 2) начальный неолит: 7705±38–6900 л.н. (V культурный слой);
- 3) ранний неолит: 6900–3000 л.н. (IV культурный слой, где впервые в этом слое была найдена керамика);
- 4) средний неолит (тарьинская культура): 3000–2550 л.н. (III культурный слой);
- 5) поздний неолит: I тыс. н.э., 1052±25 л.н. (II культурный слой);
- 6) древнеительменская культура: конец I тыс. н.э. – XVI–XVII вв., 235±145, 675±80, 220±140, (I культурный слой).

На северо-восточном побережье п-ова Камчатка обследовано 60 местонахождений [60, 61, 62]. В районе пос. Крутоберегово проводился палинологический анализ торфов. Двадцать образцов угля и растений с исследованных объектов были датированы по АМС. В результате установлено, что заселение района произошло около 5–6 тыс. л.н., и в последующее время оно происходило неоднократно [61]. Особое влияние на экосистему п-ова Камчатки в голоцене оказали два крупнейших извержения и пеплопады вулканов Ксудач (1750 cal BP) и Шивелуч (4700 cal BP). Ана-

лиз количества и мест расположения стоянок в период от 700 лет и до 350 лет после пеплопада вулкана Ксудач указал на значительное уменьшение численности населения и его перемещение из континентальных районов на речные, озерные и морские побережья [61, 62].

В 2007 г. экспедицией СВГУ на базе ушковских стоянок был проведен международный полевой семинар, на котором обсуждались вопросы методики изучения ушковских стоянок, геологии Камчатки, проблемы археологии сопредельных территорий. Результатом визита ученых на ушковские стоянки стала публикация об этих стоянках [63].

Таким образом, согласно статистическому анализу археологических объектов на п-ове Камчатка к началу XXI в. открыто около 900 археологических памятников, из которых изучено не более 100. Обзор их открытий и история археологических исследований позволяют выделить три этапа.

Первый этап (1850–1940-е гг.): происходило накопление археологических материалов. Собранные к середине XX в. материалы частично были опубликованы и обобщены. Выявлены основные типы памятников. Высказана идея о том, что полуостров был заселен в эпоху неолита, наиболее древним населением считались предки ительменов. Вопросы, связанные с ранней историей и этногенезом ительменов, как и всей группы палеоазиатских народностей, еще не были разработаны.

Второй этап (вторая половина XX в.) связан с деятельностью научных учреждений: продолжалось накопление материалов, применялись естественнонаучные методы для датирования археологических находок, формировались первые периодизации каменного века Камчатки. Приоритетными направлениями исследований являлись: поиск стоянок, связанных с первоначальным заселением Камчатки и заселением Америки; проблема культурных влияний со стороны южных соседей – айнов; вопросы, связанные с хронологией, периодизацией, выделением критериев неолита полуострова. На материалах ушковских стоянок впервые получены доказательства того, что Камчатка была заселена в конце плейстоцена около 14 тыс. л.н.

На третьем этапе (начало XXI в.) происходит расширение информационной базы, с учетом современных технологий корректируются полученные на втором этапе схемы периодизаций каменного века Камчатки. Для большинства исследований данного периода характерен комплексный подход к изучению археологических объектов с привлечением геологов, геоморфологов, вулканологов, трасологов. Накоплен большой массив данных о сотнях вулканических извержений в голоцене, что позволяет предварительно датировать объекты, интерпретировать события, оказавшие влияние на экосистему полуострова и его население.

Несмотря на относительно большое количество открытых археологических объектов на п-ове Камчатка, степень их изученности неравномерна и крайне низка. Наиболее исследованными остаются пять мно-

гослойных ушковских стоянок, где раскопано более 10 тыс. м², получено более 100 тыс. артефактов. Предложенная на основе обобщенной стратиграфии их периодизация может быть взята за основу для последующих хронологических схем.

Анализ археологического изучения Камчатки позволяет наметить перспективные направления исследований в регионе, такие как реконструкция природных явлений, имевших место в конце плейстоцена – начале голоцена; установление взаимосвязей и характера взаимодействия событий в природе и обществе в процессе освоения полуострова человеком в каменном веке.

Находка фрагментов керамики в ранненеолитическом слое стоянки Ушки V опровергла тезис о «безкерамическом неолите Камчатки». Анализ технико-технологических, морфологических особенностей, ареала и времени распространения керамических традиций в регионе является актуальным для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. I. 253 с.
2. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. 286 с.
3. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977. 391 с.
4. Диков Н.Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 5–27.
5. Кирьяк М.А. Краткий очерк истории археологического изучения Севера Дальнего Востока (к 80-летию Н. Н. Дикова) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. Магадан, 2005. № 1. С. 78–84.
6. Кирьяк М.А., Орехов А.А. Археологические исследования на Севере Дальнего Востока (полвека истории) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 4. С. 38–48.
7. Пташинский А.В. Введение в археологию Камчатки: учеб. пособ. Петропавловск-Камчатский, 2017. 112 с.
8. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский, 2009. 566 с.
9. Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. Т. 1. 694 с.
10. Иохельсон В.И. Археологические исследования на Камчатке // Изв. РГО, 1930. Т. 62, вып. 3. С. 199–242.
11. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. 238 с.
12. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. 352 с.
13. Днепровский К.А. Кравцов А.Е. К характеристике инвентаря стоянки в устье р. Ковран (по материалам раскопок 1911 года) // Краевед. зап. Камчат. обл. краевед. музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 135–141.
14. Антропова В.В. К истории археологического изучения Камчатки // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. XI. С. 380–394.
15. Крамаренко Г. В Камчатку: От Петербурга до Камчатки и в Японию. Путешествие школьника, описанное им самим. СПб., 1910. 194 с.
16. Володарская Е.Е. Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911–1934) // Краевед. зап. Камчат. обл. краевед. музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып.12. С. 17–33.

17. Пирагис А.П. Камчатское краевое отделение (отдел) Русского географического общества: этапы деятельности // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...». Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 142–149.
18. Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 2000. 165 с.
19. Schnell I. Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm // The Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, 1932. Bul. 4. P. 49–65, pl. VI–XVII.
20. Nakajima E. Neolithic Remains from Eastern coast of Kamchatka peninsula // Journal Anthropology Society of Tokyo. 1934. Vol. XLIX, 10. October. P. 1–14.
21. Орлова Е.П. Ительмены. СПб., 1999. 170 с.
22. Лев Д.Н. Новые археологические памятники Камчатки // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 217–224.
23. Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.
24. Семенов А.В. О древней культуре Корякского округа // История и культура народов Северо-Востока СССР Магадан, 1964. С. 28–40.
25. Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973. 267 с.
26. Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993. 68 с.
27. Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки (15 тысяч лет истории). Магадан, 1969. 256 с.
28. Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 232 с.
29. Рубан В.И. Предварительные результаты археологической разведки на западном побережье Камчатки // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 107–129.
30. Кренке Н.А. Археологические древности Коврана // Краевед. зап. Камчат. обл. краевед. музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 68–134.
31. Пономаренко А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы Владивосток. 2005. С. 268–291.
32. Пономаренко А.К. Тарбинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2014. Вып. 30. С. 7–230.
33. Пономаренко А.К., Брайцева О.А., Литасова С.Н. Древняя культура ительменов по материалам исследований опорной стоянки Восточной Камчатки и ее датирование тефрохронологическими методами // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1985. С. 40–58.
34. Пономаренко А.К., Понкратова И.Ю. Керамика Северной Камчатки // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2009. Вып. 4. С. 3–13.
35. Пташинский А.В. Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетие н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2002. 21 с.
36. Пономаренко А.К. [Рецензия] // Краевед. зап. Камчатского обл. краевед. музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 215–225. / Рец. на автореф. дис. ... канд. ист. наук: Пташинский А.В. Культура охотников на морского зверя Северо-Восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетия н.э.). М., 2002. 23 с.
37. Пташинский А.В. Предварительные результаты исследований стоянки Анавай II // Люди великого долга. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 197–198.
38. Пташинский А.В. Открытие нового памятника конца верхнего палеолита на Камчатке // VI Диковские чтения. Магадан, 2010. С. 62–65.
39. Пташинский А.В. Открытие новых памятников финального палеолита на Камчатке // Евразия в кайнозойе. Иркутск, 2012. № 1. С. 155–170.
40. Пташинский А.В. Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозойе. Иркутск, 2015. № 3. С. 120–128.
41. Пташинский А.В. Новые находки неолита Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский, 2003. № 2. С. 30–40.
42. Пташинский А.В. Когда закончился каменный век на Камчатке // Человек в истории. Петропавловск-Камчатский, 2007. Вып. 5. С. 29–32.
43. Дикова (Курьяк) М.А. Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V: история открытия и перспективы исследований // Северная Пасифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан, 2005. С. 62–66.
44. Goebel T., Waters M., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science, 2003. Vol. 301. P. 501–505.
45. Ложкин А.В., Матросова Т.В., Корзун Ю.А. К палинологической характеристике отложений Ушковской стоянки на Камчатке // Пространственная и временная изменчивость природной среды Северо-Восточной Азии в четвертичный период. Магадан, 2004. С. 98–105.
46. Кузьмин Я.В., Дикова М.А. Хронология позднеплейстоценовых археологических памятников Северо-Восточной Сибири // Российский археологический ежегодник. СПб., 2014. № 4. С. 8–22.
47. Kuzmin Y.V., Dikova M.A., Cruz R.J. Radiocarbon age of the Paleolithic layers at Ushki 1 Site, Kamchatka (Northeastern Siberia): new dates from the N.N. Dikov excavation in 1989 // Current Research in the Pleistocene. 2010. Vol. 27. P. 44–45.
48. Goebel T., Slobodin S.B., Waters M.R. New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13,000 cal BP age for earliest Paleolithic occupation // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37, P. 2640–2649.
49. Kuzmin Y.V., Speakman R. J., Glascock M. D., Popov V. K., Grebennikov A. V., Dikova M.A., Ptashinsky A.V. Obsidian Use at the Ushki Lake Complex, Kamchatka Peninsula (Northeastern Siberia): Implications for Terminal Pleistocene and Early Holocene Human Migrations in Beringia // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 35. P. 2179–2187.
50. Федорченко А.Ю. Трасологическое исследование каменных украшений из палеолитического погребения VII культурного слоя стоянки Ушки I (Центральная Камчатка): новые данные // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2014. № 4. С. 45–52.
51. Федорченко А.Ю. Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки I (полуостров Камчатка) // Stratum plus: Archaeology and Anthropology. Кишинев, 2016. № 1. С. 223–241.
52. Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y. The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East). PaleoAmerica, 2016. Vol. 2. P. 1–29.
53. Никаноров А.П. Предварительный список археологических памятников на территории Кроноцкого государственного природного биосферного заповедника и Государственного природного заказника федерального значения «Южно-Камчатский» // Люди великого долга. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 157–162.
54. Орехов А.А. Археологические коллекции с Северо-Восточного побережья Камчатки (коллекции А. К. Вернандера, В. Г. Удалова и С. Н. Стебницкого) // Вестник Камчат. регион. ассоциации «Учебно-научный центр». 2005. № 2. С. 70–76.
55. Гусев С.В., Барышев И.Б., Макаров И.В. Исследования Берингийской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 275–276.
56. Кренке Н.А., Певзнер М.М., Чаужин С.Н. Тефрохронологические и археологические исследования в районе п. Ключи, Камчатка (первые результаты) // Материалы XIX Регион. науч. конф. Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 104–113.

57. Понкратова И.Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследование последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2007. Вып. 2. С. 13–20.

58. Понкратова И.Ю. Раскопки стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Археологические открытия. М., 2009. С. 640.

59. Понкратова И.Ю. Критерии раннего неолита Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 167–171.

60. Hulse E.L., Keeler D. M., Zubrow E.B W., Korosec G.J., Ponkratova I.Y., Curtis C. A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia // *Sibirica: International Journal of Siberian Studies*. 2011. Vol. 10, is. 1. P. 48–74.

61. Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // *Quaternary International*, 2015. Vol. 394. P. 51–68.

62. Pendea I.F., Ponomareva V., Bourgeois, J., Zubrow, E.B., Portnyagin, M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia) // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 157. P. 14–28.

63. Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М. Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка // *Российская археология*. 2011. № 3. С. 14–24.

REFERENCES

1. Krashennikov S.P. The description of Kamchatka Land. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1994, vol. 1, 253 p. (In Russ.)

2. Steller G. The Description of Kamchatka Land. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1999, 286 p. (In Russ.)

3. Dikov N.N. The archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, and Upper Kolyma (Asia at the crossroads with America in antiquity). Moscow, 1977, 391 p. (In Russ.)

4. Dikov N.N. The Stone Age of Kamchatka and Chukotka in the light of the latest archaeological data. *Istoriya i kultura narodov Severo-Vostoka SSSR*. Magadan, 1964, pp. 5–27. (In Russ.)

5. Kir'yak M.A. The essay of the history of archaeological research of the Far Eastern North (to the 80th anniversary of N.N. Dikov). *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk*, 2005, vol. 1, pp. 78–84. (In Russ.)

6. Kir'yak M.A., Orekhov A.A. The archaeological research of the Far Eastern North (half a century of history). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2000, vol. 4, pp. 38–48. (In Russ.)

7. Ptashinsky A.V. The introduction to the archaeology of Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2017, 112 p. (In Russ.)

8. Ditmar K. The travels and staying in Kamchatka in 1851–1855. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009, 566 p. (In Russ.)

9. Slyunin N.V. The Okhotsk-Kamchatka region. St. Petersburg, 1900, vol. 1, 694 p. (In Russ.)

10. Iokhel'son V.I. Archaeological investigations in Kamchatka. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1930, vol. 62, no. 3, pp. 199–242. (In Russ.)

11. Iokhel'son V.I. Koryak. The material culture and social organization. St. Petersburg, 1997, 238 p. (In Russ.)

12. Dikov N.N. The ancient cultures of Northeast Asia (Asia at the crossroads with America in antiquity). Moscow, 1979. (In Russ.)

13. Dneprovskiy K.A., Kravtsov A.E. To the characteristic of implements of a site in the River Kovran mouth (on materials of excavations of 1911). *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 135–141. (In Russ.)

14. Antropova V.V. To the history of Kamchatka archaeological research. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, 1949, vol. 11. pp. 380–394. (In Russ.)

15. Kramarenko G. In Kamchatka: from St. Petersburg to Kamchatka and Japan. The journey of the student, described by himself. St. Petersburg, 1910, 194 p. (In Russ.)

16. Volodarskaya E.E. The emergence and formation of Kamchatka Regional Museum of Local Lore (1911–1934). *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 17–33. (In Russ.)

17. Piragis A.P. Kamchatka regional branch (department) of the Russian Geographical Society: stages of activity. «*O Kamchatke i stranakh, kotorye v sosedstve s neyu nakhodyatsya...*», 2011, pp. 142–149. (In Russ.)

18. Bergman S. On wild Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2000, 165 p. (In Russ.)

19. Schnell I. Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. *The Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1932, vol. 4, pp. 49–65, pl. VI–XVII.

20. Nakajama E. Neolithic Remains from eastern coast of Kamchatka peninsula. *Journal of Anthropology Society of Tokyo*, 1934, vol. 49, no. 10, pp. 1–14.

21. Orlova E.P. Itelmeny. St. Petersburg, 1999, 179 p. (In Russ.)

22. Lev D.N. New archaeological sites of Kamchatka. *Sovetskaya etnografiya*, 1935, no. 4/5, pp. 217–224. (In Russ.)

23. Rudenko S.I. The culture of the prehistoric population of Kamchatka. *Sovetskaya etnografiya*, 1948, no. 1, pp. 153–179. (In Russ.)

24. Semenov A.V. On the ancient culture of Koryak district. *Istoriya i kultura narodov Severo-Vostoka SSSR*. Magadan, 1964, pp. 28–40. (In Russ.)

25. Vasil'evsky R.S. Ancient cultures of the North Pacific. Novosibirsk, 1973, 267 p. (In Russ.)

26. Dikov N.N. The Paleolith of Kamchatka and Chukotka in relation to the problem of the initial settlement of America. Magadan, 1993, 68 p. (In Russ.)

27. Dikov N.N. The ancient fires of Kamchatka and Chukotka (15,000 years of history). Magadan, 1969, 256 p. (In Russ.)

28. Dikova T.M. The archaeology of South Kamchatka in relation to the problem of Ainu settling. Moscow, 1983, 232 p. (In Russ.)

29. Ruban V.I. Preliminary results of archaeological investigation in western Kamchatka. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Severa Dalnego Vostoka*. Magadan, 1979, pp. 107–129. (In Russ.)

30. Krenke N.A. The archaeological antiquities of Kovran. *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 68–134. (In Russ.)

31. Ponomarenko A.K. The Neolith of Kamchatka: periodization and main features of the ancient cultures evolution. *Rossiiskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e*. Vladivostok, 2005, pp. 268–291. (In Russ.)

32. Ponomarenko A.K. Tarin culture of the Neolithic Kamchatka. *Tikhookeanskaya arkheologiya*. Vladivostok, 2014, vol. 30, pp. 7–230. (In Russ.)

33. Ponomarenko A.K., Braitseva O.A., Litasova S.N. The ancient culture of Itelmens according to studies of a key site in Eastern Kamchatka and its dating by tephrochronological methods. *Novoe v arkheologii Severa Dalnego Vostoka*. Magadan, 1985, pp. 40–58. (In Russ.)

34. Ponomarenko A.K., Ponkratova I.Yu. The ceramics of northern Kamchatka. *Kolymskiy gumanitarniy al'manakh*. Magadan, 2009, vol. 4, pp. 3–13. (In Russ.)

35. Ptashinskii A.V. The culture of hunters on marine animals of the northeast Okhotsk sea (I–II millennia A.D.): diss. abstr. Moscow, 2002, 21p. (In Russ.)

36. Ponomarenko A.K. [Review]. *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 215–225. (In Russ.)

37. Ptashinskii A.V. Preliminary results of studies of Anavgai II site. *Lyudi velikogo dolga*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009, pp. 197–198. (In Russ.)

38. Ptashinskiy A.V. The discovery of a new site of late Upper Paleolithic in Kamchatka. *VI Dikovskie chteniya*. Magadan, 2010, pp. 62–65. (In Russ.)
39. Ptashinskiy A.V. The discovery of new sites of the final Paleolithic in Kamchatka. *Evraziya v kainozoe*. Irkutsk, 2012, no. 1, pp. 155–170. (In Russ.)
40. Ptashinskiy A.V. The problem of the final Paleolithic of Kamchatka and tephrochronology data. *Evraziya v kainozoe*. Irkutsk, 2015, no. 3, pp. 120–128. (In Russ.)
41. Ptashinskiy A.V. The new finds of the Neolithic of Kamchatka. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii «Uchebno-nauchnyy tsentr»*, 2003, no. 2, pp. 30–40. (In Russ.)
42. Ptashinskiy A.V. When did the Stone Age in Kamchatka finish. *Chelovek v istorii*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2007, vol. 5, pp. 29–32. (In Russ.)
43. Dikova (Kir'yak) M.A. The late Pleistocene complexes of Ushki V site: the discovery history and research prospects. *Severnaya Patsifika – kulturnye adaptatsii v kontse pleistotsena i golotsena*. Magadan, 2005, pp. 62–66. (In Russ.)
44. Goebel T., Waters M., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene peopling of the Americas. *Science*, 2003, vol. 301, pp. 501–505.
45. Lozhkin A.V., Matrosova T.V., Korzun Yu.A. The palynological characteristics of the Ushki site sediments in Kamchatka. *Prostranstvennaya i vremennaya izmenchivost' prirodnoy sredy Severo-Vostochnoy Azii v chetvertichnyy period*. Magadan, 2004, pp. 98–105. (In Russ.)
46. Kuzmin Y.V., Dikova M.A. The chronology of late Pleistocene archaeological sites of North-Eastern Siberia. *Rossiyskiy arkhologicheskii ezhegodnik*. St. Petersburg, 2014, vol. 4, pp. 8–22. (In Russ.)
47. Kuzmin Y.V., Dikova M.A., Cruz R.J. Radiocarbon age of the Paleolithic layers at Ushki 1 Site, Kamchatka (Northeastern Siberia): new dates from the N.N. Dikov excavation in 1989. *Current Research in the Pleistocene*, 2010, vol. 27, pp. 44–45.
48. Goebel T., Slobodin S.B., Waters M.R. New dates from Ushki-1, Kamchatka, confirm 13,000 cal BP age for earliest Paleolithic occupation. *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37, pp. 2640–2649.
49. Kuzmin Y.V., Speakman R.J., Glascock M.D., Popov V.K., Grebennikov A.V., Dikova M.A., Ptashinskiy A.V. Obsidian use at the Ushki Lake complex, Kamchatka peninsula (Northeastern Siberia): implications for terminal Pleistocene and early Holocene human migrations in Beringia. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35, pp. 2179–2187.
50. Fedorchenko A.Yu. The technical study of the stone ornaments of Paleolithic burials of the cultural layer VII of the Ushki I site (Central Kamchatka): new data. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*. Vladivostok, 2014, vol. 4, pp. 45–52. (In Russ.)
51. Fedorchenko A.Yu. Implements with dedicated tools chipped of Palaeolithic layer VI of Ushki I (the Kamchatka peninsula). *Stratum plus: Archaeology and Anthropology Kishinev*, 2016, vol. 1, pp. 223–241. (In Russ.)
52. Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y. The late Pleistocene microblade component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East). *PaleoAmerica*, 2016, vol. 2, pp. 1–29.
53. Nikanorov A.P. The preliminary list of archaeological sites in the territory of Kronotsky State Natural Biosphere Reserve and State Nature Reserves of Federal Significance «Yuzhno-Kamchatsky». *Lyudi velikogo dolga*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009, pp. 157–162. (In Russ.)
54. Orekhov A.A. Archaeological collections from the North-Eastern coast of Kamchatka (the collections by A.K. Fernander, V.G. Udalova and S.N. Stanitsky). *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii «Uchebno-nauchnyy tsentr»*, 2005, no. 2, pp. 70–76. (In Russ.)
55. Gusev S.V., Baryshev I.B., Makarov I.V. Bering expedition research in Kamchatka. *Arkheologicheskie otkrytiya 2009 goda*. Moscow, 2013, pp. 275–276. (In Russ.)
56. Krenke N.A., Pevzner M.M., Chaukin S.N. Tephrochronological and archaeological research in Kluchi settlement, Kamchatka (the first results). *Materialy XIX regionalnoy nauchnoy konferentsii*, Petropavlovsk-Kamchatsky, 2016, pp. 104–113. (In Russ.)
57. Ponkratova I.Yu. Ushki-5 site (Kamchatka): recent research, problems and prospects. *Kolymskiy gumanitarnyy al'manakh*. Magadan, 2007, vol. 2, pp. 13–20. (In Russ.)
58. Ponkratova I.Yu. Excavations of Ushki-5 site (Kamchatka). *Arkheologicheskie otkrytiya*. Moscow, 2009, p. 640. (In Russ.)
59. Ponkratova I.Yu. Criteria for the early Neolithic of Kamchatka (according to the study of Ushki V site, Ust-Kamchatsk district, Kamchatka Peninsula). *Trudy V (XXI) Vserossiskogo arkheologicheskogo s'ezda*, Barnaul, 2017, vol. 1, pp. 167–171. (In Russ.)
60. Hulse E.L., Keeler D.M., Zubrow E.B.W., Korosec G.J., Ponkratova I.Yu., Curtis C. A Preliminary report on archaeological fieldwork in the Kamchatka Region of Russia. *Sibirica*, 2011, vol. 10, no. 1, pp. 48–74.
61. Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP). *Quaternary International*, 2015, vol. 394, pp. 51–68.
62. Pendea I.F., Ponomareva V., Bourgeois, J., Zubrow, E.B., Portmyagin, M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 157, pp. 14–28.
63. Krenke N.A., Leonova E.V., Melekestsev I.V., Pevzner M.M. The new data on stratigraphy of Ushkovsky sites in the valley of the Kamchatka river. *Rossiyskaya archeologia*, 2011, vol. 3, pp. 14–24. (In Russ.)

DOI: 10.15372/HSS20180209
УДК 903.3 (571.6)“63”

С.П. НЕСТЕРОВ

ДОМОСТРОЕНИЕ У НАСЕЛЕНИЯ УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИАМУРЬЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

В статье проведен анализ конструктивных особенностей 21 жилища с четырех поселений урильской культуры Приамурья. Установлено, что по конструкции они делятся на три группы. Форма больших жилищ – более 100 м² – прямоугольная, с закругленными углами, в одном случае – округлая. В среднюю группу входят квадратные или прямоугольные постройки площадью от 45 до 95 м². Малую группу представляют жилища площадью от 20 до 30 м². Выявлено, что очаги во всех группах жилищ чаще округлой формы. В одном случае очаг был обложен камнями. Предполагается, что примыкающая к очагу канава могла подводить воздух для улучшения тяги его горения. Выяснено, что основная тенденция домостроения заключается в преобладании на раннем этапе (XI–IX вв. до н.э.) больших и средних по площади сооружений и уменьшении их до малых размеров на среднем и позднем этапах (VIII–V вв. до н.э.).

Ключевые слова: Приамурье, урильская культура, домостроительство, традиция, большие, средние и малые жилища.

S.P. NESTEROV

DWELLING CONSTRUCTION AMONG THE POPULATION OF URIL CULTURE, THE EARLY IRON AGE, PRIAMURYE

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Housing construction in archaeological materials of the Uril culture in the Priamurye is currently documented as 21 dwellings in the scientific literature. The article objective is to reveal the dynamics of the Uril culture housing construction. An analysis of their constructive features makes it possible to draw some conclusions about the house-building tradition of the population, and the basic trends in its development. The dominating form for all dwellings is a frame-and-pillars structure with the presence of a pit, sometimes more than one meter in depth, mostly from 50 to 90 cm. The appearance of the rectangular and square dwellings is in the form of a pyramid with various slopes of the roof slopes, or a cone in rounded dwellings. All the well-known dwellings of the Uril culture in the residential area should be divided into three groups: large, medium, and small ones. The large dwellings are more than 100 m². In this case, the form of dwellings in plan is more often rectangular with rounded corners; in one case – rounded. The average group includes buildings ranging from 45 to 95 m². Their shape is in most cases square or rectangular, sometimes with rounded corners. The exception is Dwelling 1 at Rybnoe Ozero site, which is round in plan. Group of small constructions is represented by buildings ranging from 20 to 30 m². The hearths in the excavated dwellings of the Uril culture are mostly round in shape. In one case the hearth is fenced with stones. Sub-rectangular hearths are located in two buildings. The square hearth is found in one round dwelling. In some cases, near the hearth there is a ditch for air supply to improve the thrust of its combustion. An analysis of the structures of the excavated dwellings of the Uril culture shows that the main tendency of the housing construction of its carriers is the predominance of large and medium-sized structures at the early stage (XI–IX centuries BC), and its reduction to small sizes during the middle and late stages (VIII–V centuries BC).

Key words: Priamurye, Uril culture, house-building, tradition, large, medium and small dwellings.

Археологические материалы по домостроению урильской культуры в настоящее время в научной литературе представлены описанием 21 жилища из При-

амурья: Падь Степаниха (1), Урильский Остров (5), Кочковатка (3), Бензобаки (3), Рыбное Озеро (2), Максим Горький (7). Остатки обрушившегося в Амур жи-

Сергей Павлович Нестеров – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail nesterov@archaeology.nsc.ru.

Sergey P. Nesterov – Doctor of History, Head of the Sector, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

лица были исследованы на поселении Михайловка недалеко от устья р. Зеи [1]. Следует отметить, что все эти жилища были раскопаны в 1960-х гг. В изученных в 1980–2010-е гг. слоях с материалами урильской культуры памятников Сухие Протоки-2, Букинский Ключ-1, -3, Безумка, Малые Симичи на р. Бурее из Западного Приамурья жилых построек не встречено в силу их сезонного характера [2; 3]. В Восточном Приамурье с раскопками жилищ, несмотря на исследование в 2000-х гг. памятников Нижнетамбовское-2, Голый Мыс-1, Старая Какорма, Малая Гавань и других со слоями и материалами урильской культуры, сложилась аналогичная ситуация [4, с. 161–163]. Есть только единственный случай раскопок урильского жилища на памятнике Усть-Унгун в Еврейской АО, но кроме радиоуглеродной даты 2880 ± 60 л.н. (ГИН-7548), или $1206 - 992 (\pm 1\sigma)$, $1260 - 916 (\pm 2\sigma)$ гг. до н.э. [5, с. 142], другие материалы не опубликованы.

Хронологически памятники урильской культуры, кроме вышеотмеченной территориальной локализации в пределах Приамурья, связанной с ее происхождением [6], исследователи относят к раннему (Урильский Остров, Сухие Протоки-2, Букинский Ключ-1, Малые Симичи, Рыбное Озеро, Кочковатка, жилище 2, 3, Круглое Озеро, Голый Мыс-1) и среднему (Кочковатка, жилище 1, Бензобаки, Петропавловка, Максим Горький, Нижнетамбовский могильник, Голый Мыс-5) этапам [4, с. 161–163, 169–170; 7, с. 70–73; 8].

КОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПОСТРОЕК ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Четыре жилища на *Урильском Острове* большей частью были разрушены водами Амура, поэтому основную информацию по конструктивным особенностям дали в основном стратиграфические разрезы по береговому обрыву. По ним удалось определить длину жилищ 1, 3, 4 – 11,25, 11,4 и около 8 м соответственно. Глубина котлована жилища 1 была 1–1,5 м. Информация о размерах построек на данном поселении получена благодаря сохранившейся северной части жилища 5 [1, с. 140, рис. 8]. Его реконструируемые размеры 12×17 м, площадь около 200 м^2 . Жилище имело котлован прямоугольной формы с закругленными углами глубиной почти 1 м. По верхним краям котлована и у его стен по дну располагались ямки от столбов. Верхние столбы служили основой для внешних стен жилища, нижние – для облицовки стен котлована. В середине на ровном полу двумя рядами располагались ямки от столбов, образуя коридор. Ниже пола были хозяйственные ямы различных размеров (рисунок, 1). [1, с. 140–143]. Таким образом, жилые постройки на Урильском Острове имели, видимо, прямоугольную форму, большую площадь, в устройстве внешних стен использовались столбы, облицовка котлован выполнена горизонтально уложенными плахами или жердями, упором для которых служили вертикальные столбы. В интерьере располагалась система столбов, которые могли быть опорными для кровли и служить

основой для внутренних стен. Для отопления использовали несколько очагов.

Жилище 1 с поселения *Падь Степаниха* было опубликовано как средневековое мохэской культуры [9, с. 34–38]. Однако его конструктивные особенности отличаются от раннесредневековых жилищ [10]. Фрагменты керамических сосудов из него принадлежат урильской культуре [9, с. 202, табл. IV]. Котлован жилища был глубиной 30–40 см, квадратной формы (5×5 м), со скругленными углами, площадью 25 м^2 (см. рисунок, 2). Крыша сделана из наклонных жердей, одни концы которых, возможно, упирались в нижний край котлована, а другие – сходились в середине, образуя дымовое отверстие над очагом. Очаг заглублен в яму на 12–13 см, обложен по периметру плотно поставленными камнями [9, с. 36–37]. Обкладка камнями не характерна для раннесредневековых очагов: обычно их огораживали рамой из досок. Единственный случай, где округлый очаг имел ограждение из речных галек, это – жилище 4 памятника Усть-Талакан на р. Бурее. Но оно относится к талаканской культуре раннего железного века, сменившей в Западном Приамурье во II в. до н.э. урильскую культуру [2, с. 271, рис. 43]. Реконструируя внешний вид жилища 1 с поселения Падь Степаниха, можно сказать, что оно, скорее всего, имел вид конуса. Выход из жилища располагался в юго-западном углу.

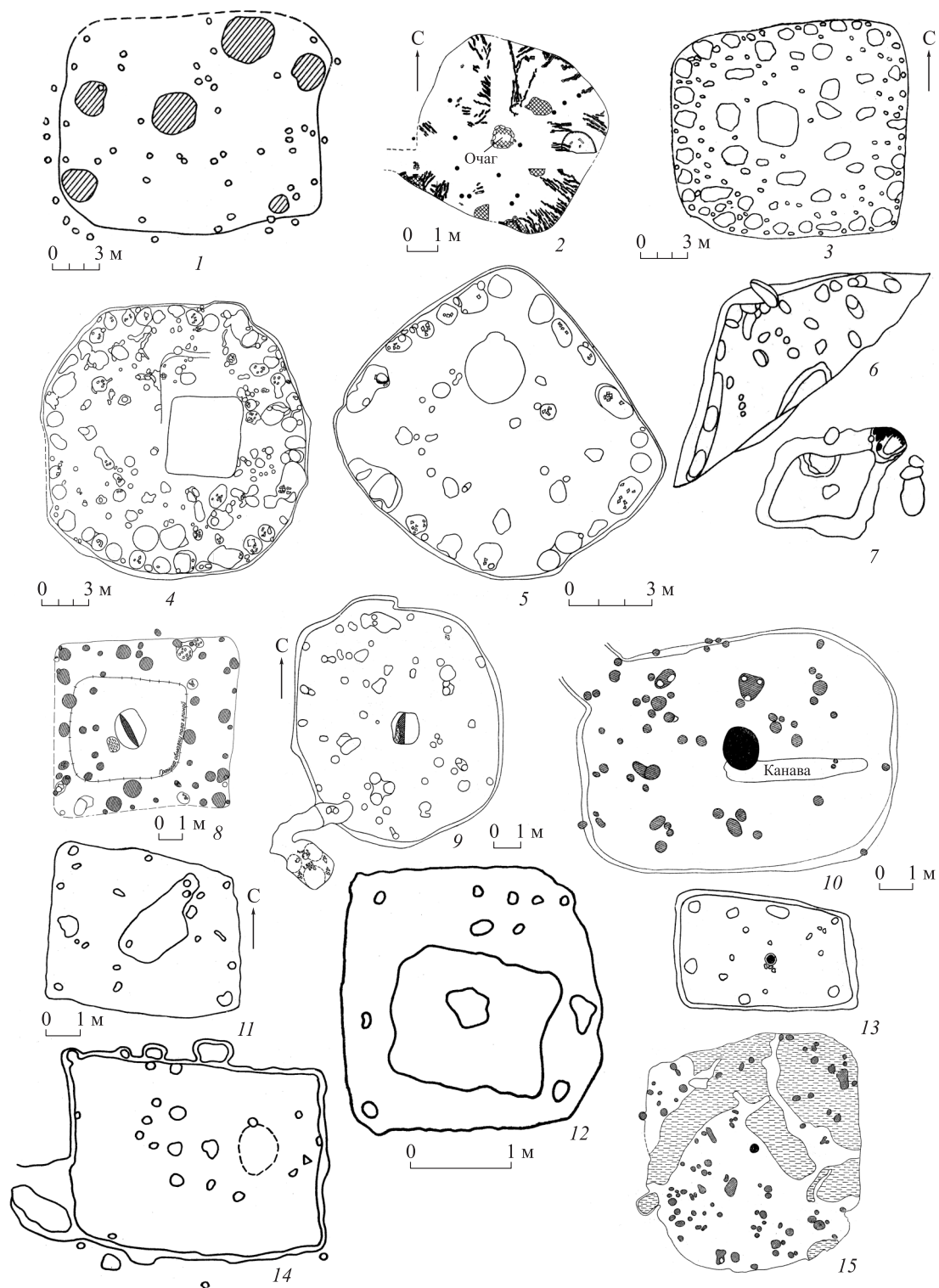
КОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПОСТРОЕК ВОСТОЧНОГО ПРИАМУРЬЯ

Поселение Кочковатка, состоящее примерно из 45 жилищных западин, вытянутых в 2–3 ряда, расположено на правом берегу одноименной речки у с. Кукелево Еврейской АО [1, с. 145, рис. 13].

Жилище 1 было построено в котловане $15,3 \times 14$ м, глубиной 1 м. Площадь жилого пространства 214 м^2 . Пол жилища сравнительно ровный, но с понижением к середине, где находился очаг размерами $3 \times 2,7$ м. На полу зафиксированы 90 столбовых и 57 хозяйственных ям, 27 из которых располагались вокруг очага. Остальные довольно плотно распределены по периметру постройки. Столбовые ямки находились также вдоль стен жилища и на некотором отдалении от них и от очага, группируясь в 2–3 ряда (рисунок, 3) [1, с. 147, рис. 14].

Жилище 2 имело диаметр 13,4–13,8 м, площадь около 145 м^2 . Оно сооружено в котловане глубиной 60–70 см. На полу, кроме большого очага размерами $3,6 \times 3,8$ м, заглубленного на 27 см ниже пола, зафиксировано 92 ямы от столбов и 81 яма хозяйственного назначения (рисунок, 4) [1, с. 145, 149–153]. При округлой форме основания жилища его внешний вид предположительно имел вид конуса.

Жилище 3 – подпрямоугольное в плане формы со скругленными углами (см. рисунок, 5). Три стороны котлована глубиной 80–90 см были почти прямыми, а юго-западная – сильно выпуклой. Площадь жилища примерно 95 м^2 . Ровный пол имел плотную

Планы жилищ урьльской культуры Приамурья.

1 – Урьльский Остров, жилище 5; 2 – Падь Степаниха, жилище 1; 3–5 – Кочковатка, жилища 1, 2, 3; 6–8 – Бензобаки, жилища 1, 2, 3; 9, 10 – Рыбное Озеро, жилища 1, 2; 11–15 – Максим Горький, жилища 1, 2, 4, 6, 7 (по: [1, с. 131–188]).

утрамбованную подсыпку из глины. В середине находилась небольшая прямоугольная площадка высотой 10–15 см. Округлый очаг диаметром 2,2 м заглублен ниже уровня пола на 50 см и смещен от центра в сторону северного угла постройки. На площади жилища обнаружено 16 столбовых и 29 хозяйственных ям [1, с. 153–156]. Часть ям располагалась по периметру интерьера, часть – образовывала прямоугольное пространство (3,2×2,4 м) по центру. Скорее всего, это были столбовые ямы, поддерживающие кровлю жилища. Кровля могла состоять из наклонных жердей, установленных вплотную друг к другу, опиравшихся в верхней части на раму-обвязку, установленную на столбы. Предположительно, внешний вид жилища мог выглядеть как пирамида (или усеченная пирамида) со скруленными углами.

Жилище 1 на поселении **Бензобаки** сохранилось наполовину по линии углов (см. рисунок, 6). Жилище было впущено в квадратный с округлыми углами котлован глубиной 40–50 см. Сохранившиеся стороны имела длину 6,4 и 6,6 м. Площадь жилища 1 могла составлять около 44–45 м². Пол ровный, обмазан глиной. На сохранившейся площади жилища располагалось 7 хозяйственных ям и много следов от столбов вдоль стен и в центре около округлого очага [1, с. 157–158].

Жилище 2 – подпрямоугольной формы (6,6×8,4 м)¹, построено в котловане глубиной до 1 м, со ступенчатыми стенками. Высота верхнего уступа составляет 40–50 см (рисунок, 7). Площадь жилища – 55,5 м². На ровном полу располагались ямы от столбов и 5 хозяйственных ям, одна из которых была почти в центре интерьера. Очага в жилище не найдено [1, с. 160].

Жилище 3 – квадратное в плане (7,5×7,5 м), построено в котловане с закругленными углами, глубиной 45–50 см (рисунок, 8). Его площадь 56 м². На пол в середине жилого пространства на площади около 19 м² (4×4,7 м) нанесена обмазка из глины толщиной 8–10 см. Овальный очаг (1,6×1,2 м) располагался в центре обмазанной площадки. За внешними границами обмазки вдоль стен котлована находилась 21 хозяйственная яма, имелись следы от 35 столбовых ям диаметром 20–30 см, глубиной от 10 до 30 см [1, с. 163–164]. Присутствие в углах котлована столбовых ям не исключает наличия угловых стропил и четырехскатной кровли пирамидальной формы.

Поселение Рыбное Озеро состоит из более 20 жилищных западин.

Жилище 1 было построено в овальном котловане (9×7,6 м) глубиной 45–55 см (рисунок, 9) [1, с. 169, рис. 32]. Площадь постройки – 53,7 м². Внутри имелось 56 столбовых ям. Часть из них располагалась по внутреннему периметру овала. В них, вероятно, упирались нижние концы жердей – основы каркаса.

¹ В другом издании для жилища 2 приводятся размеры 4,5×4,8 м [11, с. 266], что более соответствует его размерному соотношению относительно жилища 1 поселения Бензобаки (рисунок, 7) [1, с. 158, рис. 24]. Однако эти параметры не соразмерны его стратиграфическому разрезу, длина которого 8,4 м [1, с. 160, рис. 28].

Часть столбов группируются вокруг округлого очага. Они служили для подпора наклонных стропил. Очаг (1,15×1 м) располагался в середине интерьера, изначально на уровне пола, затем по мере его чистки здесь образовалось углубление, с одного края с вертикальной стенкой и пологой стенкой – с другого. Внешне такое жилище выглядело как конус с дымовым отверстием в месте пересечения наклонных стропил. Особенностью данного жилища является расположение юго-западнее от него могилы с останками вторичного захоронения черепа и трубчатых костей человека. Могила связана с постройкой с помощью траншеи с извилистыми стенками длиной 3,4 м, шириной 55–77 см, оканчивающейся внутри котлована. Не исключено, что данная траншея является входным коридором, рядом с которым с наружной стороны была устроена могила (или жертвоприношение?) [1, с. 170].

Жилище 2 – подпрямоугольное с закругленными углами (9,6×7,3 м), площадью примерно 70 м², впущено в котлован глубиной 1 м от уровня древней поверхности. С южного угла имеется коридорообразный разрыв шириной 1,9 м (выход). В середине интерьера располагался овальный очаг 1,3×1,1 м, заглубленный ниже уровня пола. К нему с северо-западной стороны примыкает канава длиной 4,3 м, шириной 60 см. В жилище находилось 54 ямы, большая часть которых, вероятно, были столбовыми (см. рисунок, 10). Пять ям находились на уступе стены котлована. В их расположении нет никакой системы. Четыре ямы отделяли жилое пространство от входного коридора. Остальные располагались вокруг очага. Внешне жилище могло быть пирамидальной формы с дымовым отверстием наверху. Изнутри стропила подпирались вертикальными столбами [1, с. 169–171].

Поселение Максим Горький состояло из 10–12 западин глубиной 50 см. Прямоугольный котлован *жилища 1* (5,9×5 м) глубиной от 0,63–0,75 м до 1,25 м имел три пологие стенки, за исключением западной (см. рисунок, 11). Его площадь составляла 29,5 м². В углах жилого пространства – столбовые ямы, скорее всего, от угловых наклонных стропил. Отдельные ямы есть в середине интерьера, три из них расположены в темном пятне, вытянутом по линии юго-запад – северо-восток. Выступ с северо-восточной стороны пятна с двумя столбовыми ямами (0,6×1,3 м) мог быть устройством для поддува воздуха в очаг. Правда, авторы раскопок так не считают – по их мнению, его в жилище не было [1, с. 183]. Однако расположение пятна (1,4×2 м) в центре постройки, его мощность до 13 см, наличие вокруг него столбовых ямок позволяют предположить, что в этом месте жилища находилось теплотехническое устройство. Внешне жилище 1, вероятно, имело вид пирамиды с четырехскатной кровлей.

Котлован *жилища 2* подквадратной формы, глубиной 50–80 см. Размеры постройки по полу 7,15×7,3 м, площадь 52 м² (рисунок, 12). В средней части жилого пространства расположено темное подпрямоугольное

пятно (3,85×4,4 м). За его пределами обнаружено более 10 ямок, в том числе в углах котлована. В центре жилища и в пределах большого пятна располагалась линза неправильных овальных очертаний, в которой находился очаг правильной округлой формы [1, с. 183–184]. Жилище, возможно, имело пирамидальную форму и четырехскатную кровлю с дымовым отверстием.

Котлован жилища 3 прямоугольной формы, глубиной 30–50 см. Размеры жилища по полу 5,8×4,4 м, площадь 25,5 м². Очаг округлой формы располагался в середине, с некоторым смещением к восточной стене. Вокруг него имелись шесть крупных столбовых ям [1, с. 184, рис. 42], четыре из них образовали правильный квадрат – из столбов, на которые опиралась верхняя рама-обвязка каркаса постройки. Видимо, жилище имело пирамидальную форму и четыре наклонные плоскости кровли с дымовым отверстием наверху.

Жилище 4 было впущено в котлован 7,8×3 м поверху, вытянутому длинной стороной с востока на запад. Размеры жилища по полу составляли 7,2×3 м, площадь – 21,6 м². На ровном полу в середине пространства зафиксированы 17 ям от столбов (рисунок, 13) [1, с. 184–185]. Семь крупных ям находились вдоль стен жилища. Поскольку круглый очаг помещался практически в центре жилого пространства, жилище могло быть четырехскатным, с дымовым отверстием сверху.

Жилище 5 было построено в котловане 9×8 м, глубиной 90 см. Его площадь 72 м². На полу к востоку от середины жилого пространства располагалось овальное пятно глиняной обвязки 2×1,5 м. В его западной части находился очаг. На ровном полу зафиксированы 60 ям: большие по диаметру (видимо, хозяйственные) располагались вдоль двух стен котлована, остальные – от столбов конструкции каркаса жилища – рассредоточены по жилому пространству несколькими группами [1, с. 185, 186, рис. 45].

Жилище 6 располагалось в котловане 9,3×7,8 м (рисунок, 14). Стены котлована невысокие и пологие. Почти в центре жилого пространства, площадью 72,5 м², вокруг округлого очага находилось большое овальное пятно смешанного состава (1,5×1,9 м). На нем зафиксированы более 20 ям от столбов [1, с. 186, рис. 46, с. 187, рис. 47].

Жилище 7 было впущено в подквадратный котлован глубиной 35–50 см. На ровном полу в центре жилого пространства в чашевидном углублении находился округлый очаг. Большая часть столбовых ям располагалась полосой вдоль стен жилища (рисунок, 15). Пространство вокруг очага было свободно от них [1, с. 186–187, рис. 48].

Анализ конструктивных особенностей исследованных в Приамурье жилищ урильской культуры позволяет сделать некоторые выводы о домостроительной традиции населения и тенденциях ее развития. Общим для всех жилищ была каркасно-столбовая конструкция и наличие котлована, иногда более 1 м глубиной, в основном от 50 до 90 см. Глубина котлована зависела не только от типа постройки, но и от уровня поверхности, с которой копался котлован, поэтому ча-

сто его стены могли иметь различающиеся высоты. Внешний вид прямоугольных и квадратных жилищ на поминал пирамиду с различным наклоном скатов кровли (что обусловлено размерами и формой конструкции в плане) [1, с. 211, рис. 53] или конуса – у округлых сооружений.

Все известные жилища урильской культуры по жилой площади можно разделить на три группы: большие, средние и малые. *Большие жилища* были более 100 м². К ним относятся постройки на поселении Урильский Остров (около 200 м²) и Кочковатка (145 и 214 м²). При этом форма жилищ в плане чаще прямоугольная с закругленными углами, в одном случае (Кочковатка, жилище 2) – округлая. В *среднюю группу* входят постройки площадью от 45 до 95 м². Это – жилище 3 из поселения Кочковатка (95 м²), все постройки поселения Бензобаки (45, 55,5 и 56 м²) и Рыбного Озера (53,7 и 70 м²), жилища 2, 5 и 6 памятника Максим Горький (соответственно, 52, 72 и 72,5 м²). Их форма в большинстве случаев квадратная или прямоугольная, иногда с закругленными углами. Исключением является округлое жилище 1 Рыбного Озера. *Малую группу* представляют постройки площадью от 20 до 30 м²: Падь Степаниха (25 м²) и Максим Горький, жилища 1 (29,5 м²), 3 (25,5 м²) и 4 (21,6 м²).

Теплотехнические устройства из раскопанных жилищ урильской культуры в основном имели форму, округлую в плане. В одном случае очаг был обложен камнями (Падь Степаниха, жилище 1). Подпрямоугольный очаг находился в жилище 1 Кочковатки и Максима Горького, квадратный – в круглом жилище 2 Кочковатки. Возможно, в жилище 2 Рыбного Озера канава, примыкающая к очагу, могла использоваться для подвода воздуха с целью улучшения тяги его горения. Видимо, похожие канавы могли нести ту же функцию в жилищах № 1 поселений Максим Горький, Падь Степаниха и Рыбное Озеро. В двух последних случаях они могли быть одновременно и выходами из построек.

Анализ конструкций раскопанных жилищ урильской культуры показал, что основная тенденция домостроения ее носителей заключается в преобладании на раннем этапе (XI–IX вв. до н.э.) больших и средних по площади сооружений и уменьшении их до малых размеров на среднем и позднем этапах (VIII–V вв. до н.э.) [5, с. 142, табл. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
2. Древности Бурей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.
3. Цыбанков А.А., Нестеров С.П., Дудко А.А., Алкин С.В., Ахметов В.В., Шеломихин О.А., Перишин Р.К. Предварительные результаты археологических работ в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2015 году (Амурская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 597–600.
4. Шевкомуд И.Я. Неолит – палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная

археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 140–176.

5. Нестеров С.П., Кузьмин Я.В. Периодизация культур раннего железного века и средневековья Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 140–152.

6. Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Роль миграций конца II – начала I тыс. до н.э. в формировании урильской культуры раннего железного века в Приамурье // The VIII International Academic Conference on «Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China». Changchun: Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University, 2017. P. 161–174.

7. Деревянко Е.И., Гребенщиков А.В. Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2001. 120 с.

8. Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 32–42.

9. Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.

10. Нестеров С.П. Традиция жилищного строительства у ранне-средневекового населения Западного Приамурья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 525–528.

11. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973. 440 с.

REFERENCES

1. Derevianko A.P. Early Iron Age of the Priamurye. Novosibirsk, Nauka, 1973, 356 p. (In Russ.)

2. Derevyanko E.I. (ed.). Antiquities of Bureya. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (In Russ.)

3. Tsybankov A.A., Nesterov S.P., Dudko A.A., Alkin S.V., Akhmetov V.V., Shelomikhin O.A., Pershin R.K. Preliminary results of archaeological work in the flood zone of the Nizhne-Bureisk hydroelectric power station in 2015 (Amur Region). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2015, vol. 21, pp. 597–600. (In Russ.)

4. Shevkomud I.Ya. Neolith – paleometall in Lower Priamurie, the concept of paleoethnic cultural development. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Vladivostok, 2015, pp. 140–176. (In Russ.)

5. Nesterov S.P., Kuz'min Ya.V. Periodization of cultures of the Early Iron Age and the Middle Ages in Priamurye. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 1999, no. 2, pp. 140–152. (In Russ.)

6. Nesterov S.P., Girchenko E.A. The role of migrations of the late II - early I millennium BC in forming the Uril culture of the early Iron Age in Priamurye. *Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: VIII International Academic Conference*. Changchun, 2017, pp. 161–174. (In Russ.)

7. Derevianko E.I., Grebenshnikov A.V. Pottery of the ancient tribes of Priamurye. Novosibirsk, 2001, 120 p. (In Russ.)

8. Nesterov S.P., Durakov I.A., Shelomikhin O.A. An early complex of Uril culture in Bukinsky Kluch site at the Bureya River. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2008, no. 4, pp. 32–42. (In Russ.)

9. Derevianko E.I. Mohe sites in the Middle Amur. Novosibirsk, Nauka, 1975, 250 p. (In Russ.)

10. Nesterov S.P. The tradition of dwelling construction in the Early Medieval population in Western Priamurye. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani, Kazan'*, 2014, vol. 8, pp. 525–528. (In Russ.)

11. Okladnikov A.P., Derevianko A.P. Far past of Primorye and Priamurye. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatelstvo, 1973, 440 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.04.2018

DOI: 10.15372/HSS20180210
УДК 902 (571.3)“63”

А.В. ТАБАРЕВ

МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЕ НУКЛЕУСЫ В ФИНАЛЬНОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ-РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ КОМПЛЕКСАХ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. академика Лаврентьева, 17

Проблематика раннего верхнего палеолита (РВП), его датировка, вопросы местного или импортного происхождения пластинчатых индустрий, возможности подразделения и внутренней периодизации этого этапа занимают центральное место в исследованиях памятников каменного века Северной Монголии. Значительно меньше внимания уделяется рассмотрению особенностей различных технологий микро-расщепления, в первую очередь микроклиновидной, основанной на отжимной технике получения заготовок. Анализ материалов из финальнопалеолитических и раннеголоценовых горизонтов памятника Толбор-15, а также представительных сборов с поверхности и данных ГИС-моделирования закономерностей распространения археологических памятников на притоках р. Селенга позволяют сформулировать ряд предположений относительно времени появления микроклиновидной техники в Северной Монголии и направлений ее распространения.

Ключевые слова: Северная Монголия, финальный плейстоцен, ранний голоцен, микропластинчатая техника, расщепление, хронология.

A.V. TABAREV

MICROBLADE CORES IN THE FINAL PLEISTOCENE – EARLY HOLOCENE COMPLEXES, NORTHERN MONGOLIA: PECULIARITIES AND CONTINUITY OF TECHNOLOGIES

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The principal goal of the article is to present the characteristic of the most important changes and innovations in lithic technology in Northern Mongolia during the final Pleistocene – early Holocene. Since 2004 the middle Selenga River (Northern Mongolia) has been in the permanent focus of the Stone Age research. The greatest significance are materials of so-called “Tolbor Paleolithic complex” with the stratified sites Tolbor 4, Tolbor 15, Tolbor 16, Tolbor 17, Tolbor 21, Tolbor Paleolithic Cache, and Kharganyn-Gol 5. The most attention is given to the problem of the early Upper Paleolithic – its dating, issues of local or import origins of the blade industry, sub-periodization, and correlation with the synchronous lithic industries in Altai Region, Transbaikalia, and Northern China. The appearance of microblade technology in the Paleolithic of Northern Mongolia is documented, first of all, with the wedge-shaped microcores, which were explored by a pressure technique. The pilot signal of this technique (microcore) is known at Tolbor 15 in Horizon 5 with the AMS data 28460±310 (AA-84137). Later, at Tolbor 15, in Horizons 4-3 (15 – 14 000 BP) and Horizon 2 (13 – 11 000 BP) wedge-shaped microcores are represented in more sophisticated modifications – on uni- and bifacial preforms. During the survey in the Ikh-Tulberiin-Gol, Kharganyn-Gol and Altaatyn-Gol River valleys in 2011–2014 it was established that the mobility of ancient groups in the Paleolithic-early Neolithic was not limited only by “Selenga corridor”, but on the contrary, people preferred to use the saddles in the mountain ridges for comfort transition from one river valley to another. We think that from the morphological and typological points of view the microblade technique in the final Paleolithic of Northern Mongolia demonstrates more similarities not with the Transbaikalia, but with the complexes archaeologically known in the southern and eastern directions. All these facts confirm the most likely spreading of the pressure microblade technology in the Upper Paleolithic – from Central Asian regions (and Northern Mongolia in particular) to the coastal and island territories of the Far East, while the proposed alternative direction has not been sufficiently substantiated.

Key words: Northern Mongolia, final Pleistocene, early Holocene, microblade technique, percussion, chronology.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект № 16-01-00181 «Технология микро-расщепления в верхнем палеолите Северной и Центральной Азии».

Андрей Владимирович Табарев – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: olmec@yandex.ru.

Andrey V. Tabarev – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Начиная с 2004 г. район среднего течения р. Селенга (Северная Монголия) является объектом систематического поиска и изучения памятников эпохи палеолита. Благодаря совместным усилиям специалистов из России и Монголии, а также их коллег из США, Бельгии, Франции и Японии в долинах рек Их-Тулбэрийн-Гол (Толбор), Алтаатын-Гол и Харганын-Гол была обнаружена целая серия местонахождений каменного века, датируемых в широком хронологическом диапазоне – от самого начала раннего верхнего палеолита (45 тыс. л.н.) до неолита (7–6 тыс. л. н.). Наибольшую известность и резонанс в научном мире вызвали материалы так называемого Толборского палеолитического комплекса – стратифицированные памятники Толбор-4, Толбор-15, Толбор-16, Толбор-21, а также Харганын-Гол-5.

Библиография публикаций по результатам этих исследований обширна, насчитывает несколько десятков статей на разных языках. Не менее представительна и география научных конференций (Европа, Северная Америка, Дальний Восток), на которых были рассмотрены самые разнообразные сюжеты (археология, стратиграфия, датировки, трасология) проведенных и продолжающихся исследований.

Центральное место в этих исследованиях занимает проблематика раннего (начального) верхнего палеолита (РВП), его датировка, вопросы местного или импортного происхождения пластинчатых индустрий, возможности подразделения и внутренней периодизации, корреляция с одновременными индустриями в сопредельных районах Алтая, Забайкалья, Китая и в более широком евразийском контексте. Затронуты в этих публикациях и сюжеты, посвященные микрорасщеплению – получению микроснятий с миниатюрных ядрищ с использованием *ударной техники* [1, 2, 3, 4]. Акцент на материалы РВП четко проявляется также в процессе поиска местонахождений, в выборе памятников для раскопок и приоритетности при получении радиоуглеродных датировок.

Материалы памятников, относящиеся к рубежу плейстоцена – началу голоцена, также в основном введены в научный оборот. Это касается преимущественно верхних горизонтов на памятниках Толбор-4 (горизонты 1–3), Толбор-15 (горизонты 1–4) и Харганын-Гол-5 (горизонт 3) [5, 6]. Вместе с тем градус дискуссии, детализация проблематики и уровень обобщений по данному периоду существенно ниже. Финальнопалеолитические материалы рассматривались чаще всего попутно, по факту их присутствия в культуросодержащих горизонтах многослойных памятников, но объектом специального поиска или задачей отдельного полевого или исследовательского проекта изначально не являлись.

Маркерами появления в палеолите Северной Монголии *микропластинчатой техники* выступают, в первую очередь, микронуклеусы (а именно, клиновидные), снятие заготовок-микропластин с которых производилось при помощи *отжима*. Первый такой маркер (микронуклеус на трехгранном сколе) зафик-

сирован на памятнике Толбор-15 (горизонт 5) с датой $28\ 460 \pm 310$ (AA-84137). Неожиданно ранний возраст находки вызвал у части коллег скепсис и попытку объяснить его положение в данном контексте проникновением из вышележащих горизонтов. Данный аргумент был бы состоятельным лишь при наличии в этих слоях изделий, аналогичных упомянутому микронуклеусу. Поскольку их нет, версия о раннем (28, 5–27 тыс. л. н.) появлении микропластинчатой техники представляется нам в настоящий момент более убедительной.

В горизонтах 4–3 (15–14 тыс. л. н.) и горизонте 2 (13–11 тыс. л. н.)¹ памятника Толбор-15 клиновидные нуклеусы являются более развитой модификацией, на унифасиальных и бифасиальных заготовках. Исчезают они в горизонте 1 (ранний голоцен), где микропластинчатая техника представлена уже исключительно микропризматическими и коническими модификациями.

В 2009–2011, а также в 2013 гг. в рамках работы совместной российско-монгольско-американской экспедиции, параллельно со стационарными раскопками стратифицированных памятников, была предпринята серия разведочных маршрутов, результатами которых стало обнаружение большого числа местонахождений каменного века как на левом и правом берегах р. Их-Тулбэрийн-Гол, так и в соседних, ранее совершенно не исследованных археологами долинах рек Харганын-Гол и Алтаатын-Гол [7]. Собранный подъемный материал был распределен, согласно морфологическим и типологическим признакам, по нескольким периодам (средний палеолит, ранний верхний палеолит, верхний палеолит, финальный палеолит, ранний голоцен), при этом местонахождения максимально точно оказались привязаны к особенностям рельефа и детальным картам с помощью ГИС-технологий. Анализ этих данных позволяет сделать некоторые интересные наблюдения.

Во-первых, все местонахождения с микроклиновидными нуклеусами и техническими продуктами их расщепления (бифасиальными и унифасиальными заготовками, ладьевидными и лыжевидными сколами) располагались на совершенно иных высотных отметках, нежели местонахождения с материалами, относящимися к верхнему палеолиту или его ранней стадии². В свою очередь, микроклиновидных нуклеусов (с отжимным снятием заготовок) нет в верхних горизонтах многослойных памятников (Толбор-4, 16, 21), микрорасщепление документируется ядрищами, редуцируемыми только в ударной технике. Во-вторых, в подъемных сборах микроклиновидные нуклеусы практически всегда сопровождаются микропризматическими, коническими и карандашевидными модифи-

¹ Для горизонта 2 (Толбор-15) радиоуглеродных определений на сегодняшний день нет, но индустрия демонстрирует преимущественно финальнопалеолитические элементы.

² Исключение составляет только памятник Толбор-15, но его расположение не характерно для объектов с горизонтами, относящимися к РВП и верхнему палеолиту – не на высоких отметках, а практически в пойме р. Их-Тулбэрийн-Гол.

кациями. Иными словами, ареалы обитания и активности финальнопалеолитических и раннеголоценовых групп населения в долинах данных притоков Селенги совпадают.

Последнее обстоятельство позволяет снова вернуться к вопросу о характере перехода от микроклиновидной техники к микропризматической. Как уже указывалось, на памятнике Толбор-15 эти две техники в одном горизонте не встречаются, иными словами, присутствует эффект смены микроклиновидной микропризматической. Впрочем, эта ситуация прослежена лишь на Толборе-15, стационарных исследований других памятников в аналогичной топографической ситуации в данном районе не производилось. Мы не исключаем, что в случае специального изучения данной проблемы возможно нахождение микроклиновидных и микропризматических ядрищ в одном культуросодержащем горизонте и вариант их временного сосуществования будет определяться на рубеже плейстоцена и голоцена. Факт сосуществования несколько не противоречит экспериментальным данным, которые уверенно указывают на разные конструкции для фиксации ядрищ в рамках микроклиновидной и микропризматической техник [8].

Для данного этапа на сегодняшний день имеется всего девять радиоуглеродных дат, которые можно разделить на две группы – финальноплейстоценовые и голоценовые. Из финальноплейстоценовых пять получены по образцам скорлупы яиц страуса, две – по кости; обе голоценовые даты – по нагару на керамике. Даты первой группы укладываются в интервал 15,7–12,8 тыс. л.н. (18, 9–15, 2 тыс. л.н. в калиброванном варианте), они документируют финальный палеолит. Даты второй группы – 7,7–6,7 тыс. л.н. (8,6–7,6 тыс. л.н. в калиброванном варианте) соответствуют неолиту, возможно *раннему неолиту*, и на сегодняшний день они являются наиболее ранними не только для среднего течения р. Селенга, но и для всей территории Монголии. Между двумя группами дат имеется серьезный пробел – более 5 тыс. л.н. – именно на это время, судя по всему, приходится деградация и полное исчезновение микроклиновидной техники, с последующей полной ее заменой микропризматической техникой расщепления.

Время появления глиняной посуды в Северной Монголии – отдельная и не менее интересная тема. Керамика, найденная на памятнике Толбор-15, демонстрирует уже весьма развитую технологию и разработанные орнаментальные композиции. Вполне вероятно, что целенаправленный поиск может привести к обнаружению и более ранних находок – с возрастом 10–9 тыс. л.н. Для данного сценария на сегодняшний день имеется только один источник – Забайкалье, где комплексы с керамикой (Усть-Кяхта-3, Усть-Каренга-7, Студеное-1, Усть-Менза-1) известны уже с финала плейстоцена 12–11,5 тыс. л.н.

С появлением и распространением микропластинчатой техники ситуация иная. Судя по публикациям, хронологическое и ареальное подразделение микропла-

стинчатых индустрий в Забайкалье отражает не только степень изученности, но и желание каждого из исследователей внести свою коррективу в существующую схему: «студеновская культура» (18–10,8 тыс. л.н.); «чикойская культура» (15–11 тыс. л.н.); удревненная «чикойская» (20–18 тыс. л.н.); «селенгинская культура» (18–8 тыс. л.н.); «усть-мензинский вариант»; «селенгинская культура финального палеолита» (13–11 тыс. л.н.) [9]. В упомянутых схемах озвучиваются альтернативные версии – микропластинчатая техника проникает в Северную Монголию с территории Забайкалья и наоборот. Отметим, что в обоих случаях в качестве основной магистрали распространения технологий и культурных контактов выступает долина р. Селенга.

В ходе разведочных маршрутов в долинах рек Их-Тулберийн-Гол, Харганын-Гол и Алтаатын-Гол в 2011 и 2013 гг. было доказано, что мобильность населения в верхнем палеолите не ограничивалась только «селенгинским коридором» – напротив, древние обитатели успешно использовали седловины между притоками для комфортного перемещения между долинами притоков. Кроме того, долины притоков не являлись «изолированными нишами», они были легко проходимы от устья до истока, что создавало благоприятные условия для легкого перехода из одного речного бассейна в другой [10].

Нам представляется, что с точки зрения морфологии и типологии микропластинчатая техника финального палеолита Северной Монголии демонстрирует гораздо больше сходств не с забайкальскими материалами, а с комплексами, известными в южном и восточном направлении. В первом случае это подборка микроклиновидных нуклеусов на бифасиальных заготовках из коллекций экспедиции Свена Хедина во Внутренней Монголии; во втором – материалы комплекса на горе Хере-Уул, материалы финальнопалеолитических стоянок устиновской индустрии в Приморье, на Корейском полуострове и на Японском архипелаге. Примечательно, что в последнем случае наибольшие сходства (особенно по техническим сколам подправки площадок и формам истощенных ядрищ) обнаруживаются с обсидиановой индустрией в пещере Фукуи (префектура Нагасаки, северо-запад о. Кюсю) [11–12].

Эти сходства подтверждают наиболее вероятный вектор распространения микропластинчатой (отжимной) технологии в верхнем палеолите – из Центральной Азии в прибрежные и островные районы Дальнего Востока – тогда как альтернативный вариант выглядит пока недостаточно аргументированным.

* * *

Автор выражает искреннюю благодарность своим зарубежным коллегам – профессорам Д.К. Гилламу (Университет Южной Каролины, США) и Й. Каномата (Университет Тохоку, Япония) за ценные рекомендации и обмен мнениями в процессе написания данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладышев С.А., Табарев А.В., Олсен Д.В. Итоги изучения верхнего палеолита Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 28–43.
2. Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Кандыба А.В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Известия Алт. гос. ун-та. 2016. № 2 (90). С. 245–254.
3. Gladyshev S., Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // *Current Research in the Pleistocene*. 2009. Vol. 26. P. 4–17.
4. Gladyshev S. A., Olsen J. W., Tabarev A.V., Jull A. J. T. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent Finds New Perspectives // *Quaternary International*. 2012. Vol. 281. P. 36–46.
5. Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего–позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 3–23.
6. Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Olsen J.W. Origin and Evolution of the Late Paleolithic Microindustry in Northern Mongolia // *Current Research in the Pleistocene*. 2010. Vol. 27. P. 38–40.
7. Табарев А.В., Гунчинсүрэн Б., Гиллам Дж. К., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звин Н., Болорбат Ц., Одсүрэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия (разведочные работы с использованием ГИС-технологий в 2011 г.) // *Археологийн судлал*. 2012. Т. XXXII. С. 26–43.
8. Tabarev A.V. Blades and Microblades, Percussion and Pressure: Towards the Evolution of Lithic Technologies of the Stone Age Period, Russian Far East // *The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modern Experimentation*. N.Y.: Springer, 2012. P. 329–346.
9. Павленок Г.Д. Технология расщепления камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.
10. Gillam J.C., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic Research in Northern Mongolia // *Legacy*. 2014. Vol. 18, N 2. P. 22–23.
11. Kanomata Y., Murata H., Umekawa T., Hong H., Yanagida T., Akoshima K., Suzuki M., Inoue I., Hayase R., Ohara K. Study of Cave Sites in Kyushu Region: Report of the Third Term Excavation at the Fukui Cave // *Bulletin of the Tohoku University Museum*. 2015. N 14. P. 5–200 (In Japanese.)
12. Sato H., Izuho M., Morisaki K. Human Cultures and Environmental Changes in the Pleistocene-Holocene Transition in the Japanese Archipelago // *Quaternary International*. 2011. Vol. 237. P. 93–102.

REFERENCES

1. Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Olsen J.W. Results of studying the Upper Paleolithic in Mongolia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2011, vol. 10, no. 5, pp. 28–43. (In Russ.)
2. Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Kandyba A.V. Paleolithic peopling of Mongolia: based on absolute chronology. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 245–254. (In Russ.)
3. Gladyshev S., Tabarev A. New data on the early Upper Paleolithic of Northern Mongolia. *Current Research in the Pleistocene*, 2009, vol. 26, pp. 4–17.
4. Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J.T. The Upper Paleolithic of Mongolia: recent finds, new perspectives. *Quaternary International*, 2012, vol. 281, pp. 36–46.
5. Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D. The sequence of the industries' development during the Upper Paleolithic of Mongolia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2016, vol. 16, pp. 3–23. (In Russ.)
6. Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Olsen J.W. Origin and evolution of the late Paleolithic microindustry in Northern Mongolia. *Current Research in the Pleistocene*, 2010, vol. 27, pp. 38–40.
7. Tabarev A.V., Gunchinsuren B., Gillam J.C., Gladyshev S.A., Dogandzhich T., Zwins N., Bolorbat Ts., Odsuren D. Complex of the Stone Age sites in Ikh-Tulberiin-Gool, Northern Mongolia (survey with the GIS-technologies, 2011). *Arheologijinsudlal*, 2012, vol. 32, pp. 26–43. (In Russ.)
8. Tabarev A.V. Blades and microblades, percussion and pressure: towards the evolution of lithic technologies of the Stone Age period, Russian Far East. *The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modern Experimentation*. N.Y., Springer, 2012, pp. 329–346.
9. Pavlenok G.D. Technology of percussion in Selenga culture, Western Transbaikalia (based on Ust'-Kiakhta 3 site materials): diss. abstr. Novosibirsk, 2015, 26 p. (In Russ.)
10. Gillam J.C., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic research in Northern Mongolia. *Legacy*, 2014, vol. 18, no. 2, pp. 22–23.
11. Kanomata Y., Murata H., Umekawa T., Hong H., Yanagida T., Akoshima K., Suzuki M., Inoue I., Hayase R., Ohara K. Study of cave sites in Kyushu region: report of the third term excavation at the Fukui cave. *Bulletin of the Tohoku University Museum*. 2015, no. 14, pp. 5–200. (In Japanese)
12. Sato H., Izuho M., Morisaki K. Human cultures and environmental changes in the Pleistocene-Holocene transition in the Japanese Archipelago. *Quaternary International*. 2011, vol. 237, pp. 93–102.

Статья принята
редакцией 22.03.2018

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180211
УДК 394.2+394.5 (571.1/5)(=161.1)

Е.Ф. ФУРЦОВА

АНТРОПОМОРФНЫЙ ПРИНЦИП В КАЛЕНДАРНОЙ ОБЯДНОСТИ РУССКИХ СИБИРИ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17

Антропоморфный принцип, проявляющийся во взаимопомощи природы и человека посредством антропоморфных образов, пронизывал календарно-обрядовый цикл у славян-земледельцев первой половины года – от зимнего до летнего солнцестояния. Антропоморфные образы были включены также в осенние обряды. Особенностью статьи является то, что в ее основу положены полевые материалы, собранные в 1980–1990-х гг. среди восточнославянских народов Западной Сибири. Исследование значительно расширило сферу привлечения антропоморфных образов в народном календаре, позволило по-новому оценить их присутствие и символику. Оригинальность сибирским персонажам придавало использование в зимних и весенних обрядах природного материала – снега, в чем можно увидеть мотивы русской народной сказки о Снегурочке. Сохранились также славянские традиции привлечения в весенне-летних обрядах – тряпичных отходов, старых вещей, соломы, в осенних – снопов нового урожая.

Показано, что представления об антропоморфных образах являлись органичной частью народного мировоззрения, сформировавшего содержание и культурные смыслы календарной обрядности восточнославянских народов, перенесенные на сибирские территории.

Ключевые слова: антропоморфный принцип, календарные обряды, Западная Сибирь, снежные бабы, похороны кукушки, купалинушка, чучело.

E.F. FURSOVA

AN ANTHROPOMORPHIC PRINCIPLE IN THE RUSSIAN CALENDAR RITUALISM IN SIBERIA

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrent'ev av., Novosibirsk, 630090, Russia

An anthropomorphic principle manifested in the mutual aid of nature and man through anthropomorphic images permeated the calendar-ritual cycle of the Slavic peasants of the first half of the year – from winter to summer solstice days. Anthropomorphic images were also included in the autumn rites. The article is based on field materials collected in the 1980–1990s among the East Slavic peoples of West Siberia. The study significantly expanded the scope of use of anthropomorphic images in the folk calendar, allowed evaluating in a new way their functions and symbolism. The Siberian characters originality was provided by using a natural material in winter and spring rituals, such as snow, in which one can see the motives of the Russian folk tale about the Snow Maiden. It is supposed, that the myth about the natural spirits that disappear with seasons changing is reflected in the fairy tale. Slavic traditions of using old things and rags, straw are preserved in spring-summer rites, sheaves of a new crop with the appropriate terminology – in autumn rituals.

Елена Федоровна Фурсова – д-р ист. наук, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mf11@mail.ru.

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, head of department of ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

The symbolism of the initial materials to make ritual figures is important, which reflects a gradual change of cultural meanings – from snow and rag waste consisted of processed flax fiber (hemp), straw, to anthropomorphic images made from spikes of a new crop. In the first half of the calendar cycle, the topic of getting rid of unnecessary, and therefore harmful, old things, from snow as a factor hindering the revival of nature was sounded as actual: they were torn, burned, or supposed to evaporate when melting. In the second half of the year, ritual figures made of sheaves played an honorary role and were placed in the fields, in a red corner with icons, etc.

Thus, the notion of anthropomorphic images was an organic part of the people's worldview, which formed the content and cultural meanings of the calendar rituals of the East Slavs transferred to Siberia.

Key words: anthropomorphic principle, calendar ceremonies, West Siberia, snow-capped women, cuckoo funeral, kupalinushka, effigy.

Функции и символы антропоморфных образов в календарных обрядовых практиках в большей или меньшей степени рассматривались в работах зарубежных и отечественных исследователей – J.G. Frazer (1907), Т.А. Бернштам (1981), О.В. Голубковой (2001), Т.А. Агапкиной (2002), Г.В. Любимовой (2002), И.А. Морозова (2011), А.В. Черных (2014). Однако общепринятого определения понятия «антропоморфный образ» не сложилось. В настоящей статье под антропоморфными образами имеются в виду напоминающие человека и нередко носящие человеческие имена фигурки (или их изображения), использовавшиеся в обрядовых практиках.

Автор ставит задачу – проанализировать значение и функции антропоморфных образов, привлекавшихся в календарно-обрядовом цикле, а также попытаться интерпретировать связанные с этими персонажами народные представления об окружающем мире. Наши полевые материалы, собранные в 1980–1990-х гг. среди восточнославянских старожилов и переселенцев Западной Сибири¹, значительно дополняют информацию об использовании антропоморфных образов в народном календаре. Экспедиционные исследования охватывали места массового проживания различных этнокультурных групп русских, которые в изучаемое время составляли большую часть населения Приобья и Барабы, а также населенные пункты переселенцев с территорий современных Белоруссии и Украины с конца XIX – начала XX в.

Антропоморфные персонажи по сибирским материалам. В конце XIX – первой половины XX в. антропоморфные фигуры изготавливались из простых подручных материалов: снега, но чаще из старых, непригодных к использованию тряпок. Рассмотрим некоторые конкретные описания из полевых записей. Данные интервью показывают, что во многих местностях Приобья, Барабы, Алтая под Новый год антропоморфные фигурки лепили из снега. Эти обычаи хорошо помнятся местными жителями, приведем, например, воспоминание *коренной сибирячки* из Сузунского района Новосибирской области: «В детстве под Новый год лепили Бабушку, ей вставляли морковь в рот»².

¹ См. Полевые материалы восточнославянского этнографического отряда, организованного Институтом археологии и этнографии СО РАН, руководитель – автор настоящей статьи.

² Гладченко (дев. Светоносова) Акулина Евдокимовна (1917 г.р.) – родилась и всю жизнь прожила в д. Нижний Сузун Малышевской волости Барнаульского уезда (ныне Сузунский район Новосибирской области). Считает себя сибирячкой. – Полевые материалы автора (ПМА), 1991, № 26, л. 16 об.

Во второй половине зимы, когда снег становился липким, в сибирских старожильческих селах бытовала традиция сооружения «снежных баб». Этим занимались дети, которые собирались на одном из общественных мест села или деревни (на берегу реки, на окраине и пр.) и делали баб, «Снежинок», «Снегурок», которые стояли до момента таяния снегов³.

Начало весны воспринималось как важнейшая сакральная точка годового круга, равнозначная границе старого и нового года. Масленичная обрядность включала элементы новогодней обрядности не случайно: как известно, в русском календаре Масленица совпала с новолунием и до церковной реформы XVI в. отмечалась как начало языческого нового года [1, с. 625]. В силу этого в русской традиции масленичные обычаи и обряды носили обязательный характер, были щедры и хлебосольны, проходили на эмоциональном подъеме.

Информация о карнавальных поездках с «лодками», санями, ряжеными на **Масленицу** (сиб. Масленку) в полевой практике встречается редко. В среде *старожильческого населения* для изучаемого периода такие обычаи сохранялись в наиболее удаленных от городов и труднодоступных районах Васюганья и Южного Алтая. Приведем описание маскарада шествия – наиболее полное, зафиксировано нами со слов непосредственной очевидицы – коренной жительницы-«чалдонки» с. Шемонаиха, которое в XVIII в. П. Паллас трактовал как селение русских старообрядцев – выходцев из Польши [2, с. 217]. В последний день Масленицы появление здесь различных типов ряженных приобретало вид шествия, в котором встречались снежная баба, ряженные «нищими», *Ванькой-Раимайкой* и пр. В обычае было объединять повозки «гусем», причем почетное место отводилось снежной бабе. Возглавлявшая колонну ряженных снежная баба имела вид истинной хозяйки: «Делают со снега снежную бабу, ставят ее на сани. Платочек подвязан и метла обязательно. Глаза углем делают, нос из морковки... Раньше метла была у каждого хозяина, было принято разметать по субботам ограду. Вот она, значит, метлу держит». Впоследствии снежную бабу либо разбивали, либо за ненужностью ставили в стороне.

³ Бугакова Анна Александровна (1928 г.р.) – родилась в д. Катково Кочневского района Новосибирской области. Считает себя потомком чалдонов. – ПМА, 2000, № 45; Суховеева (дев. Чичканова) Евдокия Ивановна (1914 г.р.) – родилась в д. Новая Курья Чернокурьинской волости Барнаульского уезда (ныне Карасукский район Новосибирской области). Семья – свою и мужа – считает «чалдонскими». – ПМА, 2002, 2002, № 28, л. 1 об.; ПМА2002, № 47, л. 31.

В чалдонских селах Прииртышья к Масленице делали куклу, рот и глаза которой рисовали углем, а вместо носа втыкали морковь, куклу наряжали в юбку и платок. Эту фигуру устанавливали в первый день масленичной недели на горке, дополнительно украшая это место еловыми и сосновыми ветками. К сожалению, в описании нет точных указаний на материал, из которого изготавливалась кукла, однако далее автор пишет, что своеобразной заменой соломенного чучела («мужика соломенного») могла служить снежная баба [3, с. 80].

При преобладании в селении крестьян *рязанского* происхождения костров на Масленку (по сибирскому обычаю) не жгли, но мастерили столб в виде человека с «руками» и «ногами», на который надевали рваную «одежду». «Сделают лицо ему. И женщиной и мужчиной делали. Если женщиной – платок повязывали. Это чучело на сани посодят, возили по деревне»⁴. Впоследствии чучело не сжигали, а «разбрасают – да и все». В этнографической литературе, посвященной календарной обрядности рязанских крестьян, хорошо известны случаи сооружения масляничных чучел [4, с. 91]. Помимо этого, как и в Святки, «чучелой наряжались мужики и бабы». По рассказам, они одевались в неряшливое платье, рваные штаны, вывороченную шубу, лицо мазали сажей или надевали вырезные маски. Поверх одежды ряженые обвешивались колокольчиками, на руках могли носить сделанного из старых тряпок «ребенка». В отличие от святочных маскировщиков, на Масленку не принято было обходить дома, но вся компания ездил в санях по селу, останавливалась рядом с гуляющими, плясала, веселила людей.

Калужские переселенцы могли условно называть Масленку горящий пучок соломы «Пучок соломы привяжут к коню за гужи и зажгут. Конь бежал по всей деревне. Дорогой огонь разлетался. Говорили: «Масленку сожгли»⁵. В полевых записях встречается интерпретация этого обычая в русле православных традиций как избавление от скоромной пищи при подготовке к Великому посту («масло сгорело», «молоко сгорело» и пр.).

В летних обрядах антропоморфные персонажи встречались в основном у российских переселенцев из южно-русских губерний и у выходцев с территорий современных Белоруссии и Украины конца XIX – начала XX в. Среди старожилов на эту тему имеются лишь единичные сообщения. Так, в *Семик* накануне Троицы, когда по улицам сел Спасской волости (ныне Венгеровского района Новосибирской области) Каинского уезда бегали ряженые, делали чучело *старухи*. Материалом служило «все, что соберут. Из тряпок

изо всего. Из всякого старого»⁶. Этой кукле подрисовывали лицо, повязывали платочек, на нее надевали платье. О дальнейшей ее судьбе информант не могла вспомнить. Традиционное для русского населения Европейской России использование травы в данном случае не предусматривалось.

Не зафиксирован нами и обычай делать «кукушку» из травы в форме птицы, подобно описанному для Курской губернии в рукописях Архива ИРГО [5, с. 659]. Вместе с тем *курские переселенцы* из д. Мышланка Сузунского района Новосибирской области (ранее Малышевской волости Барнаульского уезда) до сих пор при проведении массовых гуляний демонстрируют, как «хоронили кукушку». «Кукушкой» пожилые женщины называли куклу из старых тряпок (в процессе беседы ее называли еще просто куклой). Кое-кто вспоминал, что ей могли давать женское имя (Таня, Маня и др.). Кукле подрисовывали лицо и надевали на нее платье. Предварительно хоронили, с плачем, в праздник Вознесения Господня и ставили могильный крестик. На Троицу куклу выкапывали и усаживали с почетом на поминальный стол. Поминали «родителей» коллективным вкушением яичницы и затем помещенную в маленький гроб куклу-«кукушку» спускали в р. Мышланку (ПМА, 2013). Женщины при этом пели песню, под которую в соседних деревнях обычно пускали троицкие венки на воду:

Там вдали за рекой все цветочки цвели,
Все цветочки цвели, все лазоревые.
Сорывала цветок, завивала венки...

(содержание песни об утонувшем венке как предвестнике загубленной девичьей жизни).

В памяти пожилых людей, потомков переселенцев из *Тамбовской губернии*, сохранилась информация о том, как они в детстве к Троице делали из тряпок «куклы», которые также назывались «кукушками». Кукла была простейшего вида – с головкой и идущей прямо от головки широкой юбкой, без рук и ног. Юбка в этом случае шилась из льна и была белого цвета⁷.

За селом Козлинка Мошковского района Новосибирской области еще в 1940–1950-е гг. на *Ивана Купалу* молодые люди, потомки переселенцев из *Могилевской и Витебской губерний*, разводили большой костер, у которого всю ночь проводили время. Считалось, что если кто-то из односельчан подойдет к ним в эту пору «забрать уголь», то это будет колдунья. «За этой женщиной закрепилась слава колдуньи в деревне». В обычные дни за углем ходили друг к другу, чтобы растопить печь, так как спичек не было, но тот, кто приходил в купальскую ночь к костру, выдавал себя, как считалось, именно с «нечистой» стороны.

⁴ Шадрин (дев. Толмачева) Татьяна Ивановна (1910 г.р.) – родилась в с. Шубинка Шубинской волости Бийского уезда (ныне Зонального района Алтайского края). Прадеды приехали из Рязанской губернии в 1880-х гг. – ПМА, 1983.

⁵ Александрова Матрена Филиповна (1906 г.р.) – родилась в д. Никоново Николаевской волости Барнаульского уезда (ныне Маслянинского района Новосибирской области). – ПМА, 1993, № 25, л. 57.

⁶ Милованова (дев. Вилкина) Анисья Дмитриевна (1911 г.р.) – родилась в д. Ключевая (Венгеровский район). Все деды, по ее сведениям, ключевские. – ПМА, 2000, РА 13, л. 3–4.

⁷ Васильева Евдокия Даниловна (1905 г.р.) родилась и всю жизнь прожила в д. Рогалево Ординской волости Барнаульского уезда. Родители приехали из Тамбовской губ. в начале XX в., их назвали «тамбасы». – ПМА, 1992, № 23.

У костра мастерили чучело – куклу, которую называли *колдункой*. Ее делали из соломы и наряжали в старую одежду или в сшитые здесь же женский сарафан или мужские штаны. Затем проходили с этой колдункой по деревне и «вешали» кому-нибудь на «городьбу» (забор). Эти действия назывались «чепушить», «чудить». Хозяева, которым «вешали» куклу на забор, ничего предосудительного в этом не видели. Однако уничтожали ее, а солому отдавали свиньям. «Я пойду, принесу куклу на городьбу соседке. Хозяйка снимет колдунку. Хохочет, хохочет. Разорвет, расстрясет в ограде. Потом ее сожгут, да и все»⁸ [6, с. 8–12].

В Шипицынской волости Каинского уезда, а также в Николаевской волости Барнаульского уезда и в других местностях украинские переселенцы и их потомки еще в середине XX в. на купальских кострах сжигали чучело, одетое в женскую одежду⁹. В Карасукской волости из соломы и тряпок мастерили чучело – *Купалинушку* когда ее сжигали, то приговаривали: «Прощай, наша Купалинушка, носи с собой беды все»¹⁰. Аналогичные купальские и троицкие куклы известны по этнографическим материалам в России, Украине, Западном и Восточном Полесье Белоруссии: это «Купала», «Мара», «Баба Яга», «Горюн» и пр. [7, с. 455–456; 8, с. 120].

Осенью в Юдинской волости Каинского уезда Томской губернии после уборки нового урожая украинцы плели антропоморфные фигурки – «закрома» и вешали их под иконы. Дворянинова Александра Лукьяновна¹¹, потомок киевских переселенцев, показывала нам способ плетения такой фигурки из колосков злаковых или технических растений.

Функции и символика обрядовых фигур.

Представления об антропоморфных образах являлись органичной частью народного мировоззрения, сформировавшего содержание и культурные смыслы календарной обрядности восточнославянских народов, перенесенной на сибирские территории. Новогодние, а кое-где и масленичные, гуляния русских сибиряков сопровождалось сооружением снежных персонажей, которых называли разными именами и впоследствии уничтожали (варианты: таяли на весеннем солнце, разрушались). К сожалению, в этнографической литературе нам не встречалось упоминаний о более ранних прообразах снежных скульптур, в том числе у рус-

ских территориально близких местностей – на Урале, в Прикамье [9, с. 33]. Известны записанные русские народные сказки о сделанной из снега и ожившей девочке Снегурочке, Снегурушке¹². Эта снежная дочка бабы и деда будто бы пошла летом с подружками в лес и растаяла, прыгая через костер (видимо, купальский). В сказке, как полагают исследователи, нашел отражение миф о природных духах, погибавших при смене сезона года [10, с. 42]. Примеры аналогичных названий масленичных персонажей имеются, как известно, у русских и белорусских крестьян Поозерья: масленичные куклы также не назывались Масленицей, а были представлены бабой и дедом [11, с. 196–203].

В сибирских старожильческих селах в масленичных кострах сжигали старые ненужные вещи около усадеб, а чучела обычно разрывали или разбивали. Уничтожение антропоморфных атрибутов, вероятно, как и повсеместно в русских деревнях, имело функциональную нагрузку – символизировало избавление от вредоносных сил, заключенных в предметах, ставших ненужными, отживших своей век.

Гипотетическую интерпретацию многих обычаев в виде проводов «сил зимы, зла, смерти», а также воскрешение «сил зерна в колосе», следовавшее за фактом его гибели, следует признать наиболее ранней [12, с. 103; 13, с. 181]. Антропоморфные персонажи, сооружаемые на Вознесение, Семик и Троицу, в отличие от святочно-масленичных, изготавливались из старых тряпичных отходов и также были связаны с комплексом архаичных представлений. Эти представления отражали веру в существование универсальных механизмов реализации посмертного существования, которые обеспечивали последующее воскрешение. В конкретном этнографическом контексте христианская составляющая пересекается с дохристианскими весенними обрядами выпроваживания и воскрешения, известными в научной литературе в разных местностях как «похороны» (проводы) (Костромы, Ярилы, «кукушки», «горюна» и пр.).

Что касается купальских персонажей, то в этнографической литературе, как известно, высказано несколько гипотез относительно их происхождения: одни считали эти антропоморфные изображения равнозначными языческому богу Купале, другие рассматривали их как символ богини зимы и смерти [7, с. 456]. М.С. Кашуба высказал предположение, что обычай сжигать Купалу является пережитком древних жертвоприношений [14, с. 202]. Согласно приведенным полевым материалам и судя по отношению к купальской кукле, истина ближе к гипотезе об олицетворении в ней нечистой силы, которая, согласно представлениям славян, активизировалась в это время и от которой надо было избавиться.

Особенно ярко тема воскрешения звучала в осенних обрядах, не случайно антропоморфные фигурки здесь изготавливались из сжатых снопов и зла-

⁸ Мархутова (дев. Кондюкова) Федора Ивановна (1911 г.р.) – родилась в д. Козлинка Мошковского района Новосибирской области. Ее родители приехали в Сибирь из Могилевской губернии еще до Первой мировой войны. Фамилия матери Шакуркина. – ПМА, 1998, № 40.

⁹ Шевчук Фаина Никифоровна (1916 г.р.) – родилась в д. Останинка Шипицынской волости Каинского уезда. Считает себя «хохлушкой». – ПМА, 1994, № 31, л. 21–22.

¹⁰ Носачева Ксения Никоноровна (1914 г.р.) – родилась в д. Чернаки Карасукской волости Барнаульского уезда. Деды с Украины. – ПМА, 1999, № 54, л. 1.

¹¹ Дворянинова (дев. Марченко) Александра Лукьяновна (1928 г.р.) – родилась в д. Яблоневка Чистоозерного района Новосибирской области. Бабушка по отцовской линии была родом из Киевской губернии. – ПМА, 2004.

¹² Снегурочка. Русская народная сказка. URL: <http://hyaenidae.narod.ru/story5/309.html> (дата обращения: 31.01.2018).

ков нового урожая. В изготовлении зафиксированных в Сибири закровов можно увидеть пережиток древнеславянского народного праздника дожинок, предполагавшего почитание духов земли за дарованный ими урожай [15, с. 58].

В мировоззрении крестьян жизненное пространство было очерчено невидимыми границами, для преодоления которых использовались специальные приемы. Эти условные границы своего и чужого миров в определенные периоды календаря раскрывались и использовались для влияния на будущее и его защиту от «врагов видимых и невидимых», о чем свидетельствуют этнографические материалы об антропоморфных образах в календарной обрядности. Данные сибирских материалов подтверждают тот факт, что центральным мотивом календарно-аграрных обрядов славян-земледельцев в Сибири выступал мотив временной смерти природы зимой и ее возвращения к жизни весной, следствием чего выступало плодonoшение почвы. В рамках мифологического сознания действовал антропологический принцип: природе сложно вернуться к жизни без помощи человека, в том числе его действий с антропоморфными персонажами. Как представляется, важное значение имела символика исходных материалов для изготовления обрядовых фигур, отражающая поэтапную смену культурных смыслов – от снега, тряпичных отходов (представлявших собой переработанные растительные волокна льна (конопли) и солому) к колосьям нового урожая. В первой половине календарного цикла актуальной являлась тема избавления от ненужных, а, значит, вредоносных, старых вещей, от снега как фактора, мешавшего пробуждению природы. Во второй половине года сооруженным из снопов обрядовым фигурам отводилось почетное – место на полях и в красном углу дома.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские. М.: Наука, 1997. 825 с.
2. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи по повелению Санкт-Петербургской академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 571 с.
3. Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск: «Издатель-Полиграфист», 2002. 234 с.
4. Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001. 283 с.
5. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива. Пг., 1915. Вып 2. 988 с.
6. Фурсова Е.Ф. Голос из прошлого: воспоминания могилевской переселенки Федоры Ивановны Кондюковой // Традиционная культура. 2013. № 2 (50). С. 8–12.
7. Кухаронак Т.И. Славянскія каляндарныя этнакультурныя традыцыі беларусаў // Беларусы. Славянскія этнакультурныя традыцыі. Минск: Беларуская навука, 2007. Т. 10. С. 455–456.
8. Беларусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.
9. Черных А.В. Традиционные куклы русских // Традиционная кукла народов Пермского края. СПб.: «Маматов», 2014. С. 17–49.
10. Душечкина Е. Снегурочка – чисто российский персонаж // Этносфера. 2006. № 1. С. 42–43.
11. Ивлева Л.М., Ромодина А.В. Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 196–203.
12. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1995. 174 с.
13. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М: Индрик, 2011. 352 с.
14. Кащуба М.С. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978. С. 200–222.
15. Мартысюк П.Г. Аграрные праздники восточных славян // Вопросы культурологии. 2007. № 12. С. 54–58.

REFERENCES

1. Russians. Moscow, Nauka, 1997, 825 p. (In Russ.)
2. Pallas P. S. Traveling to different places of the Russian state at the behest of St. Petersburg Academy of Sciences. 1770. St. Petersburg, 1786, vol. 2, pt. 2, 571 p. (In Russ.)
3. Zolotova T.N. Russian calendar holidays in West Siberia (late XIX – early XX centuries). Omsk, Izdatel-Poligrafist, 2002, 234 p. (In Russ.)
4. Tultseva L.A. Ryazan months. All year round holidays, rituals, customs and beliefs of the Ryazan peasants. Ryazan, 2001, 283 p. (In Russ.)
5. Zelenin D.K. Description of manuscripts of the Academic Archive. Petrograd, 1915, vol. 2, 988 p. (In Russ.)
6. Fursova E.F. A voice from the past: memories of the Mogilev immigrant Fedora Ivanovna Kondyukova. *Traditsionnaya kultura*, 2013, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.)
7. Kukharonak T.I. Slavonic calendar ethnocultural tradition of Belarusians. *Belarusy. Slavyanskiya etnakulturnyya tradyitsii*. Minsk, 2007, vol. 10, pp. 455–456. (In Belarus.)
8. Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture. Novosibirsk, Publ. House of IAE SB RAS, 2011, 424 p. (In Russ.)
9. Chernykh A.V. Traditional Russian dolls. *Traditsionnaya kultura narodov Permskogo kraya*. St. Petersburg, 2014, pp. 17–49. (In Russ.)
10. Dushechkina E. Snow Maiden – a purely Russian character. *Etnosfera*, 2006, no. 1, pp. 42–43. (In Russ.)
11. Ivleva L.M., Romodin A.V. Shrovetide funeral game in the traditional culture of the Belarusian Poozerye. *Zrelischno-igrovyye formy narodnoy kultury*. Leningrad, 1990, p. 196–203. (In Russ.)
12. Propp V.Ya. Russian agrarian holidays. St. Petersburg, Azbuka, 1995, 174 p. (In Russ.)
13. Morozov I.A. The doll phenomenon in traditional and modern culture. Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism. Moscow, Indrik, 2011, 352 p. (In Russ.)
14. Kashuba M.S. Yugoslavian peoples. *Kalendarnyye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Konets XIX – nachalo XX v. Letne-osennie prazdniki*. Moscow, 1978, pp. 200–222. (In Russ.)
15. Martysyuk P.G. Agrarian holidays of the Eastern Slavs. *Voprosy kulturologii*, 2007, vol. 12, pp. 54–58. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180212
УДК 39+271.2 (571.5)“1900/1917”

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

**ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ:
АКТУАЛИЗАЦИЯ И СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ.
НАЧАЛО XX в.***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

В статье освещаются проблемы актуализации и стратегий сохранения символично-знаковой системы, воплощенной в православных святынях и в течение веков определявшей этнокультурную идентичность населения Руси-России. На примере Енисейской епархии показано, что почитание святынь имело несколько причин актуализации, включая ответ на преобразования в социальной жизни, а также обеспечение потребностей в религиозных отправлениях, увековечивание памяти о выдающихся людях и значимых событиях. Одной из стратегий сохранения православных святынь было помещение их в храмовые хранилища, частью доступные для прихожан – размещение икон в интерьере храмов, мошей в раках, устройство усыпальниц. Стратегией, поддерживающей традиционность символично-знакового ряда, являлось литургическое служение в годовом и суточном циклах, а также крестные ходы, воспроизводящие во времени и пространстве сценарий и религиозный смысл почитания, что обеспечивало установленный миропорядок и защитную функцию небесного покровительства на земле. Стратегия возобновления функционирования святынь в культурной среде общества и установленный религиозными канонами порядок обеспечивали их сохранность.

Ключевые слова: православные святыни, символы, православие, традиции, мировоззрение, актуализация символично-знаковых систем, стратегии сохранения в культуре.

A.YU. MAINICHEVA

**ORTHODOX SACRED ARTIFACTS OF THE YENISEISK DIOCESE:
ACTUALIZATION AND STRATEGIES FOR PRESERVATION.
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to the problems of updating and conservation strategies for symbolic-sign system which had been embodied in the Orthodox sacred artifacts and has determined the ethnic-cultural identity of the population of Russia for centuries. It shows that the sacred artifacts veneration had several reasons for updating, including the response to changing social life, meeting the need for religious practice, perpetuating the memory of outstanding people and significant events using the example of the Yeniseysk diocese. Activities on reproducing the traditional Orthodox patterns were planned not only by the clergy, church hierarchs, representatives of the royal family, but also by representatives of various segments of population. As a rule, wealthy people acted on their own behalf, and peasants petitioned for the temple construction on behalf of the community. One of the important strategies for conversation of Orthodox shrines was putting them in the temple vault, often available for parishioners – placing icons in the interior of the temples, relics in caners, making tombs. A kind of strategy to support the traditional character-sign series was the liturgical ministry in the annual and diurnal cycle, as well as religious processions, which in time and space reproduced the scenario and religious meaning of reverence. Such reverence supports the established world order along with the heavenly protection on the earth. Instead of the lost churches, new ones or sometimes chapels were established on the same places, instead of the destroyed chapels crosses were erected, supporting the memory of the holy place. Sacred artifacts were an attribute of the ideological picture of the Orthodoxy and the memory of them presented at all levels – from

*Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений. № 0329-2018-0006 Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения.

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: annmaini@gmail.com.

Anna Y. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS.

the individual to the national, in any sphere of culture – material, spiritual, artistic and social ones. The safety of sacred artifacts was ensured by the strategies that resumed the artifacts' functioning in the cultural environment and by the order established by the religious canons.

Key words: Orthodox sacred artifacts, symbols, Orthodoxy, traditions, worldview, symbolic-sign systems actualization, preservation strategies in culture.

Символы являются одной из важнейших частей мировоззренческих систем, обуславливающих характерные черты культуры народов. В православии святыни выступают духовным и материальным воплощением исторически специфичной символично-знаковой системы, в течение веков определявшей этнокультурную идентичность населения Руси-России, что, бесспорно, требует пристального внимания к ним этнографов. Актуальность исследования почитания традиционных святынь связана не только с необходимостью изучения религиозных трансформаций, вызванных процессами глобализации, нивелирующими культуры народов, но и со значимостью оценки противостоящих им процессов, направленных на обособление этноконфессиональных и этнокультурных сообществ, которое сопровождается конструированием новых идентичностей. Актуализация символично-знаковых систем понимается как появление и приспособление их к определенным условиям в развитии культуры; а это означает переход символов и знаков из потенциального состояния в реальное. Стратегии сохранения рассматриваются как формы организации взаимодействия людей с целью учета всех перспектив и средств сохранения символов, а также разрешения проблем, трудностей и конфликтов, которые препятствуют осуществлению такого взаимодействия [1].

Научная литература, освещающая особенности развития православия, огромна. Не затрагивая исследований, посвященных истории и закономерностям развития православия в России в целом и в Сибири в частности, истории и облику церквей и соборов, православной обрядности в народной культуре, ограничимся упоминанием только некоторых авторов и их публикаций, наиболее близко стоящих к теме настоящей статьи. Вопросам почитания сибирских святынь посвящены работы О.В. Голубковой, И.А. Евтихевой, Г.В. Любимовой, В.Ф. Похабова, А.И. Лыцусь, А.А. Люцидарской, А.Ю. Майничевой, Д.С. Рыговского, Е.Ф. Фурсовой, З.А. Шагшиной [2–21]. Отметим, что в ряде публикаций автора уже давались описания икон и церковной утвари Енисейской и Тобольской епархий [22, 23, 24].

В настоящей статье впервые в научной литературе рассматриваются вопросы актуализации почитания православных святынь и выявления стратегий их сохранения как значимых элементов и инструментов культуры на примере приходов Енисейской епархии в начале XX в. – до крупных революционных политических, социально-экономических и культурных преобразований. Создание епархии уже было связано с необходимостью актуализации и утверждения официально принятой формы вероисповедания. Вопрос об учреждении Енисейской епархии впервые был по-

ставлен на Московском соборе 1681 г.¹ В предисловии к «Краткому описанию приходов Енисейской епархии», его составители писали, что по проекту царя Федора Алексеевича было установлено учредить архиепископию в г. Енисейске для противодействия развивавшемуся в Сибири расколу. Но из-за недостатка материальных средств это решение не было выполнено. Лишь в 1861 г. Енисейская епархия была выделена как самостоятельная с кафедрой в г. Красноярске². В 1916 г. был издан справочник по приходам епархии, который стал ценным источником для написания настоящей статьи. Из него можно почерпнуть сведения о посвящениях часовен, престолов церквей, крестных ходах, а отсюда проследить и названия почитаемых икон, почерпнуть информацию о чудотворных иконах, нетленных мощах, культовых предметах, крестах, мавзолеях и гробницах.

В Енисейской епархии к 1916 г. существовало около 300 приходов³, в каждом из них были построены церкви с числом престолов от 1 до 5, при некоторых церквях были устроены часовни в честь почитаемых икон. Среди икон, в честь которых были учреждены престолы, можно назвать иконы во имя Спасителя, богородичные, в честь календарных праздников, святых и мучеников. Наилучшим образом украшенные храмы находились в городах – Красноярске, Минусинске, Енисейске.

Из материалов указанного справочника следует, что описание приходов г. Красноярска отражало практически все существовавшие в епархии характерные черты православных святынь, причем городские по материальной и художественной ценности часто превосходили большинство находящихся в селах. Богородице-Рождественский кафедральный собор в г. Красноярске был воздвигнут на средства почетного гражданина купца Исидора Щеголева⁴. Храм предполагали назвать Николаевским, но впоследствии освятили Богородице-Рождественским в сентябре 1861 г.: 7 сентября освящен главный храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, 10 сентября – придел Крестовоздвиженский на правой стороне, 21 сентября – придел во имя свт. Николая на левой стороне, 22 сентября – внизу под храмом на юго-западной стороне придел во имя св. мч. Исидора и Татианы, очевидно, в честь жертвователя. Освящение храма канонически предполагало помещение в престоле одноименной иконы. Рядом с собором в 1913 г. была устроена церковь во имя прп. Евфимия Суздальского чудотворца.

¹ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. братства, 1916. С. 3. (Далее – КО.)

² Там же. С. 5–6.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 6.

Под ней находилась усыпальница Енисейского епископа Евфимия, скончавшегося 9 января 1913 г. Собор имел богатую ризницу и утварь, в нем по числу престолов имелось 4 серебряных дарохранительницы, одна из них 25 фунтов 15 золотников, 4 перемены сосудов, 5 больших евангелий, обложенных серебром, 6 напестольных крестов, на 7 больших иконах «сребропозлащенные ризы», посеребренная с позолоченными литыми изображениями одежда для главного престола храма, набор колоколов весом 958 пуд.

В собор была пожертвована икона Рождества Пресвятыя Богородицы в «сребропозлащенной ризе» и киот палисандрового дерева. Икона была мерной – ее размер в длину соответствовал росту наследника цесаревича Николая Александровича в день его рождения. Икона находилась в иконостасе главного храма на правой стороне. В год освящения храма императрица пожертвовала в церковь полную ризницу из темно-малинового бархата с золотым шитьем.

В 1914 г. благодаря старанию епископа Енисейского и Красноярского Никона Синод разрешил перенести в Красноярск из иркутского Вознесенского монастыря частицу нетленных мощей Святителя Иннокентия Иркутского и всея Сибири Чудотворца. За этой святыней епископ в сопровождении паломников из Минусинского, Ачинского, Канского и Красноярского уездов выезжал в Иркутск. Мощи были торжественно положены в специальную раку, находившуюся на правой стороне собора. По четвергам после обедни перед ракой служили акафист свт. Иннокентию Иркутскому.

В неделю св. Жен Мироносиц из кафедрального собора совершался крестный ход для встречи чудотворных икон Св. Троицы и Знамения Божией Матери, которые приносили из с. Арейского. Икона Св. Троицы по специально составленным маршруту и расписанию обносилась по церквям и приходам Красноярска, а затем всей епархии. В субботу перед праздником Св. Троицы икона возвращалась в город и переносилась в с. Арейское, а икона Знамения – в Коноваловский завод. На второй день праздника Св. Троицы совершался крестный ход из собора на пристань р. Енисей для встречи иконы Абалакской Божией Матери, которая прибывала из Знаменского скита, а после встречи переносилась в собор, затем ее отправляли по церквям и приходам г. Красноярска. 15 августа крестный ход совершался к Успенскому монастырю для встречи икон Успения Божией Матери и св. влчмч. Пантелеймона, которые в тот день выносили из монастыря. 26 ноября и 9 февраля после литургии крестные ходы совершали из собора в дом Братства св. Иннокентия Иркутского, в котором празднование памяти святителя завершалось чтением статей, стихотворений и пением гимнов⁵.

Воскресенский (Старый) собор – самая древняя церковь г. Красноярска. Он был построен в 1760-х гг. Ранее на его месте находился деревянный соборный храм в честь Преображения Господня, возведенный

вскоре после основания г. Красноярска. В ограде собора похоронен известный благотворитель – золотопромышленник П.И. Кузнецов, пожертвовавший в собор колокол весом в 1150 пуд. В этой же ограде находился огромный по размерам гранитный мавзолей на могиле Рязанова, умершего в Красноярске в 1807 г. на пути из Америки в Россию. Церковные древности собора – деревянный потир с живописными изображениями, окрашенный в кофейный цвет, относящийся к временам Бориса Годунова, местный образ Преображения Господня, оставшийся невредимым во время пожара 1773 г., когда в церкви от жара растопились даже медные деньги, небольшой колокол с надписью «189 года июля в первый день по указу Великого Государя дан сей колокол с Москвы из Сибирского приказу в Сибирь на Красный Яр, весу в нем 19 пуд. 32 фунта»⁶.

Благовещенский приход был открыт в 1801 г. Ранее на месте построенной Благовещенской церкви стояла деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, которая была в 1798 г. была перенесена на месторасположение Всехсвятской церкви. Каменная трехэтажная Благовещенская церковь была заложена 3 ноября 1804 г., ее строительство окончено в 1812 г. Престолов в ней было четыре: в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, во имя св. благоверного князя Александра Невского, во имя Иоанна Богослова, во имя св. Зосимы и Савватия. В церкви имелся пожертвованный императором Александром Павловичем по ходатайству купца И. Новикова образ св. Александра Невского. Рядом с церковью находилась часовня в честь Иверской иконы Божией Матери, построенная в 1866 г. старостой церкви Акуловым⁷.

Всехсвятский приход был открыт в начале XIX в. В конце XVIII в. на месте каменной церкви стояла деревянная во имя Всех Святых, в ограде которой находилось городское кладбище. Церковь сгорела в 1797 г. На ее место перенесли упраздненную старую городскую деревянную Покровскую церковь, которую освятили во имя Всех Святых в 1798 г. В 1812 г. в день вступления французских войск в Москву она также сгорела, и на этом месте воздвигли каменный храм. При церкви находилась каменная часовня во имя свт. Николая Чудотворца, построенная в начале XIX в.⁸.

Открытие Покровского прихода датируется 1795 г. Каменная одноэтажная трехпрестольная церковь была заложена в 1785 г. Главный престол во имя Покрова Богородицы освящен 30 июня 1795 г., второй, во имя ап. Петра и Павла, – 8 января 1790 г., третий, во имя свт. Николая Чудотворца, – 30 сентября 1790 г. В храме имелся серебряный напестольный крест с вложенными частицами св. мощей многих угодников Божьих⁹.

Спасский приход при ст. Красноярск возник в связи с проведением Сибирской железной дороги 7 июня

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же. С. 14.

⁵ КО. С. 8–9.

1907 г. С 19 февраля 1913 г. богослужения совершались в каменном храме, построенном на средства железнодорожного ведомства. В храме два престола, главный – во имя Нерукотворного Образа Спасителя, второй – во имя свт. Иннокентия Иркутского¹⁰.

Николаевский приход в слободе Николаевской, расположенной рядом с г. Красноярском, был открыт в 1913 г. В нем имелась одна каменная церковь с престолом во имя свт. Николая Чудотворца, построена в 1914 г. На месте обретения иконы св. Троицы, похищенной из храма с. Арейского, сооружена часовня¹¹.

Троицкая кладбищенская церковь была устроена в начале XIX в., Петропавловская церковь при Красноярском тюремном замке – в 1863 г. усилиями Исидора Григорьевича Щеголева, Александро-Невская военная церковь – в 1873 г. В 1886 г. была освящена Иоанно-Иулитинская церковь при епархиальном женском училище на средства Иулитты Исидоровны Токаревой, в 1892 г. – Кирилло-Мефодиевская церковь при губернской гимназии, в 1896 г. при архиерейском доме была устроена церковь с престолом во имя Иоанна Предтечи, она была расширена в 1914 г., в 1900 г. – Михайло-Архангельская церковь при Красноярской духовной семинарии, а в 1902 г. – Александро-Невская церковь при доме Братства свт. Иннокентия, Трех-Святительская церковь при учительской семинарии – в 1904 г., Николаевская церковь при городской больнице – в 1907 г. усилиями старшего врача больницы Андрея Павловича Прейна и Иулитты Исидоровны Токаревой¹².

Обзор приходов Енисейской епархии показал, что актуализация символично-знаковых систем православия, выраженных в почитании святых, происходила несколькими путями, одним из которых являлся ответ на социальные преобразования, важные для общественной жизни: например, рождение наследника престола, строительство железной дороги. Престолы церквей имели как важные для всех православных посвящения, так и обладавшие особым смыслом в общесибирской и локальной истории, что свидетельствует о стремлении вписаться в общий культурный контекст, за рамками своего локального сообщества. Еще одним фактором актуализации стало обеспечение потребностей в окормлении прихожан в городах и селах не только в отдельно стоящих храмах, но и в стенах значимых учреждений – училищ, гимназий, семинарий, больницы, тюрьме, архиерейском доме, а также на кладбищах. Для сохранения памяти о жертвователях и выдающихся людях в пределах и оградах церквей устраивались усыпальницы, престолы могли быть освящены во имя их святых покровителей. В планировании действий по воспроизводству традиционности стратегий символов православия активную роль играли не только священно- и церковнослужи-

тели, иерархи церкви, представители императорской фамилии, но и представители различных слоев населения – купцы, промышленники, интеллигенция, крестьяне. Как правило, состоятельные люди выступали от своего имени, а крестьяне подавали прошение об устройстве храма от общины. Существенным направлением стратегии сохранения православных святынь было помещение их в храмовые хранилища, частью доступные для прихожан – размещение икон в интерьере храмов, мощей в раках и крестах, устройстве усыпальниц. Своеобразной стратегией, поддерживающей традиционность символично-знакового ряда, являлось литургическое служение в годовом и суточном циклах, а также крестные ходы, во времени и пространстве воспроизводящие сценарий и религиозный смысл почитания, обеспечивающего установленный миропорядок и защитную функцию небесного покровительства на земле. Вместо утраченных церквей возводили там, где они стояли, другие храмы, иногда часовни; взамен разрушенных часовен ставили кресты, поддерживая память об святом месте. Святые являлись атрибутами и своеобразными символическими пространственно-временными реперами мировоззренческой картины православных, память о них присутствовала во всех сферах культуры и на всех уровнях – от индивидуального до национального.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Майничева А.Ю.* Стратегии сохранения и актуализация символично-знаковых систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII–XXI веков: к постановке проблемы // *Баландинские чтения.* 2017. Т. 12, № 1. С. 88–91.
2. *Голубкова О.В.* Культ Святого Николая в народных верованиях ижемских коми: актуализация и стратегии сохранения образа // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 474–476.
3. *Голубкова О.В.* Священные места в системе мировоззрения обских коми: традиции, новации, архетип // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2014. № 2 (25). С. 132–137.
4. *Голубкова О.В.* Храм под еловыми ветвями // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 310–313.
5. *Голубкова О.В.* Образ Параскевы Пятницы в работах отечественных этнографов // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН.* Новосибирск, 1997. Т. III. С. 361–364.
6. *Евтихиева И.А.* Чудотворные иконы Томской епархии // *Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов VI и VII духовно-исторических чтений.* Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1998. С. 117–132.
7. *Любимова Г.В.* Почитание местных святых Сибири в XX – XXI в. (на материалах Верхнего Приобья) // *Ушніні халакаралык археология-этнографиялык окулары материалдарын жинагы: Третьи Международные археолого-этнографические чтения: сб. материалов.* Астана: ЕНУ, 2012. С. 156–160 (на казах. яз.).
8. *Любимова Г.В.* Культ местных святых в контексте событий локальной истории: парадоксы народной исторической памяти сельского населения Сибири // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Все-*

¹⁰ КО. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 15–16.

рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 75-летию Новосибир. гос. пед. ун-та (17–19 ноября 2010 г.). Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 227–230.

9. Любимова Г.В. Иконы в народной религиозной практике сельского населения Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2005 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. II. С. 113–117.

10. Любимова Г.В. Традиции почитания «святых мест» православным населением Сибири // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири. XVIII–XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 64–80.

11. Любимова Г.В., Похабов В.Ф. «Пресвятая Мать Казанская, моли Бога о нас» (крестный ход в Чебулинском районе Кемеровской области) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. 2002 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 571–574.

12. Любимова Г.В. Явление иконы Пресвятой Богородицы (к вопросу о некоторых особенностях религиозного сознания сельского населения Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 533–537.

13. Любимова Г.В., Голубкова О.В. Почитание крестов и культ гор в религиозно-обрядовой практике забайкальских старообрядцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы науч.-практ. конф. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 113–117.

14. Лыцусь А.И. Святые, памятные места Забайкалья // Православие на рубеже тысячелетий. Чита: Поиск, 2001. С. 164–171.

15. Люцидарская А.А. Бытование икон в Сибири в XVII в. // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 172–177.

16. Майничева А.Ю., Рыговский Д.С. Почитаемые места белокриничских староверов в Западной Сибири // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 3. С. 133–141.

17. Майничева А.Ю. Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII–XVIII веках // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 1. С. 70–76.

18. Фурсова Е.Ф. Культ Святителя Николая в обычаях и обрядах восточнославянского населения Верхнего Приобья (по полевым материалам) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 146–153.

19. Фурсова Е.Ф. Поклонение святому источнику во имя Св. Параскевы в Барабе в прошлом и настоящем // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. X, ч. II. С. 151–154.

20. Фурсова Е.Ф. Почитание святителя Николая в традиции восточнославянского населения Верхнего Приобья // Православие и культура этноса. М., 2000. С. 65–66.

21. Шагшина З.А. Икона селенгинского полка // Бурятия в XVIII – начале XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск: Наука, 1989. С. 176–182.

22. Майничева А.Ю. Православные культы в русских старожилческих поселениях Тобольской и Енисейской епархий в начале XX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посв. 25-летию Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алт. гос. пед. ун-та. Барнаул: БГПУ, 2015. С. 136–141.

23. Майничева А.Ю. Женские культы православной церкви в Тобольской губернии (начало XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. XIV. С. 334–338.

24. Майничева А.Ю. Церкви Тобольской епархии (по справочным материалам начала XX в.) // Проблемы археологии, этно-

графии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. XI, № 2. С. 122–127.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Yu. Strategies for the preservation and actualization of symbolic systems in the architecture and cultural heritage of the peoples of Siberia in the XVII–XXI centuries: posing a problem. *Balandinskie chteniya*, 2017, vol. 12, no.1, pp. 88–91. (In Russ.)

2. Golubkova O.V. St. Nicholas' cult in Izhma Komi traditional beliefs: actualization and strategies for preserving the image. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 2017, vol. 23, pp. 474–476. (In Russ.)

3. Golubkova O.V. Sacred places in the system of the Ob Komi worldview: traditions, innovations, archetype. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2014, no. 2, pp. 132–137. (In Russ.)

4. Golubkova O.V. Temple under fir branches. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 2008, vol. 14, pp. 310–313 (In Russ.)

5. Golubkova O.V. The image of Paraskeva Pyatnitca in works of Russian ethnographers. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 1997, vol. 3, pp. 361–364. (In Russ.)

6. Evtikhieva I.A. Miraculous icons of Tomsk diocese. *Pravoslavie i Rossiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: sbornik materialov VI i VII dukhovno-istoricheskikh chteniy*. Tomsk, 1998, pp. 117–132. (In Russ.)

7. Lyubimova G.V. Honoring the local sacred places of Siberia in the XX–XXI centuries (on the materials of the Upper Ob region). *Tret'i Mezhdunarodnye arkheologo-etnograficheskie chteniya: sbornik materialov*. Astana, ENU, 2012, pp. 156–160. (In Russ.)

8. Lyubimova G. V. The cult of local sacred places in the context of local historical events: paradoxes of the people's historical memory of the rural population of Siberia. *Obrazy Rossii, eyo regionov v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 75-letiyu Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (17–19 noyabrya 2010)*. Novosibirsk, 2010, pp. 227–230. (In Russ.)

9. Lyubimova G.V. Icons in the people's religious practice of the rural population of Siberia. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 2005, vol. 11, no. 2, pp. 113–117. (In Russ.)

10. Lyubimova G.V. Traditions of honoring “holy places” by the Orthodox population of Siberia. *Problemy transmissii i bytovaniya etnokul'turnykh traditsiy slavyanskogo naseleniya Sibiri. XVIII–XX vv*. Novosibirsk, 2005, pp. 64–80. (In Russ.)

11. Lyubimova G.V., Pokhobov V.F. “The Most Holy Kazan Our Lady, pray for God about us” (a procession in the Chebulin district of Kemerovo region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 2002, vol. 8, pp. 571–574. (In Russ.)

12. Lyubimova G.V. The appearance of the icon of the Blessed Virgin Mary (on the problem of some features of the religious consciousness of the rural population in Siberia). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 2001, vol. 7, pp. 533–537. (In Russ.)

13. Lyubimova G.V., Golubkova O.V. The veneration of crosses and the cult of mountains in the religious and ritual practice of the Transbaikal Old Believers. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii*. Barnaul, 2001, no. 4, pp. 113–117. (In Russ.)

14. Lytcius' A.I. Sacred, memorable places of Transbaikal region. *Pravoslavie na rubezhe tysyacheletiy*. Chita, Poisk, 2001, pp. 164–171. (In Russ.)

15. Lyutsidarskaya A.A. The existence of icons in Siberia in the XVII century. *Problemy izucheniya etnicheskoy kul'tury vostochnykh slavyan Sibiri*. Novosibirsk, 2003, pp. 172–177. (In Russ.)

16. Mainicheva A.Yu., Rygovskii D.S. Honored places of Belokrinitsky Old Believers in West Siberia. *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta. *Seria: Istorija, filologija*, 2015, vol. 14, no. 3, pp. 133–141. (In Russ.)

17. *Mainicheva A. Yu.* Natural objects and Orthodox sacred artifacts: spatial symbols as markers of the communicative environment of the pioneers of Siberia in the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istorija, filologija*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 70–76. (In Russ.)

18. *Fursova E. F.* St. Nicholas cult in the customs and rituals of the Eastern Slavic population of the Upper Ob region (based on field materials). *Arkheologija, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2001, no. 4, pp. 146–153. (In Russ.)

19. *Fursova E. F.* The worship of the holy spring in the name of St. Paraskeva in Baraba in the past and present. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2004, vol. 10, no. 2, pp. 151–154. (In Russ.)

20. *Fursova E. F.* Veneration of St. Nicholas in the tradition of the Eastern Slavic population of the Upper Ob. *Pravoslavie i kul'tura etnosa*. Moscow, 2000, pp. 65–66. (In Russ.)

21. *Shagshina Z. A.* Icon of the Selenga regiment. *Burjatiya v XVIII-nachale XX vv. Ekonomika i social'no-kul'turnye protsessy*. Novosibirsk: Nauka, 1989, pp. 176–182. (In Russ.)

22. *Mainicheva A. Yu.* Orthodox cults in the Russian old-timer settlements of the Tobolsk and Yenisei dioceses in the early XX century. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy*. Barnaul, 2015, vol. 9, pp. 136–141. (In Russ.)

23. *Mainicheva A. Yu.* Female cults of the Orthodox church in Tobolsk province (the early XX century). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2008, vol. 14, pp. 334–338. (In Russ.)

24. *Mainicheva A. Yu.* Church of the Tobolsk diocese (based on reference materials of the early XX century) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, vol. 11, no. 2, pp. 122–127. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180213
УДК 140.8 (=512.1)

М.С. МИХАЛЕВ

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АЛТАЙЦЕВ. ОПЫТ АНАЛИЗА АВТОХТОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
РФ, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

В статье анализируются философские воззрения современного алтайского мыслителя – сельского учителя Николая Шодоева. На основе анализа его опубликованных сочинений, а также личных бесед с ним автора статьи показано, что его концепции, с одной стороны, являются характерными для интеллектуальных достижений современного Алтая, а с другой – отличаются известной оригинальностью. Делается вывод о схожести алтайской народной философии с гуманистической философией Запада и в то же время о ее укорененности в философской традиции Востока.

Ключевые слова: коренные народы, мировоззрение, традиционные знания, народная философия, современные мыслители, национальное возрождение, Алтай, Николай Шодоев, билизм, жизненная миссия.

M.S. MIKHALEV

PECULIARITIES OF WELTANSCHAUUNG OF MODERN ALTAIANS. AN EXPERIENCE IN THE ANALYSIS OF INDIGENOUS CONCEPTS

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32a, Leninskiy ave., Moscow, 119991, Russian Federation

The visions and conceptions put forward by the representatives of the aboriginal minority groups have been drawing attention of the researchers since long. While in the past it was common to look down upon such conceptions, the recent trend has been to accept them the way they are without any criticism. This paper attempts to bring back the topic of the native thinkers and their visions into the realm of science proper, at the same time trying to avoid the sense of detachment that has been characteristic to this kind of research in the past. It elaborates on the views of Nikolai Shodoev, a prominent representative of the new wave of the native Altai intelligentsia. He was one of those, who took the responsibility of the revival of the aboriginal traditional culture of Altai in the 1980–1990s. Shodoev made a sound attempt to sum up and present in a structured, formalized way the unique conceptions of nature, society and human that his kinsmen had developed, as well as to deliver to his readers their ethical imperatives and principles. It is fair to say, that his works are blessed with systematic approach and provide insightful and original conclusions.

Based on the series of personal interviews with Shodoev himself and careful reading of his available publications, author reviews and summarizes his views on the essence of Altai and elaborates on his hypothesis with regards to the origins and the special mission of its native people to be the custodians of sacred knowledge contained here, which Shodoev himself names “bilik”. The paper concludes that Altai’s people weltanschauung in his interpretation combines both confidence in their special mission, deification of nature in general and their native land in particular with the staunch belief in the ability of an individual to master his own faith. It is further concluded that in this way Nikolai Shodoev blends oriental and occidental philosophic traditions and ultimately creates a unique concept that deserves further study and popularization.

Key words: indigenous people, weltanschauung, traditional knowledge, native philosophy, modern thinkers, national revival, Altai, Nikolai Shodoev, Bilikism, life mission.

ПОПЫТКИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК

Этнографы, изучая духовную культуру того или иного народа, большое внимание уделяют осо-

бенностям их мировоззрения. С течением временем менялись лишь методика работы с источниками и отношение исследователей к носителям тех знаний, которыми они пытались овладеть в ходе своей работы

Максим Сергеевич Михалев – канд. юрид. наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, e-mail: maxmikhalev@yahoo.com.

Maxim S. Mikhalev – Candidate Science of Law, Post-doc Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

и которые стремились в дальнейшем систематизировать. На начальном этапе развития науки представители коренных народов, которые, с ее точки зрения, находились на довольно низкой ступени экономического и социального развития, часто воспринимались учеными в качестве бесправных объектов для изучения. При этом их оригинальные и самобытные представления и ценности становились всего лишь отправной точкой для последующих умозаключений исследователей, которые нередко граничили с домыслом¹. По мере развития самой науки и вследствие изменения общего идеологического климата доминировать стал более уважительный подход к представителям коренных народов, а на смену абстрактным спекуляциям в отношении тех или иных фактов пришел дескриптивный метод, который, в конце концов, уступил место интерпретативному подходу². Суть дела от этого, однако, не менялась. Как и раньше, сами носители традиционных знаний являлись по большому счету лишь поставщиками первичной информации для последующей аналитической работы³. Ситуация стала коренным образом меняться в недавнее время, что было связано с повсеместным распространением высшего образования, благодаря чему все большее количество представителей коренных народов приходило в науку, превращаясь таким образом в легитимных представителей своей культуры в академической среде.

Подобную тенденцию, безусловно, следовало бы приветствовать и поощрять, однако маятник качнулся в обратную сторону. Ученые неожиданно попали под сильное влияние тех представителей коренных народов, которые, не являясь научными работниками, без тени сомнения брали на себя ответственность выступать от имени своих земляков, представляя на суд публики сочинения, неумело замаскированные под научные работы. Несмотря на то, что многие представители этой волны «глашатаев традиционной мудрости» действительно предпринимали достойные уважения попытки отобразить современным научным языком особенности мировоззрения и ценностей своего народа, превалирующее в настоящее время не критичное отношение к их зачастую доморощенным концепциям все-таки представляется излишним⁴.

Думается, что целесообразно постараться сгладить последствия такого не критичного увлечения автохтонными концепциями и попытаться вернуть дис-

куссию в научные рамки. От этого, очевидно, выиграет не только наука, но и сама народная культура, которая сможет сбросить с себя налет доморощенности и сенсационности, которым она мало-помалу покрывается в результате профанизации научного знания. При этом, безусловно, следует приветствовать активную общественную и творческую деятельность самобытных мыслителей, предпринимая попытки концептуализировать ценности своего народа. Другими словами, наука должна с благодарностью принимать к рассмотрению идеи, высказываемые яркими представителями коренных народов, но при этом оставлять за собой право их дальнейшей интерпретации и верификации. Такого рода попытку в отношении одной из многочисленных автохтонных концепций, которые появились и получили развитие в 1990-х гг. в Республике Алтай, и представляет собой данная статья.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НИКОЛАЯ ШОДОЕВА

Традиционное мировоззрение коренных алтайцев достаточно подробно изучалось советскими учеными [1]. Однако, когда в конце прошлого столетия Республика Алтай провозгласила свой суверенитет, коренные жители этого небольшого российского региона самостоятельно озаботились поиском своих духовных и культурных корней. С одной стороны, все это время в главных научных центрах страны продолжалась кропотливая работа, в ходе которой ученые продолжали изучение культурного наследия алтайского народа⁵. С другой стороны, духовные искания привели к всплеску творческой активности местной интеллигенции, с энтузиазмом принявшей создавать и воссоздавать собственную культуру. Среди тех, кто в ходе этого процесса внес существенный вклад в развитие современной алтайской мысли, следует упомянуть Бронтоя Бедурова, Иннокентия Тенгереева [4], а также Данила Мамыева и Николая Шодоева. Зачастую особый интерес вызывают неожиданные концепции, которые были сформулированы последним автором. Они, без сомнения, оригинальны. Вместе с тем, их можно признать в какой-то степени характерными и при этом довольно хорошо оформленными из всех тех попыток концептуализации специфического алтайского взгляда на мир, которые предпринимались местными активистами и «народными философами» в последнее время.

Николай Андреевич Шодоев проживает в с. Мендур-Соккон Усть-Канского района республики, где уже много лет принимает гостей со всех концов страны и из-за рубежа. Он пишет статьи и издает книги на русском, немецком, турецком и английском языках

¹ В связи с этим часто упоминают великого британского исследователя Дж. Фрезера и его монументальное произведение «Золотая Ветвь».

² В то время как сторонником дескриптивности можно считать американского антрополога Ф. Боаса, на необходимости глубокой интерпретации первоисточника настаивал другой яркий представитель американской науки – К. Гирц.

³ Отдельные исключения, такие как, к примеру, российский исследователь Доржи Банзаров, лишь подтверждали общую тенденцию.

⁴ В этом смысле особенно характерным является засилье практикующих шаманов на научных конференциях, которое с недавних пор можно наблюдать как в России, так и за ее пределами.

⁵ В этой связи можно отметить, к примеру, работы Людмилы Шерстовой, чьи глубокие и вместе с тем эмоционально окрашенные работы, посвященные истории и религии региона, не только не оставили равнодушными коллег-ученых, но и заслужили горячее одобрение коренных жителей [2]. Не меньший вклад в изучение Алтая внесла и Светлана Тюхтенева, чьи работы в основном посвящены поиску истинного содержания алтайской культуры, как древней, так и современной [3].

[5; 6]. В своих произведениях алтайский мыслитель обосновывает новую доктрину – нечто среднее между метафизикой и материализмом, которую сам он видит достойной альтернативой существующим планам развития России. Для своего учения Шодоев избрал экзотический термин «улалинский биликизм». На это, как он утверждает, его подвигнул воображаемый головной убор, которым археологи наделяют пазырыкских женщин и который по виду несколько напоминает антенну. Мыслитель из Мендур-Соккона называет его улалинским – по названию стоянки первобытных людей, расположенной на территории современной столицы Республики Алтай – г. Горно-Алтайска. При этом он приписывает воображаемому головному убору древних алтайцев способность улавливать сигналы из космоса [ПМА]. Шодоев утверждает, что посредством такой антенны его предки могли получать знания из других миров, и именно эти знания и составляют прасову *билика* – традиционной мудрости алтайского народа, систематизации которой Николай Андреевич и посвящает все свое свободное время.

По убеждению создателя улалинского биликизма, Алтай является «местом отталкивания и приталкивания всего сущего», при этом само слово «*Ал-тай*» расшифровывается им как «импульсы многообразного и единого Бога» [ПМА]. В такой интерпретации алтайцы автоматически превращаются в «богоизбранных людей». Это происходит потому, объясняет Шодоев, что от Полярной звезды через Солнце к верхним пределам земной тропосферы протянулась некая «суда». Это невидимая духовная нить огромной силы в тропосфере делится таким образом, что три ее луча достигают Земли в районе Карибского моря, Гималаев и Алтая, где каждый из них вновь троеится. Алтайские лучи при этом падают в окрестностях горы Белуха, Телецкого озера и курорта Белокуриха, где в результате еще одного, последнего, деления образуется девять *сеоков*, которые и составляют алтайский народ. Кстати, Николай Андреевич уверен, что одним из этих *сеоков* вскоре станут русские Алтая, *орус-сеок*, за которыми он видит большое будущее. Усвоив мудрость Алтая, они, считает Шодоев, призваны внести весомый вклад в его развитие, а стало быть, и в развитие всего человечества [ПМА]. Так вот, именно эта невидимая «суда» и есть первопричина того, что алтайцы являются земным воплощением «импульсов многообразного и единого Бога».

Учение Шодоева содержит сильные элементы эсхатологии. Так, он убежден, что вскоре нас ждет наступление новой эры, которое произойдет в результате некоего потрясения, вызванного экологическими проблемами, в частности, нехваткой чистого воздуха и глобальным похолоданием (именно так!), а также преобладанием рассудка над чувствами и непрерывной погоней человечества за материальными благами. Причем конец мира, для Шодоева, – это лишь необходимое очищение человечества от власти денег и расчета. Бог, как он утверждает, просто избавит Землю от слишком умных и от слишком богатых. Они, по-

добно не в меру смышленным коровам, «портят стадо», направляя его совсем не в ту сторону, что требуется пастуху. Спасение же человечества заключается в приходе к власти женщин, которых излишней рассудочностью Николай Андреевич, по-видимому, не наделяет. При новом матриархате не будет ни богатых, ни бедных, наступит время среднего класса. Именно подобный сценарий алтайскому мыслителю видится достойной альтернативой сегодняшнему технократическому безумию.

Подобную отповедь рациональности из уст Шодоева слышать на самом деле странно. Ведь сам этот человек возвел до уровня жизненной миссии задачу оформить *билик*, традиционное и по природе своей неструктурированное знание, в приемлемую с точки зрения науки систему понятий, и рационализация по ходу этого процесса, конечно же, неизбежна. В настоящее время неудовлетворенный недостаточным, по его мнению, признанием алтайской мудрости со стороны научного мира, он занят написанием свода прикладных дисциплин *билика*, включая, например, *билик-географию*, *билик-биологию* и *билик-астрономию*. В отличие от традиционного понимания указанных наук, алтайские дисциплины базируются не на строгом расчете, эксперименте или методе, а на эмоциях души, вселенском сострадании и чувственном восприятии мира. Мечтой его при этом все-таки остается строго позитивистское изложение мудрости предков. Он действительно не оставляет попыток привлечь на свою сторону астрономов и физиков, биологов и этнографов в надежде, что они оформят, наконец, прозрения и пророчества школьного учителя из алтайской глубинки в стройную научную систему.

Делясь с миром мудростью своего народа, Николай Андреевич говорит о том, что она простирается из глубокого понимания природных энергий и ритмов и представляет собой целостное восприятие мира, основанное на умении человека жить сердцем и потому чуждое любому культу материального. В основе такого восприятия, объясняет он, лежит понятие *Кангыя* – вездесущей, но непроявленной энергии, которая является единственным источником жизни. Шодоев утверждает, что данное определение схоже с научным понятием физического вакуума. Алтай, по его мнению, является энергетической пуповиной земли и при этом некоей хитрой матрицей, способной улавливать эту энергию, а потому его территория просто пронизана ею. Причем, в отличие от больших городов, где энергии, как правило, приглушены, здесь каждый может их прочувствовать лично, и такой опыт способен помочь человеку прикоснуться к мудрости Вселенной.

Каждому, кто приедет на Алтай с открытым сердцем, полагает Шодоев, будет доступно самое сокровенное, глубинное и целостное знание, которое передается напрямую по линии человек–космос и обретается только здесь. Обретается при непосредственном общении человека с внешними силами, не ограниченном никакими канонами, обрядами или профессиональ-

ными посредниками. За каждым человеком признается право на свою истину и свое знание, обретаемое в полном соответствии с его судьбой и предназначением. Человек самостоятелен в своем выборе, отвечает перед Богом, природой и другими людьми и за свой изначальный выбор, и за то, что он совершит впоследствии, руководствуясь этим выбором.

В принципе, мудрость изначально заложена в душе каждого, добавляет Шодоев, и человеку нужно лишь открыть ее в себе, опираясь при этом не на разум, а на сердце. Нужно верить в силу собственного духа, любить мир, человечество и стремиться к красоте и гармонии во всем, утверждает мыслитель из Мендур-Соккона. В своих книгах он учит, что каждый человек должен сначала определить свой жизненный путь и обстоятельства жизни, прислушиваясь к голосу духа, а затем исполнить свое предназначение, передав при этом свою энергию потомкам. Шодоев также утверждает, что не только судьба человека закладывается в центр души в момент ее зачатия [7, с. 40]. То же верно и в отношении целых народов, судьбы которых определяются в момент их рождения и так же, как судьбы людей, реализуются в соответствии с определенными закономерностями. Великие мыслители, пророки и шаманы каждого народа призваны прочувствовать эту уникальную миссию и поведать о ней соотечественникам. Задача же последних состоит в том, чтобы, прислушавшись к пророкам своего отечества, встать на предначертанный ими путь и твердо ему следовать.

ВЗГЛЯД АЛТАЙЦЕВ НА МИР

Даже при беглом взгляде на ту своеобразную мировоззренческую концепцию, которую выстраивает Николай Шодоев, можно отметить, что ему, как и многим его землякам, присуща непоколебимая вера в особое предназначение алтайского народа и убежденность в его ответственности за судьбы мира. Безусловно, подобное мессианство в той или иной мере свойственно и другим народам Земли, однако именно на Алтае ему придан статус жизненной миссии для каждого конкретного человека. Нет сомнения в том, что подобный взгляд в какой-то мере инспирирован идеями, высказанными Николаем Рерихом. Прослышав об их популярности или ознакомившись с творческим наследием великого русского мистика и художника самостоятельно, многие видные представители современной алтайской интеллигенции посчитали возможным называть себя хранителями сакрального, ответственными за судьбы мира⁶. При этом на самом деле не существует никаких надежных доказательств того, что в том же самом ключе рассуждали их далекие предки.

Еще одна черта, присущая мировоззренческим взглядам Шодоева и также тесно связанная с мессианством, как представляется, в целом имманентна ал-

тайской культуре. Имеется в виду принятие алтайцами самих себя как неотъемлемой части чего-то большего, чем просто планета Земля, и уж тем более чего-то большего, чем то или иное государство. Чего-то необъяснимого и необъяснимого, чего-то, что живет в глубинах вечности и наделяет человека не только сверхзадачей, но также верой и силой, для выполнения этой задачи необходимой. Активное личное участие в поддержании космического порядка формирует их жизненную позицию и придает их существованию смысл, составляя, таким образом, фундамент мировоззрения. Такая, в каком-то смысле вселенская, сопричастность выводит алтайское мессианство за пределы знакомого чувства ответственности за судьбы планеты, что действительно присуще и другим народам Земли.

Характерной чертой взгляда на мир, в интерпретации мыслителя из Мендур-Соккона, является также искренняя убежденность алтайцев в своей особенной, врожденной духовности. Вполне вероятно, что подобное отношение продиктовано искренней верой не только самого Шодоева, но и большинства коренных жителей этого горного региона в святость их родной земли, что проявляется в том числе в обожествлении Алтая как такового. Верховное божество их пантеона Алтай-Кудай, являющееся его персонификацией, трансцендирует здесь все другие вероучения и пользуется непрекаемым сакральным авторитетом. В связи с этим следует добавить, что ни одна мировая религия так и не смогла обрести по-настоящему преданных сторонников на алтайской земле. Продвижение буддизма, ислама и православия было остановлено именно на пороге Алтая. Только природа родной земли наделяется здесь всеми атрибутами сакральности, при этом она *почитается* как божество, а не является объектом *заботы*, что свойственно, скорее, современной городской культуре.

Что касается ценностей, то можно заметить, что таковыми, с точки зрения Николая Шодоева, являются преданность обретенной в результате прозрения или откровения жизненной миссии, вера во всемогущество отдельного человека, а стало быть, и вера в самого себя, уверенность в способности каждого изменить мир в случае, если он прислушается и сможет услышать голос своего сердца. Зачастую такой миссией ему видится сохранение и распространение неких сакральных знаний, что, как несложно заметить, напрямую проистекает из уверенности алтайцев в особом предназначении и святости их родной земли, а также из их сопричастности ритмам Вселенной⁷. Интересно, что сами они при этом не претендуют на обладание этим знанием. Скорее, они полагают, что их задачей является сбережение его первоисточника и в то же самое время максимальное его распространение любыми имеющимися способами с тем, чтобы оно стало доступным как можно большему количеству людей на планете.

⁶ Сходные с Шодоевым идеи высказывают и другие современные алтайские мыслители, к примеру, Д. Мамыев. К сожалению, объем данной статьи не позволяет рассмотреть их подробнее. С их содержанием можно ознакомиться по другим публикациям [8; 9].

⁷ В этом убеждении сходятся и Шодоев, и Мамыев, и многие другие современные алтайские мыслители.

Можно сказать, что за вызывающими у многих усмешку историями Николая Шодоева о мифических антеннах и божественных нитях стоит потребность в сопричастности ритмам Вселенной, которая характеризует многих алтайцев. В то же время его убежденность в святости родной земли, его неприятие готовых рецептов, предоставляемых в рамках существующих религиозных доктрин, а также вера в способность каждого конкретного человека изменить к лучшему весь космический порядок являются доказательствами того, что сопричастность эта достигается личным усилием, а потому активна, конкретна и осязаема. Об этом говорят и попытки самого Шодоева рационализировать и кодифицировать знание, которое, как он полагает, изначально существует в нерациональной, непроявленной форме.

В связи с этим будет справедливо говорить о том, что в основе алтайского мировоззрения, каким оно видится сельскому мыслителю из Мендур-Соккона, лежит вера в человека. Схожая по своему пафосу с теми принципами, на которых зиждется гуманистическая философия Запада, она оказывается при этом обильно сдобренной присутствием многим народам Земли обожествлением природы. Безусловно, все это не должно становиться поводом для того, чтобы говорить о том, что Алтай являет собой заповедный репозиторий некоей вневременной мудрости. Вместе с тем следует признать, что в идеях, которые пытается сформулировать Шодоев, действительно содержится многое, о чем мы в ходе излишне ориентированного на технический прогресс развития склонны иногда забывать.

Высказанные им идеи, безусловно, являются лишь его собственной точкой зрения и не позволяют сделать какие-либо более широкие обобщения по поводу столь сложной и многогранной проблемы, как современное мировоззрение алтайцев. Чтобы действительно попытаться сформулировать его особенности, необходимо кропотливое изучение многих других идей, зачастую схожих, а иногда и прямо противоположных шодоевским представлениям о мире и о предназначении человека, которые бытуют в настоящее время на Алтае. Для этого требуется, прежде всего, привлечение сравнительного материала по современному бурханизму, тенгрианству и буддизму, которые также пользуются в настоящее время определенной поддержкой в республике. Необходимо также краткий анализ воззрений других современных алтайских мыслителей. Хочется верить, что уже проводимые в данном ключе современные исследователи в недалеком будущем позволят ввести в научный оборот многие интересные автохтонные концепции, а также представить в более общем виде то мировоззрение, которое в настоящее время создается и воссоздается самими коренными жителями Республики Алтай.

ИСТОЧНИКИ

ПМА – Полевые материалы автора. Усть-Канский район, Республика Алтай, Россия. 2012–2014 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
2. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 311 с.
3. Тухтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 169 с.
4. Тенгерев И.С. Теленгеты: историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер-Белуха, 2001. 79 с.
5. Шодоев Н.А. Основы алтайской философии. Бийск: Типография ИП Кудрин, 2009. 205 с.
6. Шодоев Н.А. Алтайская народная педагогика. Билик воспитания личности и обретения смысла жизни. Пособие по духовному самообразованию. Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. 268 с.
7. Шодоев Н.А., Курчаков Р.С. Алтайский билик – древние корни народной мудрости России. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. 107 с.
8. Мамыев Д.И. Духовная экология и культура в XXI веке // Н.А. Шодоев, Р.С. Курчаков. Алтайский билик – древние корни народной мудрости России. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. с. 93–105.
9. Михалев М.С., Нгуен Ти Чам. Алтай: 欧亚大陆的十字路口 Аэртаи: Оуя далу дэ шицзылуку [Алтай: перекресток Евразии] // Гонши. 2012. №7. С. 56–58. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. Turks' traditional worldview in South Siberia: man, society. Novosibirsk, Nauka, 1989, 243 p. (In Russ.)
2. Sherstova L.I. Turks and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethno-cultural dynamics from the XVII to early XX centuries. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2005, 311 p. (In Russ.)
3. Tyukhteneva S.P. Land. Water. Khan Altai: ethnic culture of Altaians in the XX century. Elista, Izd-vo KalmGU, 2009, 169 p. (In Russ.)
4. Tengerikov I.S. Telengets: brief history and ethnography. Gorno-Altai, Yuch-Syumer-Belukha, 2001, 79 p. (In Russ.)
5. Shodoev N.A. The basics of Altai philosophy. Biysk, Tip. IP Kudrin, 2009, 205 p. (In Russ.)
6. Shodoev N.A. Altai folk pedagogies. Bilik of the personal education and sense of life discovery. Spiritual self-education guidebook. Barnaul, Altaiskiy dom pechati, 2011, 268 p. (In Russ.)
7. Shodoev N.A., Kurchakov R.S. Altai Bilik – the ancient roots of the folk wisdom of Russia. Kazan', Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2003, 107 p. (In Russ.)
8. Mamyev D.I. Spiritual ecology and culture in the XXI century. N.A. Shodoev, R.S. Kurchakov. *Altai Bilik – drevnie korni narodnoy mudrosti*. Kazan', pp. 93–105. (In Russ.)
9. Mikhalev M.S., Nguyen Thi Tran. Алтай: 欧亚大陆的十字路口 Aertai: Ouyadalu Shizilukou. *Gongshi*, 2012, no. 7, pp. 56–58. (In Chinese)

Статья принята редакцией 29.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180214
УДК 392.1 (571.1)“18/19”

В.В. НИКОЛАЕВ

**СЕМАНТИКА ТРАДИЦИОННОЙ РОДИЛЬНОЙ ОБЯДНОСТИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

Статья посвящена реконструкции традиционной родильной обрядности автохтонного населения предгорий Северного Алтая и ее семантики. Источниковая база исследования представлена полевыми материалами автора и других участников этнографических экспедиций АлтГУ 2001–2004 гг. Обряды, сопровождавшие появление нового члена семьи и общества и имевшие во многом символическое значение, проводились с целью сохранения жизни новорожденного и роженицы. Роды являлись переходным периодом для женщины и ее ребенка. Она окончательно включалась в состав новой семьи и рода, приобретая новый социальный статус. Ребенок переходил из «природного» состояния в социальное посредством символических действий, включавших укладывание в колыбель, наделение именем, первую стрижку и т.д. Важнейшим событием была демонстрация новорожденного родственникам.

Ключевые слова: коренные народы, Алтай, родильные обряды, семантика.

V.V. NIKOLAEV

**SEMANTICS OF TRADITIONAL MATERNITY RITUALS
OF INDIGENOUS POPULATION IN THE NORTH ALTAI FOOTHILLS
(THE LATE XIX – FIRST HALF OF XX CENTURIES)**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to reconstruction of the traditional maternity rituals of the autochthons in North Altai foothills and their semantics. The research source is field materials of the author and other participants of ethnographic expeditions of Altai State University in 2001–2004. Large families were highly respected in traditional communities; boys' birth was preferable. This should have been facilitated by certain actions. A new life advent was associated with “kut” (a human double) and “umay” (the spirit-keeper), complexes of religious beliefs. Preparation for childbirth included observation of certain prohibitions and restrictions by pregnant women. For example, they were released from hard work and forbidden to visit springs. During birth action, the wise woman assisted women in birth and helped with a newborn. The wise woman was an active participant in many rituals of transition: washing a baby, telling a father of a newborn's sex, burial of afterbirth, participation in naming, etc. The indigenous people were careful to afterbirth and an umbilical cord; they were stored in an inaccessible place or buried in ground. Rituals accompanying the emergence of a new member of the family and society should save the life of the newborn and the woman in labor. The name was chosen in honor of the deceased relatives. Naming amulets were practiced, they “protected” from evil spirits. Simultaneously a rite was carried on to place a baby in a birch bark cradle, which was made by a father right after birth. If the child grew strong and healthy, then the cradle was considered happy, and it was used in the future. Important stages of maternity rituals were forty days and a year. After a year the child was shown to relatives. In general, childbirth was a transitional period for a woman in labor and her child. The woman in labor was finally included in the new family and clan, acquiring a new status. The child moved from the “natural” state into the social through symbolic actions, including cradling, giving a name, first haircut, threading legs, etc.

Keywords: indigenous peoples, Altai, maternity ceremonies, semantics.

*Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3. Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений. № 0329-2018-0006 Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения.

Василий Владимирович Николаев – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nikolaevvv06@mail.ru.

Vasily V. Nikolaev – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Изучение родильной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) началось в XIX в. В это время появились работы В.И. Вербицкого [1], А.В. Адрианова [2] и др. В начале XX в. в местах расселения кумандинцев и челканцев побывали Н.Б. Шерр [3] и К. Хильден [4] соответственно. Большинство сведений, собранных исследователями дореволюционной России, касались материальной культуры коренного населения региона. Материалы по обрядам жизненного цикла носили во многом фрагментарный характер.

Более систематичный характер исследования традиционной культуры приобрели благодаря вкладу советских ученых – Н.А. Баскакова [5, 6], Л.П. Потапова [7] и др. Вышла монография Ф.А. Сатлаева [8] по кумандинцам, Е.М. Тошакковой [9] по родильной обрядности северных алтайцев, а в 1990-е гг. – Е.П. Кандраковой [10] по челканцам. Тубаларам к настоящему времени не посвящено ни одной монографии, а статьи Е.А. Бельгибаева [11, 12, 13] не исчерпывают рассматриваемой проблемы.

Целью данной статьи является реконструкция традиционной родильной обрядности кумандинцев, тубаларов и челканцев и ее семантики. Статья подготовлена в основном на полевом материале, полученном автором и другими участниками этнографических экспедиций АлтГУ в 2001–2004 гг. в населенных пунктах Красногорского и Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай¹.

Зачатие, а затем и рождение полноценно здоровых детей имело большое, главным образом экономическое, значение для семьи. Мальчик в перспективе должен стать охотником и рыбаком, а следовательно, кормильцем семьи. Кроме того, он являлся продолжателем рода и наследником имущества отца. Девочка была менее желательна, в силу того что после замужества она покидала отчий дом. В этой связи сформировались определенные обычаи, направленные на рождение ребенка конкретного пола. Например, чтобы родился мальчик, клали топор под брачное ложе².

Подготовка женщины к родам и последующий послеродовой период для нее и новорожденного сопровождался целым комплексом запретов и ограничений. Согласно религиозным воззрениям коренного населения предгорий Северного Алтая, жизнь каждого человека начиналась с небесной зоны Вселенной, где она еще не имела антропоморфной формы. Отсюда она посылалась божеством на землю в материализованной форме в виде *кут*, под которым понималась некая субстанция, воплощающая единство физического и духовного в человеке и проходящая ряд метаморфоз в зависимости от состояния человека (бодрствование, сон, смерть, «посмертное бытие») [7, с. 29; 14, с. 133–134].

Термин *кут* употреблялся в отношении двойника и взрослого человека, и ребенка, но в период от рож-

дения до того времени, когда он начинал свободно говорить (до 5–6 лет), использовалось слово «*умай*». Это объяснялось опасностью, исходящей от злых духов, которые могли привести к выкидышу [8, с. 149–150].

К. Хильден [4, с. 77] отмечал, что челканцы верили в то, что каждому новорожденному Ульгень посылал доброго духа (*йайучи*), а Эрлик – злого (*курмес*). Они сопровождали человека в течение всей жизни и следили за его поступками, чтобы после смерти свидетельствовать на суде у Эрлика о его действиях.

Кумандинцы полагали, что в момент зачатия появляется дух-хранитель Умай (Май, Май-энези, Убай). Умай охраняет человека в течение всей его жизни. В процессе родов Умай помогает ребенку появиться на свет, иногда вступая в борьбу со злым духом, который препятствует рождению младенца – «тянет его к себе» (так объясняли тяжелые роды). Кроме того, дух-хранитель помогал перерезать пуповину, ухаживать за новорожденным: мыть лицо, прочищать ресницы [7, с. 37–38; 8, с. 149–150; 15, с. 58]. Тубалары и челканцы также верили в Увай (Умай) [11, с. 23; 16, с. 122]. Челканцы считали, что Увай заботится о ребенке до пяти лет, а затем эту функцию берет на себя Пайне.

Умай – женское божество, оно упоминается в древнетюркских рунических надписях. В мифологии древних тюрков Умай олицетворяла женское, земное начало и плодородие. Считалось, что от нее зависит рождение мальчика или девочки. У северных алтайцев статус Умай был ниже – ограничивался семейно-бытовым уровнем, а набор ее функций уменьшился. Она относилась к высокой категории доброжелательных божеств и духов, именуемой *пайана* [7, с. 289, 291].

Именно на Умай возлагались все помыслы и надежды о воспроизводстве потомства, об увеличении состава семьи. С ней были связаны различные верования, обряды, запреты, магические действия и предметы, направленные на защиту роженицы и новорожденного от злых сил.

Таким образом, при некоторых различиях традиционные мировоззренческие установки, касающиеся духа-хранителя, двойника человека и рождения ребенка, имели много общего у рассматриваемых групп населения. При этом отмечается их постепенная трансформация под влиянием православной религии и картины мира пришлых групп населения, в том числе русских.

После того как становилось известно, что женщина беременна, к ней изменялось отношение. Такую женщину кумандинцы называли *паарлыг*, *поос* или *айлыг*, тубалары – *курсак* (букв.: желудок), *айлу*, а челканцы – *курсак*, *барлу* (букв.: у нее есть), *шыдовас* (букв.: в тягости). Беременную женщину освобождали от тяжелой работы. Вступали в силу и различные ограничения. Например, запрещалось посещать источники (*аржан суда*), так как считалось, что его дух мог забрать *кут* еще не родившегося ребенка³ [10, с. 131; 13, с. 15; 17, с. 24; 18, с. 57]. Ограничения и запреты, касавши-

¹ Материалы этнографических экспедиций Алтайского государственного университета (МАЭ АлтГУ). Ф. 1. П. 3, 6, 11.

² МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 6. К. 30. Л. 6–7.

³ Там же. П. 11. Оп. 9, 11. К. 33. Л. 1–3.

еся как обращения с беременной женщиной, так и ее действий, были связаны с присутствием плода – представителя «иного» мира.

Роды происходили при стечении народа, криках и ружейной стрельбе. Роженица в доме оставалась с бабкой-повитухой (*киндик-ана, кортуяш, урякен* у кумандинцев, *сыймучи туркуш* – у тубаларов, *энедже* – у челканцев) и с кем-либо из старших родственников, чаще всего с пожилой многодетной женщиной. Они помогали подготовиться к родам: поставить кровать в углу, распушить волосы, привязать веревку к потолку, за которую женщина держалась при родах, принять полусидячее положение⁴ [1, с. 107; 6, с. 229; 8, с. 115; 13, с. 15].

Существовало несколько способов помощи женщине при тяжелых родах. Приглашался шаман, который начинал камлать, чтобы изгнать злого духа. Могли привести мужчину, некогда разнявшего двух сцепившихся змей и прошедшего между ними. Причем его личное присутствие было необязательным. Достаточно было принести какую-нибудь вещь из его одежды, например шапку, которой обводили дважды вокруг роженицы. Кроме того, повивальная бабка могла гладить по животу в направлении выхода младенца⁵ [7, с. 289; 8, с. 115; 10, с. 133]. Тубалары в таких случаях могли обратиться за помощью к пожилому незнакомцу из соседнего поселка. Его задачей было напугать своим неожиданным появлением роженицу, что должно было способствовать разрешению беременности [13, с. 15].

Появление ребенка на свет было большим праздником не только для семьи, но и для их родственников и жителей всего села. Многолетние семьи у кумандинцев, тубаларов и челканцев, как и у других тюркоязычных народов, пользовались уважением. На этот счет существовало выражение: один ребенок не ребенок, два ребенка – полребенка, три ребенка – ребенок (*Пыр пала – пала епись, ике пала – полпала, ич пала – пала*)⁶.

С рождением наступал период пребывания человека на земле. До тех пор, пока ребенок не мог говорить, коренное население предгорий Северного Алтая считало его связанным больше с небесным миром, откуда он появился на свет, чем с окружающими людьми. В это время ребенок находился под охраной и присмотром духа-хранителя. Младенец общался с Умай (обычно во сне), смеялся или улыбался, когда она его забавляла, и плакал, если она уходила. Как только новорожденный начинал говорить, над ним совершались все необходимые обряды, т.е. он входил в земной социальный мир, и тогда его непосредственные связи с Умай прекращались. Вместе с ним рос и взрослел его двойник, или *кут*, который до самой смерти человека был неразрывно связан с его телом [7, с. 29; 8, с. 149].

Родившегося ребенка повивальная бабка обмывала в деревянной емкости теплой водой и за-

ворачивала в домотканую материю. Затем правила ему головку и сообщала отцу, кто родился: мальчик или девочка. За свою работу она получала полотенец. Между бабкой-повитухой, которая фактически играла ту же роль, что и крестная у христиан, и новорожденным устраивались крепкие и уважительные отношения на всю жизнь⁷ [8, с. 115; 13, с. 16]. Кроме того, сразу после родов у челканцев практиковалось разведение огня в очаге. Целью этого было отогнать злых духов от беззащитных на тот момент ребенка и роженицы⁸.

Что касается отвода (пуповины), то его могли отрезать ножницами, предварительно перетянув ниткой, или дожидались отпадения⁹ [8, с. 115]. Перерезание пуповины было характерно для тубаларов и челканцев¹⁰ [13, с. 15].

Коренное население предгорий Северного Алтая бережно относилось к детскому месту (*убайя*) и пуповине (*ич* – букв.: внутренняя часть, нутро) младенца. Считалось, что их сохранность благоприятствует новорожденному. Исследователи отмечают такие действия по отношению к отводу и последу, как погребение и хранение.

Право на захоронение последа имела только бабка-повитуха. Кумандинцы закапывали его в землю (предварительно положив в сосуд, туес или обернув в чистую тряпку) под окном дома со стороны восхода солнца, а тубалары и челканцы – в лесу, в яме глубиной до полуметра¹¹ [8, с. 115; 9, с. 53; 10, с. 134]. По другим сведениям, у кумандинцев мать закапывала пуповину и послед вместе¹². Тубалары также практиковали захоронение отвода [13, с. 15]. Видимо, последний вариант обряда имеет более позднее происхождение и отражает процесс упрощения и забывания традиции.

У кумандинцев и челканцев существовал обычай хранения пуповины и последа в доме: под полом, на внутренней завалинке жилища или на чердаке [9, с. 54]. Следует отметить, что в прошлом (иногда и сейчас) кумандинкам запрещалось посещать чердак жилища [19, с. 255]. Видимо, хранение детского места и отвода в какой-либо части дома является заимствованным обычаем.

По другим сведениям, пуповину, предварительно положив в мешочек, отдавали носить ребенку¹³ [8, с. 115; 10, с. 134]. О тубаларах на этот счет сведения отсутствуют.

Разнообразие действий в отношении последа и пуповины у рассматриваемых групп населения объясняется, видимо, сложными этническими процессами на территории предгорий Северного Алтая и в целом в Саяно-Алтайском регионе. Вместе с тем отмечается упрощение отдельных ритуалов традиционной родиль-

⁷ Там же. П. 6; 11. Оп. 3; 1. К. 10; 27. Л. 13; 3–4.

⁸ Там же. П. 11. Оп. 1. К. 26. Л. 4.

⁹ Там же. Оп. 10. К. 23. Л. 3.

¹⁰ Там же. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

¹¹ Там же. П. 3; 6. Оп. 3; 2. К. 10; 24. Л. 13; 2.

¹² Там же. П. 11. Оп. 10. К. 23. Л. 3.

¹³ Там же. П. 3. Оп. 3. К. 10. Л. 13.

⁴ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2.

⁵ Там же. П. 3. Оп. 3. К. 9. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 6. К. 63. Л. 1.

ной обрядности, видимо, под воздействием культур пришлых народов и православной религии.

После разрешения от беременности, но до обряда имянаречения призывался шаман. Его мог заменить в крайнем случае пожилой человек. Будущее человека определял еще при зачатии Кудай Ульгень (*чаянын-да чайсан намыны киженг* – на роду написано, кому сколько жить). Гость предсказывал судьбу (*ирг, ульга*) новорожденного, камлая с помощью маленького лука (*ырык*). Сообщался срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом, пом* – букв.: скала, утес). Таких моментов могло быть до девяти, но опасности можно было избежать и умереть естественной смертью [4, с. 90; 7, с. 149; 14, с. 134]. Следует отметить, что функция шаманов, связанная с предсказаниями, известна по письменным источникам с древнетюркской эпохи [20, с. 198].

На шестой – восьмой день после отпадения пуповины (*киндик тушкен*) совершался обряд укладывания ребенка в колыбель. Ее, как и одежду, для младенца изготовляли после родов. В противном случае, согласно народным представлениям, новорожденный мог умереть. В сделанную отцом первенца колыбель впоследствии клали всех детей, родившихся позже¹⁴ [9, с. 48, 51; 13, с. 16].

У коренного населения предгорий Северного Алтая, по мнению Е.М. Тошакровой [9, с. 47-49], были распространены берестяные колыбели (*тос бежик* – у кумандинцев и челканцев, *кабай, кавай, пежик* – у тубаларов), имевшие вид четырехугольной коробки, которая подвешивалась к потолку. У кумандинцев известны и другие названия детской колыбели – *пунай* или *пуубай*¹⁵ [5, с. 243; 13, с. 16].

Челканцы изготовляли также ванночку (*тозьяк*) для купания младенца. Ее выделывали из коры и скрепляли черемуховыми «нитками». *Тозьяк* тоже сохраняли для будущих детей. С данным предметом были связаны различные ограничения: в ванночку запрещалось класть какие-либо вещи, иначе ребенок мог заболеть. Воду после купания новорожденного выливали за ограду¹⁶.

В день укладывания ребенка в колыбель кто-либо из родственников, глава семейства, почитаемый всеми человек, незнакомец или бабка-повитуха нарекали его именем. У челканцев совмещение двух обрядов было не обязательным. При этом повивальная бабка приносила подарок: мальчику – монеты, а девочке – бусы, серьги, а в ответ в качестве подарка получала от отца новорожденного платок (*арчул*), ткань на платье и кусок мыла, которым она мыла младенца. Если имя не давали, то считалось, что это делал злой дух (*кормос*) [1, с. 107; 8, с. 115; 9, с. 51–52; 10, с. 137].

По окончании обряда имянаречения тубалары устраивали пиршество (*баланын тойы*) [13, с. 16]. Оно было широко распространено на юге Алтая и за его пределами [21, с. 145].

Кроме того, у челканцев имя мог дать шаман, пришедший через месяц после родов¹⁷. Возможно, в прошлом именно служитель религиозного культа давал имя новорожденному в честь умершего родственника, даже через пять-шесть поколений, что также определял шаман. У кумандинцев также был обычай называть младенца в честь кого-нибудь из умерших родственников, чтобы сохранялась память об этом человеке, чтобы ребенку передались лучшие качества предка. Именами самоубийц и несчастных людей детей не нарекали¹⁸.

В связи с большой детской смертностью часто давали имена-обереги, так как считали, что злой дух в таком случае не заберет душу ребенка¹⁹ [1, с. 107; 10, с. 139]. Для защиты от злых духов тубалары и челканцы использовали также предметы-обереги: пуговицы, когти, бусы, крыло глухаря, бич или кровь, спекшуюся и отслоившуюся от пуповины [10, с. 139; 12, с. 23].

Как до родов, так и после них существовали различные ограничения. Для защиты роженицы и новорожденного запрещалось выносить из дома огонь в течение сорока дней после родов²⁰. В традиционном сознании сорок дней соответствовали сорока неделям лунного цикла беременности. Временной промежуток дублировал внутриутробное развитие ребенка. Этот период представлял собой переходное состояние сотворения, предшествующего собственно жизни [22, с. 160–161].

Через некоторое время, но не позже года, новорожденного привозили к родителям и родственникам жены. Визит сопровождался благопожеланиями и одариванием (*миши*) маленького гостя [8, с. 116]. Тубалары и челканцы также привозили каждого ребенка к родственникам по материнской линии. Смотрины (*чан*) и внесение ребенка в дом родителей (*бала акиртени ньан*) обычно устраивали через год после его рождения [10, с. 70; 13, с. 16]. Рождение первенца способствовало окончательной социализации женщины в семье мужа и его роду.

Когда ребенку исполнялся год, родители в первый раз стригли ему волосы и ногти. Волосы бережно хранили на дне сундука. Несколько позднее младенцу спутывали ноги нитками и затем разрезали. Данный обычай был связан с представлениями о том, что новорожденный появляется на свет «спутанным», а следовательно, не может ходить. Ребенка кормили грудью до тех пор, пока он не начинал ходить²¹ [8, с. 115; 10, с. 137].

В целом, несмотря на ограниченность полевого материала и сведений, содержащихся в специальной литературе, родильную обрядность и связанные с ней традиционные представления коренного населения предгорий Северного Алтая о душе можно реконстру-

¹⁷ Там же. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. П. 3; 6. Оп. 3; 6. К. 9; 30. Л. 2; 6–7.

¹⁹ Там же. П. 6. Оп. 1, 4. К. 7. Л. 7–9.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Оп. 3. К. 9. Л. 2.

¹⁴ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

¹⁵ Там же. П. 6. Оп. 3. К. 10. Л. 13.

¹⁶ Там же. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

ировать. Обрядовые действия и запреты во время беременности, родов и последующей социализации ребенка были направлены в первую очередь на сохранение жизни новорожденного, а также роженицы.

Роды и послеродовой этап представляли собой переходный период как для роженицы, так и для ребенка. Рождением первенца завершалось включение женщины в состав новой семьи и рода, происходило наделение ее новым статусом. Родильная обрядность была направлена на социализацию ребенка, чему способствовали действия с пуповиной и последом, укладывание в колыбель, имянаречение, первая стрижка и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 268 с.
2. *Адрианов А.В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. Томск, 1886. 276 с.
3. *Шерр Н.Б.* Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1903. Т. V. С. 81–114.
4. *Хильден К.* О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000. Т. 3. С. 74–113.
5. *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972. 279 с.
6. *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М., 1985. 233 с.
7. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. 319 с.
8. *Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974. 199 с.
9. *Тоцакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). Новосибирск, 1978. 160 с.
10. *Кандараква Е.П.* Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999. 176 с.
11. *Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А.* Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая (по материалам этнографии челканцев и туба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. II. С. 21–24.
12. *Бельгибаев Е.А.* Структура рода туба // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 198–201.
13. *Бельгибаев Е.А.* Традиционные обряды жизненного цикла туба (по итогам полевых этнографических исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. II. С. 13–17.
14. *Славнин В.Д.* Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 132–146.
15. *Славнин В.Д.* Жертвоприношение коня духу – покровителю рода у верхних кумандинцев (материалы) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994. С. 57–74.
16. *Сыченко Г.Б.* Ульген, Тъажин, Кыргыз и другие... (заметки о чалканском шаманстве) // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000. Т. 3. С. 114–127.
17. *Кандараква Е.П.* Тундештиру созлик. Горно-Алтайск, 1994. 85 с.
18. Кумандинско-русский словарь. Бийск, 1995. 150 с.
19. *Назаров И.И.* Духи-покровители жилища в представлениях кумандинцев // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 254–255.
20. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1, ч. 1. 384 с.
21. *Шатинова Н.И.* Традиционные обряды алтайцев, связанные с рождением ребенка // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1970. Вып. 1. С. 142–160.
22. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек, Общество. Новосибирск, 1989. 243 с.

REFERENCES

1. *Verbitskiy V.I.* Altaic aliens. Gorno-Altai, 1993, 268 p. (In Russ.)
2. *Adrianov A.V.* A journey to Altai and Sayan Mountains committed in 1881. Tomsk, 1886, 276 p. (In Russ.)
3. *Sherr N.B.* On a trip to Kumandinty in 1898. *Altayskiy sbornik*. Barnaul, 1903, vol. V, pp. 81–114. (In Russ.)
4. *Khil'den K.* About shamanism in the Altai, in particular among Tatar-Lebedinty. *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka*, Moscow, 2000, vol. 3, pp. 74–113. (In Russ.)
5. *Baskakov N.A.* Northern dialects of the Altai (Oiro) language. Kumandinty (kumandy-kizhi) dialect. Moscow, 1972, 279 p. (In Russ.)
6. *Baskakov N.A.* Northern dialects of the Altai (Oiro) language. Lebedinty Tatars-Chelkans (ku-kizhi) dialect. Moscow, 1985, 233 p. (In Russ.)
7. *Potapov L.P.* Altai shamanism. Leningrad, 1991, 319 p. (In Russ.)
8. *Satlaev F.A.* Kumandinty (historical and ethnographic essay of the XIX – first quarter of XX century). Gorno-Altai, 1974, 199 p. (In Russ.)
9. *Toshchakova E.M.* Traditional features of the Altaians national culture (the XIX–XX centuries). Novosibirsk, 1978, 160 p. (in Russ.)
10. *Kandarakova E.P.* Chalcans customs and traditions. Gorno-Altai, 1999, 176 p. (In Russ.)
11. *Bel'gibaev E.A., Burnakov V.A.* Problems of traditional outlook reconstruction of the indigenous population in Altai taiga (based on the ethnography of Chelkans and Tuba). *Problemy arkheologii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2003, vol. 8, pt. 2, pp. 21–24. (In Russ.)
12. *Bel'gibaev E.A.* Structure of the genus Tuba. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy na territorii Sibiri (drevnost' i srednevekov'e)*. Kemerovo, 2003, pp. 198–201. (In Russ.)
13. *Bel'gibaev E.A.* Traditional ceremonies of the life cycle of Tuba (based on the results of field ethnographic research in 2004). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, Novosibirsk, 2004, vol. 10, pt.2, pp. 13–17. (In Russ.)
14. *Slavnin V.D.* Funeral ritual of the Kumandins. *Obryady narodov Zapadnoy Sibiri*. Tomsk, 1990, pp. 132–146. (In Russ.)
15. *Slavnin V.D.* Sacrifice of a horse to the spirit – the clan patron of the upper Kumandins (materials). *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Moscow, 1994, pp. 57–74. (In Russ.)
16. *Sychenko G.B.* Ulgen, Tjajzin, Kyrgys and others ... (notes on Chalcans' shamanism). *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka*. Moscow, 2000, vol. 3, pp. 114–127. (In Russ.)
17. *Kandarakova E.P.* Tundeshtiru sozlik. Gorno-Altai, 1994, 85 p. (In Russ.)
18. The Kumandin-Russian dictionary. Biisk, 1995, 150 p. (In Russ.)
19. *Nazarov I.I.* Spirits-patrons of the dwelling in Kumandins views. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Pyatye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina*. Barnaul, 2005, pp. 254–255. (In Russ.)
20. *Bichurin N.Ya.* Collection of information about peoples who lived in Central Asia in ancient times, Moscow; Leningrad, 1950, vol. 1, pt. 1, 384 p. (In Russ.)
21. *Shatinova N.I.* Traditional rituals of the Altai peoples associated with the birth of a child. *Voprosy istorii Gornogo Altaya*. Gorno-Altai, 1970, no. 1, pp. 142–160. (In Russ.)
22. Traditional worldview of the Turks of South Siberia: man, society. Novosibirsk, 1989, 243 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 19.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180215
УДК 314(571.513)''18/20''

В.Н. ТУГУЖЕКОВА

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХАКАСИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,
РФ, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

В статье анализируются особенности этнодемографических процессов в Хакасии конца XX – начала XXI в. Особое внимание уделяется коренному этносу – хакасам. Анализируются факторы, повлиявшие на изменение этнического состава населения Хакасии, особое внимание уделяется трудовой миграции. Сделан вывод об опережающих темпах роста населения Хакасии в советский период по сравнению с общесоюзными показателями: вместе с тем об относительно низких темпах роста численности хакасов по сравнению с тувинцами и алтайцами. Отмечено негативное влияние на состояние этноса либеральных реформ 1990-х гг. – начался процесс депопуляции. Адаптация населения к изменившимся условиям произошла только в начале 2000-х гг., прирост населения происходил за счет рождаемости и трудовой миграции.

Ключевые слова: Хакасия, население, хакасы, миграция, рождаемость, заболеваемость, смертность, адаптация.

V.N. TUGUZHEKOVA

ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN KHAKASSIA OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Khakass Research Institute
of Language, Literature and History,
23, Shchetinkin str., Abakan, 655017, Russian Federation

The purpose of the article is to analyze main indicators of ethno-demographic processes in Khakassia in the XX–XXI centuries: Khakass population number, their birth and death rates. The article reveals the factors that led to the change in the ethnic composition of the region. In particular, great attention is paid to migrations, which have changed the ratio of the national composition and significantly reduced the share of the Khakass in the total population of Khakassia. The author examines the issue of the external, labor migration effect on the population formation as a new phenomenon of social-economic development of national regions in Siberia. The author analyzes main trends of ethno-demographic processes in 1990s and identifies 3 groups of migrants. It is proved that the Kyrgyz prevail among labor migrants in Khakassia. The author reveals the reasons for the excess of mortality over the birth rate in the late 1980s – early 1990s, studying main diseases among the Khakass population, which influenced the reduction of life expectancy.

The study of ethno-demographic processes in Khakassia in the late XX – early XXI centuries led to conclusion, on the one hand, about the advanced rates of the population growth in Khakassia during the Soviet period in comparison with the rest of the country and, on the other hand, about much lower growth of the Khakass population compared with the Tuvinians and the Altaians. The characteristic feature in the Soviet period was the region's rapid industrial development, which led to the large migration flow and population growth. The share of the indigenous ethnic group decreased from 75 % (1924) to 11 % (1989). The liberal reforms of the 1990s had a negative impact on the ethnic group's state. The collapse of the Soviet Union and reforms in Russia changed the political and socio-economic situation. Economic problems became extremely acute. The process of depopulation, especially among the Khakass, started. In 1989 the average life expectancy of the Khakass was 64 years – 5 years less than that of the total population of Khakassia. The death rate of the Khakass men was significantly higher than that of the other men living in the region. Adaptation of the population to the changed conditions took place only in the early 2000s. There was a natural increase in the population due to the birth rate and labor migration. Some changes occurred in the structure of the migration process. Representatives of indigenous nationalities of the CIS countries started prevailing among the migrants in Khakassia.

Key words: Khakassia, inhabitants, Khakass, migration, reform, population, birth rate, morbidity, mortality, adaptation.

Валентина Николаевна Тугужекова – д-р ист. наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, директор, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, e-mail: khaknauka@yandex.ru.

Valentina N. Tuguzhekova – Doctor of Historical Sciences, Professor, N.F. Katanov Khakass State University, Director, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

Республика Хакасия расположена на юго-западе Восточной Сибири в левобережной части бассейна р. Енисей, на территории Саяно-Алтайского нагорья и Хакасско-Минусинской котловины. Ее площадь – 61,9 тыс. км², протяженность с севера на юг – 460 км, с запада на восток (в наиболее широкой части) – 200 км. На севере, востоке и юго-востоке Хакасия граничит с Красноярским краем, на юге – с Республикой Тыва, на юго-западе – с Республикой Алтай, на западе – с Кемеровской областью.

3 июля 1991 г. Хакасская автономная область преобразована в Республику Хакасия в составе Российской Федерации. Численность населения Хакасии на 01.09.2016 г. составляла 538,3 тыс. чел.¹, к концу года она несколько сократилась и на 01.01.2017 г. составила 537,7 тыс. чел.². Титульный этнос республики – хакасы: в 1896 г. их было около 40 тыс. чел., в 1914 г. – свыше 40 тыс., в 1917 г. – 46,8 тыс., в 1926 г. – 45,9 тыс., в 1959 г. – 57 тыс., в 1979 г. – 69 247 чел. [1, с. 3]. В 1989 г. на территории СССР проживало всего 81,4 тыс. хакасов, из них в РСФСР – 79,3 тыс., в том числе в Хакасии их было 62,9 тыс. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность хакасов в России составляла 72 959³, из них в Хакасии – 63 643 чел.⁴

В течение XX в. численность хакасов росла, но в разные периоды разными темпами (см. таблицу).

Однако в XXI в. численность хакасов, живущих в России, начинает снижаться: если в 2002 г. их было 75 622 чел.⁵, то по итогам переписи 2010 г. – 72 959⁶. Подобные процессы были характерны и для конца XIX – начала XX вв. Так Н.М. Ядринцев указывал на стремительную депопуляцию «минусинских инородцев» (хакасов) во второй половине XIX в. [1, с. 302].

Следует отметить, что интерес к жизни коренных народов Сибири был особенно характерен на рубеже XIX–XX вв. На общем собрании Енисейского губстаткомитета от 16 мая 1897 г. был заслушан вопрос о положении инородцев в Енисейской губернии и было отмечено, что «...инородцы как тунгусы, самодеды, абаканские татары приспособляются к новым экономическим условиям с трудом или совсем не приспособляются, и это отражается на уменьшении их

численности»⁷. Исследования, проведенные учеными в конце 1990-х – начале 2000-х гг., позволяют сделать вывод, что подобные процессы характерны для этносов Сибири и в условиях современных реформ.

Проблема сохранения хакасского этноса, как и 100 лет назад, остается актуальной, поэтому важнейшее значение имеет изучение демографических процессов и состояния здоровья коренного населения Хакасии. Большой вклад в изучение демографических процессов на ее территории в XX в. внес В.А. Кышпанов [2], в изучение этнических процессов в начале XXI в. – В.П. Кривоногов [3].

Основная черта формирования населения Хакасии за годы советской власти – опережающие темпы роста его численности, по сравнению со среднесоюзными. С 1926 по 1989 г. население Хакасии увеличилось более чем в 6 раз, а по стране – в 2 раза. Это было обусловлено прежде всего естественным приростом и значительным миграционным потоком. Всплеск миграции в Хакасии наблюдался особенно в 1950-е гг. – в годы освоения целины и в 1970-е гг. – в период формирования Саянского территориально-производственного комплекса, продолжался до середины 1980-х гг. Положительное сальдо миграции в Хакасии оставалось стабильным до 1987 г.⁸

С 1988 г., когда наметился спад производства, впервые за многие годы в Хакасии стала сокращаться численность работающих в народном хозяйстве. Возникла безработица. Однако в целом тенденция роста численности населения сохранялась. На 1 января 1989 г. численность населения Хакасии достигла почти 567 тыс. чел., или рост численности населения за десять лет составил почти 70 тыс. чел. (подсчитано автором).

Миграционные процессы в республике оказывали влияние не только на изменения демографической ситуации, но и национальный состав населения. С 1926 по 1989 г. численность коренного населения в Хакасии возросла с 45 870 до 62 875 чел., при этом его доля в общей численности населения Хакасии резко сократилась – с 50 % в 1926 г. до 11 % в 1989 г. По переписи 1989 г., в Хакасии проживали представители 107 национальностей. Ускоренная урбанизация, а также процесс укрупнения сел привели здесь к миграции хакасов из традиционных мест проживания. Исчезновение мелких деревень в Хакасии продолжается и сегодня, общее количество сельских населенных пунктов сократилось с 676 в 1926 г. почти до 200 к началу 1990-х гг. Эти и другие процессы ведут к утрате населением традиционного уклада жизни, потере самобытности.

Вследствие миграции выросло число хакасов, живущих за пределами своей исторической роди-

¹ Как живешь Хакасия? Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе–сентябре 2016 года // Хакасия. 2016. 3 нояб. С. 3.

² Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе 2017 года. Доклад, № 1.37.1.РХ. Абакан: Краноярскстат, 2017. С. 92.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М., 2012. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 28.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2002: в 14 т. М., 2004. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 17.

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4, кн. 1. С. 28.

⁷ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Рукописный фонд. Ф. 498. Д. 2. Л. 2, 3.

⁸ Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М., 1998. С. 48, 234.

Динамика численности хакасов в 1897–1989 гг., тыс. чел.*

Показатель	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Численность хакасов, тыс. чел.	42,7	45,6	52,8	56,8	66,7	70,8	80,3
Ежегодный прирост, %	–	+0,3	+1,1	+0,3	+1,5	+0,6	+1,3

* Составлено по: [3, с. 9].

ны. Доля хакасов, проживающих вне Хакасии, постоянно увеличивалась: в 1959 г. она составляла 14,3 %, в 1979 г. – 19,1, а в 1989 г. – уже 22,8 %. По итогам последней Всесоюзной переписи населения (1989 г.), за пределами Хакасии проживало 18,6 тыс. хакасов, почти 90 % из них жили в городах. Среди этих мигрантов шел процесс отчуждения от родных истоков, национальной культуры, языка, возникали предпосылки для процесса этнической ассимиляции [4].

Как отмечалось выше, по данным переписи 1989 г., численность хакасов в республике составила 62,9 тыс. чел., к концу 1990-х гг. – примерно 65,7 тыс. Всего хакасский этнос за последние сто лет на территории Хакасии увеличился на 53 %, в то время как рост численности тувинцев составил 470 %, а алтайцев – 150 % (подсчитано автором).

Демографическая ситуация в Хакасии в 1990-х гг. характеризовалась, с одной стороны, снижением темпов прироста численности населения, а с другой – увеличением числа умерших.

Причиной этих тенденций явились проводимые социально-экономические преобразования в обществе. Например, в Хакасии за годы реформ особенно сильно пострадало село, где фактически была уничтожена сложившаяся социальная инфраструктура: разрушена сфера услуг, закрыты многие детские сады, в плачевном состоянии находились многие сельские клубы и школы. Между тем именно в селах проживает большая часть хакасов. В 1989 г. их здесь было 64,4 %, к середине 1990-х гг. уменьшилось на 3 %. Особенно быстро сокращалось население Ширинского, Богградского и Орджоникидзевского районов. Так, с 1990 по 2001 г. население Ширинского района сократилось на 5,4 тыс. чел., Орджоникидзевского района – на 1,3 тыс. чел., Богградского района – на 1,4 тыс. чел., Усть-Абакинского – на 1 тыс. чел. [5, с. 113].

Распад СССР и кардинальные реформы в России изменили политическую и социально-экономическую ситуацию в стране, чрезвычайно обострились социальные проблемы. Спад экономики, затяжной кризис привели к снижению жизненного уровня населения страны, особенно Сибири. Численность населения в Сибири сокращалась, в последние годы отмечается процесс выезда населения из районов Севера и Сибири в европейскую часть страны. В Хакасии сформировалась тенденция сокращения прироста населения Хакасии за счет миграции. Так, с 1990 по 2000 г. ежегодный прирост населения Хакасии за счет миграции

сократился с 4246 до 1413 чел.⁹. Всего прирост населения за счет миграции за 11 лет (1990–2000 гг.) составил 25 735 чел. (подсчитано автором). Но ежегодный прирост населения за счет миграции сократился в 3 раза. Миграционные процессы в Хакасии в начале XXI в. уже не играли важной роли в формировании населения, как это было во второй половине XX в. В миграционном процессе здесь приняли участие представители разных этнических групп. Так, согласно статистическим материалам Хакасстата, можно выделить три группы мигрантов:

- народы и этнические группы РФ;
- мигранты коренных национальностей стран СНГ;
- мигранты других стран.

Среди первой группы большая миграционная подвижность отмечается среди таких народов, как русские, хакасы, татары, тувинцы, чуваша. Во вторую группу вошли украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, узбеки, таджики, киргизы. В третью группу следует включить немцев, корейцев, поляков, китайцев.

За последние годы приток мигрантов стабилизировался. Миграционный прирост незначительный, так, за 2015 г. он составил 313 чел., за 2016 г. – 190 чел., т.е. число прибывших и число выбывших почти выровнялось. В 2016 г. прибыло 24 539 чел., а вышло 24 349 чел.¹⁰.

Во второй группе мигрантов в настоящее время преобладают киргизы. Так, в связи с 15-летием образования общественной организации «Мой Кыргызстан» (регистрация 20 сентября 2002 г.) председатель организации Азизбек Чериков в интервью газете «Абакан» указал, что в настоящее время на территории Хакасии проживают 11,5 тыс. выходцев из Кыргызстана¹¹. По переписи 2010 г. киргизов в Республике Хакасия было всего 1875 чел.¹².

С 2014 г. работает программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Хакасия соотечественников, проживающих за рубежом». За два года (2015–2016 гг.) по этой программе переселились в Хакасию 790 чел., в том числе из Украины

⁹ Текущий архив Хакасстата. Аналитические материалы за 1990–2001 гг.

¹⁰ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе 2017 года. С. 93..

¹¹ Карачакова О. Кыргызской организации – 15 лет // Абакан. 2017. 20–26 сент. С. 7.

¹² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4, кн. 1. С. 117.

(50 % от числа переселившихся), Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Армении, Азербайджана, Молдовы, Германии¹³. Однако в целом значение миграционных процессов в приросте населения Хакасии снизилось.

Численность населения Хакасии с переписи 1989 г. до 2017 г. сократилась на 29,1 тыс. чел., а с переписи населения 2010 г. – на 14,5 тыс. чел. (подсчитано автором). Причем с 1993 г. смертность стала превышать рождаемость как в Хакасии, так и почти во всех регионах России.

В этих условиях особенно усилилась актуальность проблемы состояния здоровья коренного этноса Хакасии. В 1990 г. группа медиков из Новокузнецкого института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО АМН СССР впервые провела исследования состояния здоровья коренного населения девяти хакасских сел Аскизского района¹⁴.

По мнению ученых, нарушения в традиционном образе жизни влияют не только на текущее состояние здоровья населения, но и на генетические процессы в целом. Итоги исследования показали, что происходит процесс старения хакасского населения. Доля лиц старше 60 лет в Хакасии неуклонно увеличивается. В 1989 г. средняя продолжительность жизни населения Хакасии составляла 69 лет, средняя продолжительность жизни хакасов – 64 года (в том числе средняя продолжительность жизни мужчин – 58,8 лет, женщин – 69 лет). У хакасов несколько выше был показатель смертности, особенно у мужчин (если смертность мужчин на 1000 населения составила 9,3 чел., то у хакасов – 10,8).

Вызывает озабоченность показатель смертности мужчин от несчастных случаев, отравлений и травм. Анализ показал, что 30,1 % мужчин-хакасов умирают от травм; 25,4 % – от сердечно-сосудистых заболеваний (2-е место), в то время как у женщин-хакасок первое место среди причин смерти занимали сердечно-сосудистые заболевания – 57,1 %, травмы – второе место – 13,9 %, а третье место – новообразования – 13,4 %. Для Хакасии в целом ведущими причинами смерти являются сердечно-сосудистые заболевания и новообразования. В последние годы отмечен рост умерших вследствие новообразований, в отличие от болезней системы кровообращения, где отмечено снижение. Так в 2016 г. по сравнению с 2015 г. умерло от болезней системы кровообращения на 369 чел. меньше¹⁵.

Общий коэффициент рождаемости хакасов на уровне 23,5 промилле был стабильным до середины 1980-х гг., затем, в связи со сложными социально-политическими процессами в стране, показатель

рождаемости сначала увеличился до 28,8 промилле (к причинам этого можно отнести некоторую эйфорию начального периода перестройки, успехи в борьбе с пьянством и др.), а в начале 1990-х гг. резко упал – до 18,7 промилле и продолжал падать. Как считает В.П. Кривоногов, дальнейшие изменения в уровне рождаемости прогнозировать довольно сложно из-за слишком непредсказуемых социально-политических процессов в стране, которые прямым образом влияют на рождаемость.

В последние годы в связи с принимаемыми мерами поддержки рождаемости в стране и в Хакасии отмечался незначительный естественный прирост населения. Однако по итогам 2017 г. – на 1 сентября 2017 г. – в Хакасии отмечается убыль населения (на 98 чел.)¹⁶.

В 1990-е гг. перед нашим институтом стояла задача изучения процессов, происходящих среди коренного народа в условиях глобальных изменений. Из-за отсутствия в тот период своих собственных специалистов привлекались исследователи из академических институтов Новосибирска и Москвы. Совместно с Институтом философии и права СО РАН и Институтом этнологии и антропологии РАН были проведены комплексные исследования (см., напр.: [6, 7, 8]). Результаты исследований выявили проблемы, возникшие в ходе реформ. Только в начале 2000-х гг. население Хакасии стало адаптироваться к новым условиям [9].

С середины 1990-х гг. в Республике Хакасия стала создаваться нормативно-правовая база, в которой нашли отражение задачи сохранения и развития хакасского этноса. Важное внимание уделяется Государственной программе по сохранению и развитию языков народов Республики Хакасия, реализация которой происходит на основании закона «О языках народов Республики Хакасия» (1992). С 2013 г. действует Государственная программа «Сохранение и развитие малых и отдаленных сел Республики Хакасия» (2016–2018 гг.).

Итоги исследований ученых по хакасскому этносу подводились в сентябре 2013 г. на Всероссийской научной конференции «Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.» [10]. Одна из главных задач, стоящих перед научной общественностью республики, заключается в формировании устойчивого интереса хакасского населения к изучению родного языка, литературы, фольклора, истории, культуры своей малой Родины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / под ред. Л.Р. Кызласова. М., 1993. 525 с.
2. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии. 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. 348 с.
3. Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011. 252 с.
4. Тугуужекова В.Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. М., 2007. С. 114–128.

¹³ Карачакова О. Вчера – соотечественники из зарубежья, сегодня – родные абаканцы // Абакан. 2017. 11–17 янв. С. 7, 8.

¹⁴ ХакНИИЯЛИ. Текущий архив.

¹⁵ Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе 2017 года. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 106.

5. Тугужекова В.Н. Влияние миграционного процесса на этническую структуру Республики Хакасия (к. XX – н. XXI вв.) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Абакан, 2004. Вып. 5. С. 112–122.

6. Костюк В.Г., Попков Ю.В., Тугужекова В.Н. Этности Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2002. 126 с.

7. Анайбан З.В. Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М., 2005. 243 с.

8. Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения / Отв. ред. З. В. Анайбан. М., 2007. 246 с.

9. Постсоветская Хакасия. М., 2005. 482 с.

10. Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.: Материалы Всероссий. науч. конф. с междунар. участием (27–28 сентября 2013 г.). Абакан, 2013. 120 с.

REFERENCES

1. Kyzlasov L.R. (ed.). History of Khakassia from ancient times to 1917. Moscow, 1993, 525 p. (In Russ.)

2. Kyshtpanakov V.A. The population of Khakassia. 1917–1990s. Abakan, 1995, 348 p. (In Russ.)

3. Krivonogov V.P. The Khakass in the early XXI century: modern ethnic processes. Abakan, 2011, 252 p. (In Russ.)

4. Tuguzhekova V.N. Ethnic and migration processes in modern Khakassia. *Yuzhnaya Sibir v epokhu peremen: adaptatsionnye vozmozhnosti naseleniya*. Moscow, 2007, pp. 114–128. (In Russ.)

5. Tuguzhekova V.N. Impact of the migration process on the ethnic structure of the Republic of Khakassia (late XX – early XXI centuries). *Aktualnye problemy istorii i kultury Sayano-Altaya*. Abakan, 2004, vol. 5, pp. 112–122. (In Russ.)

6. Kostyuk V.G., Popkov Yu.V., Tuguzhekova V.N. Ethnic groups in Siberia under modern reforms (sociological review). Novosibirsk, 2002, 126 p. (In Russ.)

7. Anaiban Z.V. Women of Tuva and Khakassia during the Russian reforms. Moscow, 2005, 243 p. (In Russ.)

8. Alexeev P.M. Post-Soviet Khakassia. Moscow, Inter-Print, 2005, 482 p. (In Russ.)

9. Anaiban Z.V. (ed.). Southern Siberia during times of change: adaptive capabilities of the population. Moscow, 2007, 246 p. (In Russ.)

10. The Khakass ethnic group at the turn of the 20th–21st centuries: proceedings of the Russian scientific conference with international participation (27–28 Sept. 2013). Abakan, 2013, 120 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.04.2018

DOI: 10.15372/HSS20180216
УДК 393+159.9.07

О.В. ГОЛУБКОВА, Ю.Б. КОНОНОВА

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ПУТЕШЕСТВИЯХ» ДУШИ
В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ КОМИ
КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРИМИРЕНИЯ
СО СТРАХОМ СМЕРТИ***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
РФ, Москва

В статье рассматривается феномен адаптации к смерти с позиции различных психологических подходов (экзистенциального, психоаналитического) на этнографических и фольклорных материалах – на примере народных верований коми о постмортальной мобильности души. Представления коми о том, где пребывают души умерших, неоднозначны и противоречивы: души могли обитать на «том свете» (локализация которого многообразна и часто не структурирована); пребывать рядом с телом умершего, в могиле, на кладбище (воплощаться в животных, птиц, насекомых, деревья); могли стать ангелами-хранителями или предками-помощниками для своих потомков; гипотетически допускалась возможность реинкарнации в новорожденных детей (членов рода). Души обретали максимальную мобильность после смерти человека. Тема путешествия душ в различных направлениях (на «тот свет» и обратно) отменяла восприятие смерти как абсолютного конца, а переход в иной мир мог осознаваться как временный. Таким образом, снижался уровень тревоги, смягчались боль утраты близких и страх собственной смерти.

Ключевые слова: душа, страх смерти, мифология, народные верования, коми, психологическая адаптация, снижение тревоги, «тот свет», иной мир.

O.V. GOLUBKOVA, YU.B. KONONOVA

**REPRESENTATIONS ON THE SOUL “RELOCATION”
IN KOMI TRADITIONAL BELIEFS AS THE POSSIBILITY
OF PSYCHOLOGICAL RECONCILIATION WITH THE DEATH FEAR**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Akad. Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Fear of death is the main source of anxiety. To reduce the level of anxiety, people create a psychological defense based on the denial of death. The problem of psychological adaptation is shown evidently for the Komi traditional beliefs on the soul destiny after death. The authors study the phenomenon of human adaptation to death in terms of various psychological approaches (existential, psychoanalytic) using ethnographic and folklore materials.

Komi preserved pagan beliefs that a man has two souls – “lov” and “ort”. Folklore and ethnographic material contains conflicting information about places where souls stay after the person’s death. The authors divided Komi beliefs on a soul location after death into four groups: 1. Souls live in the “another world”. The location of the “another world” is diverse and usually not structured. “Another world,” heaven and hell can be on the “edge of the earth,” “far in the north,” “in heaven,” “on the top of the mountain”, under the earth, under water. “Another world’s” remoteness is aligned both horizontally and vertically. 2. The souls are next to the body of the deceased, in the grave, in the cemetery. Souls can be incarnated in some animals,

*Работа выполнена на средства гранта Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Ольга Владимировна Голубкова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: olga-11100@yandex.ru.

Юлия Борисовна Кононова – независимый исследователь (практикующий психолог), e-mail: july1075@gmail.com.

Olga V. Golubkova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Yuliya B. Kononova – independent researcher (practicing psychologist).

birds, insects, trees. 3. The souls can interact with relatives. It is not a visible entity, tutelary and ancestor. 4. The souls can be embodied in new born children – new members of the genus.

Souls gain maximum mobility after a person's death. The topic of the soul relocation in different directions (to "the another world" and back) is everywhere present in Komi folklore, mythology and beliefs. Changing the form, the souls continue to live in a new shape – among people or in another world. The road to "another world" can be perceived as a path to beginning a new stage in the soul's existence, and life continuation. Such ideas abolish the perception of death as an absolute end, and the transition to "another world" can be realized as temporary. Thus, the level of anxiety reduced, the pain of losing relatives and the fear of own death abated.

Key words: soul, death fear, mythology, folk beliefs, Komi, psychological adaptation, anxiety reduction, "that world", another world.

Страх смерти «лежит в основе всех религий, и каждая из них по-своему стремится смягчить боль осознания конечности бытия» [1, с. 9]. Смерть – наиболее очевидная осознаваемая базовая данность. Уже к 4–5 годам ребенок начинает осознавать смерть: «умер» – это навсегда. И всю оставшуюся жизнь страх собственной конечности и утраты близких преследует человека в виде неосознаваемой тревоги или разного рода психологических проблем. Страх смерти – основной источник различных видов тревоги: нормальной, невротической, экзистенциальной. Жить в вечном ужасе невыносимо, и для того чтобы снизить уровень тревоги, люди создают защиту, основанную на отрицании смерти. «Первый экзистенциальный конфликт – это конфликт между осознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить: конфликт между боязнью несуществования и желанием быть» [2, с. 87]. Наиболее ранние примеры коллективной защиты от подавляющего действия страха смерти отражены в этнической мифологии и ритуальной практике разных народов.

Проблема психологической адаптации человека к необходимости принятия смерти – базовой данности – рассмотрена нами с позиций различных психологических направлений (экзистенциального, психоаналитического) на примере мифологических представлений народа коми о том, что могло происходить с душой (душами) после смерти человека. Исследование основано на этнографических и фольклорных материалах: полевых материалах автора (ПМА)¹, опубликованных источниках (былички, сказки, причитания) и работах различных исследователей по этнографии, фольклору и психологии.

Психологические исследования показали, что поведение людей в стрессовых ситуациях становилось ритуализированным, т.е. более шаблонным и повторяющимся. Это помогало уменьшить тревогу. Так серия экспериментов, проведенных в Гарвардском университете, продемонстрировала, что ритуалы, даже самые простые, которые были специально созданы учеными в процессе исследования, уменьшали чувство горя, в том числе страдания от потери близкого человека. А групповые ритуалы, особенно сопровождавшиеся синхронным поведением, вызывали чувство социального единения, некоей общности, что помогало людям почувствовать себя физически сильнее [3].

Еще одна интересная, но пока неподтвержденная гипотеза основана на теории З. Фрейда, согласно которой ритуализация смерти помогает избавиться от чувства вины перед умершим, что связывалось с избавлением от его тела. Фрейд считал, что над телом любимого существа первобытный человек воображал духов, верил в разложение индивида на плоть и душу – первоначально не на одну, а несколько. Так, создавались представления об иных формах существования, для которых смерть – это лишь начало; возникло понятие загробной жизни после мнимой смерти [4

Швейцарский психоаналитик, специалист в области психологической интерпретации волшебных сказок, мифов и сновидений М.-Л. фон Франц, исходя из того, что люди практически полностью отождествляют себя со своим телом (с телом связаны все переживания эго-идентичности), отмечала: «... идея отождествления умершего с его телом всегда представляла для человека трудность, <...> со временем примитивная идентификация мертвого человека с трупом постепенно растворяется в некоем символе "конкретной идентичности" (сосуда или вместилища). Но, очевидно, умерший должен был обладать "телом" для того, чтобы не потеряться в пространстве и сохранить временное жилище на случай, если он захочет навестить свою семью» [5, с. 15–17]. Таким образом, для того чтобы изменить восприятие мертвого тела близкого человека, людям необходимо совершать символические действия. В результате проведения обрядов умерший переставал быть человеком и превращался в объект, который можно покинуть, не испытывая вины [4, S. 47–50]. Кроме того, в контексте смерти «ситуация похорон может быть охарактеризована как нарушение соответствия между социальным и биологическим состоянием человека, физическая смерть не равноценна социальной. Для того чтобы человек стал мертвым и в социальном плане, необходимо совершить специальное преобразование, что и является целью и смыслом погребального ритуала» [6, с. 101].

В целом страх смерти связан с переживанием человеком себя как существующего во времени. В силу односторонности времени человек после рождения, в процессе социализации, приобретает не только свое личное прошлое, но и общечеловеческое, а в момент смерти теряет всякое будущее и выпадает из процесса времени. Основными же мифоритуальными инструментами, призванными снимать экзистенциальный страх смерти, являются концепция инобы-

¹ Материалы этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН.

тия (жизни после смерти) и представление о наличии нематериальной, духовной (бессмертной) субстанции в человеке.

Зафиксированные представления коми о душе неоднозначны и в ряде случаев, противоречивы. Прежде всего, в противоречие вступают народные воззрения о наличии у человека двух душ – *лов* (лол) и *орт* (подробнее см.: [7; 8; 9, с. 7–15; 10, с. 21–256]) – с христианской верой о единстве души. Во-вторых, неоднозначны суждения о возможности или невозможности возвращения душ умерших в мир людей – как на время (например, для встречи с родственниками), так и вследствие возможных. В-третьих, сложным и запутанным является вопрос о месте пребывания душ после смерти человека. Фольклорный и этнографический материал представлен большой вариативностью сюжетов на эту тему. Известный этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности Е.П. Барсов писал, что «...представления о формах загробного существования делятся: с одной стороны, представляется, что душа продолжает жить в устроенном для нее домовище, с другой, как будто она совсем оставляет этот свет и живет в надзвездном мире» (цит. по: [11, с. 115]). Схематично воззрения коми о том, где могут пребывать души умерших, можно разделить на четыре группы.

1. Представления об обитании душ на «том свете», локализация которого многообразна и часто не структурирована. Для православного народа коми одной из ключевых являлась христианская концепция о рае и аде, которая не могла не повлиять на общую картину представлений. Однако «тот свет» не ограничен раем и адом (в их библейском понимании), он гораздо шире и разнообразнее. Более того, сами воззрения о рае и аде у коми представляют собой комбинацию народно-христианской (апокрифической) и традиционной (языческой) мифологий [12, с. 55, 76]. По фольклорным текстам и данным этнографии, «иной мир», «тот свет», равно как рай и ад, могли находиться на «краю земли», где-то «далеко на севере» или «на небесах», «на высокой горе», под землей, под водой (подробнее см.: [9, с. 21–25; 12, с. 55, 76, 328; 13]). То есть удаленность «того света» выстраивалась как по горизонтальной, так и по вертикальной шкале.

2. Душа умершего могла пребывать в непосредственной близости с телом (до погребения), а после похорон обитала в могиле или рядом с ней. Практика поминовений на кладбищах широко распространена не только у коми, но также у русских и других народов. Однако именно у коми были записаны высказывания о том, что одна из душ (вероятно, *орт*) находится рядом с могилой и не может надолго отлучиться от этого места. *Одна душа навсегда с телом связана. Когда человек умирает, его дух на кладбище живет². Душа тоже кушать хочет, на могилах обязательно надо пищу оставлять. Носим стряпню, конфеты,*

² ПМА 2008: Республика Коми, Прилузский район, с. Объячево.

чай сладкий наливаем³. Прилузские коми просверливали в гробах три отверстия, назначение которых объясняли следующим образом: чтобы душа могла выходить, на белый свет посмотреть, когда пожелает; чтобы дух покойного на свободу вылетал; чтобы покойник в гробу не задохнулся; нельзя совсем закрытым хоронить, а то душе ходу не будет⁴. Ижемские зыряне в крышке гроба устраивали оконце, чтобы покойный «мог смотреть» в этот мир [14, с. 329]. Иными словами, душа осмысливалась как субстанция, обладающая телесными свойствами и испытывающая потребности живого существа. По общему представлению финно-угорских народов, одна из душ⁵ после смерти человека оставалась вблизи кладбища, затем превращалась в насекомое, а когда оно умирало, прекращалась и жизнь души [8, с. 178; 15, с. 119–145; 16, с. 100]. Широко были распространены и верования, согласно которым души могли воплощаться в животных и птиц, обитающих на кладбище, в деревья, растущие около могил. Этим можно объяснить запреты ломать деревья на погостах, убивать насекомых и мелких грызунов, отгонять собак и птиц от могил; принято оставлять для них угощение⁶. В ряде мест (в Прилузье, на Ижме, Удоре, в Нижнем Приобье) рядом с могилами сооружали кормушки для птиц и скворечники [9, с. 69; 17].

3. Душа умершего могла находиться рядом с живыми людьми (родственниками, потомками) как невидимая сущность, ангел-хранитель, предок-помощник. По многочисленным рассказам, некоторые люди ощущали незримое присутствие, иногда покровительство со стороны умерших предков. При этом информанты точно знали, кто именно из родственников вступал с ними в контакт, чем-то помогал или спасал от неминуемой беды. Нередко общение с умершими происходило через сновидения, в которых покойные давали важные советы. Следуя им, сновидцы осознавали, что поступают правильно. *Собралась пойти в тайгу за клюквой. А мне ночью мама приснилась, говорит: не ходи, сиди дома. Мне что-то не по себе стало, боязно, будто наяву покойную маму увидела. Осталась дома. Потом пришли охотники из тайги, говорили, что там медведи ходят, много медведей развелось. Может, мама меня от смерти уберегла⁷. Таким образом, подобное «общение с умершими» приносило эмоциональное спокойствие, чувство защищенности, повышало уверенность в своих силах. В ряде случаев для того, чтобы передать информацию родственникам (предупредить об опасности или предстоящей*

³ Там же, с. Ношуль.

⁴ Там же, с. Объячево.

⁵ У коми – это душа *орт*.

⁶ ПМА: Республика Коми: Ижемский район (с. Ижма, д. Бакур), Прилузский район (с. Летка, с. Объячево); Тюменская обл.: ХМАО–Югра (пос. Березово, пос. Саранпауль), ЯНАО (пос. Восяхово); Омская обл.: Горьковский район (с. Кирсаново), Калачинский район (с. Воскресенка, д. Кибер-Спасск), Тарский район (д. Имшегал).

⁷ ПМА 2011: Тюменская область, ХМАО–Югра, с. Саранпауль.

кончине члена семьи, иногда просто «повидаться»), души умерших на некоторое время принимали видимый облик – двойника (тень) покойного, некоторых животных или птиц⁸.

4. Допускалась возможность **реинкарнаций душ в новорожденных детей** – новых членов рода. «Любой младенец – это есть возвращенный на землю покойник» [18, с. 29]. У коми не зафиксировано прямых упоминаний о вере в переход душ умерших в потомков. Однако возможность вторичного рождения, характерная для мировоззрения индоевропейских народов (восходящая к праиндоевропейским основам), известна славянским и финно-угорским народам – как по фольклорным и этнографическим источникам, так и по реконструкциям [6, с. 40–41; 16, с. 99–112; 18, с. 29–33]. Это дает основание предполагать вероятность аналогичных верований у коми. Реинкарнация в рамках родственных групп являлась одной из возможностей сохранить память об умерших, а также олицетворяла желание жить, привязанность к месту, потомкам, причастность к будущему [16, с. 112].

Таким образом, представления о продолжении жизни душ в новых воплощениях отменяли восприятие смерти как абсолютного конца, переход в иной мир мог осознаваться как временный, соответственно, смягчалась боль утраты и снижался страх собственной смерти. В кризисных ситуациях (таких как смерть) коллектив стремился компенсировать утрату. В традиционных обществах такую компенсаторную роль выполнял ритуал. Оказывая психотерапевтическое воздействие, ритуал способствовал объединению людей, их сплоченности, преодолению одиночества, снижению уровня тревоги. Ритуал превращал сложные переживания индивида в согласованную систему символов, предлагал ему образ простого и упорядоченного мира [19, с. 118–134].

Для коми⁹ характерно постоянное, буквально повседневное, общение с умершими. Это поминовения «родителей» за обедом, их ежедневное «угощение» (в красном углу ставили стакан с горячим сладким чаем, оставляли конфеты, выпечку – для душ покойных родственников; нередко там же находились фотографии усопших), а также частое посещение кладбищ (в летнее время – обычно каждую неделю, по субботам)¹⁰. Психологически проживание горя, связанного с потерей близких людей, переходя в повседневный ритуал, способствовало снятию тревоги и формировало ощущение не полноты, а лишь частич-

ной утраты (которое подкреплялось представлениями о незримом присутствии душ умерших рядом с живыми). Соответственно, горевание и частые поминовения родственников стимулировали психическую устойчивость к стрессовым ситуациям и в определенной степени облегчали переживание горя.

Итак, согласно верованиям коми, душа продолжала жить в новом облике – среди людей или в ином мире, ее возвращения могли быть циклическими. Различные варианты перемещения душ объединял мотив дороги, мобильности, причем в двух направлениях: движение происходило как в загробный мир, так и обратно. То есть после смерти человека его души (в отличие от тела) не пребывали в статичном состоянии, а напротив, обретали максимальную мобильность.

Первое путешествие души *лов*, описание которого повсеместно присутствует в этнографических материалах и фольклоре коми, – это дорога на «тот свет». Образ дороги основывался на представлениях о смерти как о переселении в значительно удаленную область, которое совершалось «в форме путешествия» [11, с. 115–116]. На этом пути встречались труднопреодолимые препятствия (кипящая/огненная река, каменная/ледяная гора) [9, с. 21; 13, с. 146–147], которые можно сопоставить с инициальными обрядами. В этом случае их цель – обеспечить «правильный» переход души в иное состояние. Вторая душа – *орт* (внешняя душа-тень, двойник человека) – в момент кончины также начинала путешествие, однако совершенно иного порядка: за сорок дней она посещала все земные дороги, которые при жизни прошел человек, но только в обратном порядке, возвращаясь в точку исхода – в момент рождения [7; 8; 9, с. 10–12]. Посмертное странствие души *орт* было символично: оно завершало земной жизненный цикл человека возвращением к началу. Человеческая жизнь коррелировала с циклическостью времени и пространства, и, таким образом, представления о смерти осознавались перенесенными из категории небытия в категорию перехода в иное состояние.

Исследование народных верований применительно к решению проблемы психологического стресса, инициируемого страхом своей смерти и утраты других членов социума, показывает, как мифологическое мировосприятие¹¹ помогало облегчить переживание горя. Видимо, поэтому тема путешествия душ в различных направлениях (на «тот свет» и обратно) была актуальна и широко распространена в фольклоре и мифологии коми, что находило воплощение в разнообразных сюжетах и нарративах. Представления о мобильности душ после смерти отрицали смерть как состояние небытия. В этом смысле дорога в иной мир могла восприниматься как путь к началу нового этапа существования души и ее возможным перевоплощениям, а значит – к продолжению жизни.

⁸ О душах *орт* и *урэс* (у северных коми), принимающих видимый облик, см.: [7; 8; 9, с. 10–14; 10, с. 22–39; 248–255].

⁹ В данном случае идет речь о носителях культурной традиции – информантах преимущественно пожилого возраста, проживающих в сельской местности.

¹⁰ ПМА: Республика Коми: Ижемский район (д. Бакур, с. Сязьбск), Прилузский район (с. Летка, с. Объячево, с. Ношуль); Тюменская обл.: ХМАО–Югра (пос. Березово, пос. Саранпауль), ЯНАО (пос. Восяхово, пос. Овгорт, с. Мужы, с. Шурышкары); Омская обл.: Оконешниковский район (д. Николаевка), Калачинский район (д. Кибер-Спасск), Тарский район (д. Имшегал, с. Васисс).

¹¹ Свойственное, прежде всего, носителям традиционной этнической культуры, каковыми являлись большинство информантов – преимущественно люди пожилого возраста, жители сельской местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
2. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
3. Norton M. I., Gino F. Rituals alleviate grieving for loved ones, lovers, and lotteries // *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014. Vol. 143 (1). P. 266–272. DOI: 10.1037/a0031772.
4. Freud S. Wir und der Tod // *Zwei monats-Bericht für die Mitglieder der Österr. Israel. Humanitäts vereine B'nai B'rith*, 1915, bd. 18, N 1. S. 41–51.
5. Франц М.-Л., фон. О снах и о смерти. М.: Куб Касталия, 2015. 234 с.
6. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
7. Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // *Этнографическое обозрение*. 1903. № 2. С. 76–86.
8. Терюков А.И. Представления коми-зырян о душе // *Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах*. М.: Наука, 1979. С. 174–182.
9. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: УрО РАН КНЦ ИЯЛИ, 1998. 125 с.
10. Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
11. Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // *Обряды и обрядовый фольклор*. М.: Наука, 1982. С. 114–127.
12. Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. Москва; Сыктывкар: изд. ДИК, 1999. Т. I. 480 с.
13. Шарпов В.Э. Символы Рая в фольклоре коми-старообрядцев // *Арт. Сыктывкар*, 2004. № 4. С. 145–148.
14. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. // *ТИЭ. Нов. сер. М.*: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 45. 394 с.
15. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // *ТИЭ. Нов. сер. М.*, 1959. Т. 51. С. 117–156.
16. Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 352 с.
17. Голубкова О.В. Орнитоморфные представления о душе у коми-зырян // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. № 3. С. 125–134.
18. Еремينا В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 208 с.
19. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

REFERENCES

1. Yalom I. Staring at the Sun. Overcoming the death fear. Moscow, Eksmo, 2009, 352 p. (In Russ.)
2. Nelson-Jones R. Theory and practice of counseling. St. Petersburg, Piter, 2000, 464 p. (In Russ.)
3. Norton M.I., Gino F. Rituals alleviate grieving for loved ones, lovers, and lotteries. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2014, vol. 143, no. 1, pp. 266–272. DOI: 10.1037/a0031772
4. Freud S. Wir und der Tod. *Zweimonats-Bericht für die Mitglieder der österr. Israel. Humanitäts vereine B'nai B'rith*, 1915, Bd. 18, no. 1, S. 41–51. (In Germ.)
5. Von Franz M.-L. About dreams and death. Moscow, Kub Kastalia, 2015, 234 p. (In Russ.)
6. Bayburin A.K. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites. St. Petersburg, Nauka, 1993, 240 p. (In Russ.)
7. Nalimov V.P. Another world in Zyryans' beliefs. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1903, no. 2, pp. 76–86. (In Russ.)
8. Teriukov A.I. Komi-Zyryans' ideas on the soul. *Etnokul'turnye protsessy v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh*. Moscow, Nauka, 1979, pp. 174–182. (In Russ.)
9. Limerov P.F. Mythology of the Another (after-death) world. Syktyvkar, UrB RAS KSC IFLL Publ., 1998, 125 p. (In Russ.)
10. Golubkova O.V. Soul and nature: ethno-cultural traditions of the Slavs and Finno-Ugrians. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2009, 304 p. (In Russ.)
11. Chistyakov V.A. Ideas on the way to Another world in Russian funeral lamentations. *Obryady i obryadovyy fol'klor*. Moscow, Nauka, 1982, pp. 114–127. (In Russ.)
12. Komi Mythology. Encyclopedia of the Ural mythologies. Moscow; Syktyvkar, DIC Pbl., 1999, vol. 1, 480 p. (In Russ.)
13. Sharapov V.E. Symbols of paradise in folklore of the Komi-Old Believers. *Art. Syktyvkar*; 2004, no. 4, pp. 145–148. (In Russ.)
14. Belitser V.N. Essays on Komi ethnography. XIX – early XX century. Moscow, 1958, 394 p. (In Russ.)
15. Chernetsov V.N. Ob-Ugrians ideas on the. *Trudy Instituta etnografii. N.s. Moscow*; 1959, vol. 51, pp. 117–156. (In Russ.)
16. Baulo A.V. (ed.). *Khanty from River Synya*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 2005, 352 p. (In Russ.)
17. Golubkova O.V. Ornithomorphic Komi-Zyryans ideas on the soul. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2007, no 3, pp. 125–134. (In Russ.)
18. Eremina V.I. Ritual and folklore. Leningrad, Nauka, 1991, 208 p. (In Russ.)
19. Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogol'sha V.M. Interpersonal communication. St. Petersburg, Piter, 2001, 544 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.04.2018

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180217
УДК 94(47).073.5

Д.Ю. ПЛОТНИКОВ

СОКРУШЕНИЕ ПРОТИВ ИЗМОРА: БЛОКАДА КАРСА В 1855 г. В СВЕТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, д. 8.

Статья посвящена блокаде турецкой крепости Карс в кампанию 1855 г. в Крымской войне 1853–1856 гг. Изучение эпизода позволяет пролить свет на представления русского и английского командования – конкретно генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева и бригадного генерала Ф. Вильямса – о стратегическом характере Крымской войны. Установлено, что мышление Н.Н. Муравьева, лежавшее в русле наполеоновской догмы и стратегии сокрушения, вынуждало его придавать чрезмерное значение силам противника в Карсе. Напротив, Ф. Вильямс сумел понять, что война протекает в русле стратегии измора с ограниченными целями и соответствующим образом организовал оборону Восточной Анатолии. В результате устаревшие представления русского командования о стратегии, не отвечавшие условиям Крымской войны, не позволили войскам Отдельного Кавказского корпуса полностью реализовать свои возможности в ходе кампании 1855 г.

Ключевые слова: Крымская война, Кавказский ТВД, стратегия сокрушения, стратегия измора, Н.Н. Муравьев, Ф. Вильямс.

D.YU. PLOTNIKOV

ANNIHILATION VS. ATTRITION: KARS' BLOCKADE IN 1855 IN THE LIGHT OF STRATEGIC PERCEPTION OF RUSSIAN AND ENGLISH COMMAND

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to establish the influence of the Russian and English strategic perceptions exerted in the course of the blockade of Kars over the planning, the conduct of operations, and the results of the 1855 Caucasian campaign of the Crimean War of 1853–1856. The existing historiography of the Crimean War at the Caucasian theater of operations tends to create factual accounts or review tactical and operational methods, or the armies involved. However, the existing body of research does not complement the tactical and operational criticism with the analysis of the opposing side's strategic perceptions. The article is based on the dialectical approach to the history of the military art, introduced by Hans Delbrück, who viewed the evolution of military art as the interaction of two opposing principles – annihilation and attrition. When applied to the analysis of Kars' blockade in 1855, this approach allows establishing that the Russian command represented by N.N. Muraviev, the general of infantry, the Commander of the Separate Corps and the Viceroy of the Caucasus, was trapped within the paradigm of annihilation going back to Napoleonic Wars. Because of this approach, the Russian general devoted all his attention to Kars' blockade, which had harbored the greater portion of Turkish Anatolian Army. As a result, he generally ignored another important operational objective – Erzurum, the capital of the Eastern Anatolia and the city of considerable economic, political and strategic importance. On the other hand, the allied side represented by the British brigadier-general F. Williams, demonstrated more flexible

Дмитрий Юрьевич Плотников – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: d.plotnikov@alumni.nsu.ru
Dmitrii Yu. Plotnikov – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

strategic thinking that allowed perceiving conflict through the lens of the strategy of attrition with limited goals. This approach, combined with the understanding of the weaknesses of the Russian strategy, ensured more effective warfare on the Allied side and allowed keeping such an important asset as Erzurum until the campaign end, ultimately, until the peace negotiations.

Key words: Crimean War; Caucasian theater of operations, strategy of annihilation, strategy of attrition, N.N. Muraviev, F. Williams.

История военного искусства – это история эволюции теории и практики ведения войн. По справедливому замечанию К. Клаузевица, «всякая эпоха имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия, свои собственные затруднения» [1, с. 535]. В Новое время почти каждая большая война становится самостоятельной эпохой в военном отношении. Это в полной мере относится к Крымской войне 1853–1856 гг. Первый с 1815 г. конфликт великих держав продемонстрировал необходимость новых подходов к военному искусству, показав несоответствие наполеоновской стратегии новым условиям.

Для анализа стратегических различий между наполеоновскими войнами и Крымской войной наилучшим образом подходит метод Ганса Дельбрюка, рассматривавшего стратегию как диалектическое взаимодействие двух принципов – сокрушения и измора. Стратегия сокрушения преследует «разыскать главные силы противника, их разбить и развить преследованием победу» [2, с. 204], пока побежденный не примет любых условий. Стратегия измора же направлена «не столько на то, чтобы сокрушить неприятеля, сколько на то, чтобы путем нанесения ему ударов и ущерба всякого рода довести его до такого упадка и утомления, что он ... предпочтет принять условия победителя» [2, с. 204]. При этом необходимо отметить, что и сокрушение, и измор могут преследовать как самые решительные, так и ограниченные цели, поэтому для всякой войны надо уяснить не только ее стратегическое содержание, но и масштаб преследуемой политической цели.

Наполеон, с его стремлением к полному уничтожению вражеских войск и неприятельской способности к сопротивлению, дал миру ярчайший образец стратегии сокрушения. Однако уже в середине XIX в. принципы наполеоновской стратегии оказались малопригодными в условиях иной войны. Стратегическая действительность вступила в конфликт с господствующей теорией, и от способности воюющих сторон руководствоваться реальным содержанием войны, а не вынесенными из другой эпохи заветами, зависела и мера их успеха. Блокада крепости Карс в кампанию 1855 г. на Кавказском театре военных действий представляет в этом отношении большой интерес. Поэтому цель статьи – установить, как блокада Карса иллюстрирует стратегическое мышление русского и английского командования и как это мышление сказалось на ходе кампании.

Историография неоднократно обращалась к блокаде Карса в 1855 г. М.И. Богданович описал разногласия, возникшие в англо-турецком лагере по поводу обороны крепости, указал, что Карс был важен исключительно как пункт сосредоточения вражеских сил, и не упустил из виду, что Эрзерум также был потенциальной целью [3, с. 581]. Е.В. Тарле [4, с. 481] и Х.-М. Ибрагимбеги [5, с. 268] отметили, что именно Карс находился в центре внимания обеих воюющих сторон. С этим согласился и Н.В. Скрицкий, хотя характеристика Карса как «оплота Малой Азии» [6, с. 369] – явное

преувеличение. Л.Г. Бескровный указал, что решение о действиях против Карса было принято, «учитывая дислокацию турецких сил» [7, с. 281], подчеркнув внимание русского командования исключительно к полевым войскам противника, с чем согласился и А.В. Шишов [8, с. 422–423; 9, с. 348–349]. У.Э.Д. Аллен и П.П. Муратов осудили союзное командование за сосредоточение сил в Карсе вместо обороны Соганлугского хребта [10, р. 85]. Наконец, Дж. Ш. Кергисс [11, р. 411] и В.В. Дегоев [12, с. 261] указали, что Отдельный Кавказский корпус мог успешно наступать в направлении Эрзерума, но не воспользовался этой возможностью.

Таким образом, историки соглашались, что для русской стороны Карс не имел самостоятельной ценности и был важен лишь как пункт сосредоточения турецких войск. С этой точки зрения решение его оборонять было ошибочно, но и русские войска не сумели добиться максимального успеха, связанного с наступлением на Эрзерум. Попытки проанализировать оборону Карса через стратегические представления противостоящих сторон не предпринимались. Одним из немногих авторов, рассматривавших Крымскую войну в контексте стратегического мышления сторон и диалектики сокрушения и измора, был А.А. Свечин [13, с. 43–44], но его работа не включала анализ военных действий в Закавказье.

После поражений 1854 г. фактическое руководство турецкой Анатолийской армией осуществлял полковник (позднее бригадный генерал) британской армии Ф. Вильямс. С русской стороны ему противостоял генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев – наместник Кавказский и командующий Отдельным Кавказским корпусом. На причерноморском Батумском направлении находились турецкая группировка до 8 тыс. чел. [14, с. 83] и русский Гурийский отряд – 10 тыс. чел. при 28 орудиях [4, с. 620]. Главные силы русских войск – 34 500 чел. при 88 орудиях [15, с. 341–342] – сосредоточивались в Ахалцихе и Александрополе; на Баязетском направлении располагался Эриванский отряд в 5 тыс. чел. при 8 орудиях [16, с. 277–278]. Большая часть турецких сил – 16 900 чел. в регулярных войсках [17, р. 4], 800 вооруженных местных жителей [17, р. 12] и нерегулярные части [18, р. 82–83] – сосредоточилась в Карсе, а до 6 тыс. чел. с 16 орудиями прикрывали путь на Эрзерум со стороны Баязета [4, с. 579]. Не вызывало сомнений, что русским предстояло наступать, а туркам – обороняться; вопрос состоял лишь в том, на каком рубеже Анатолийская армия встретит противника.

В этом отношении союзники имели два варианта. При вынесении рубежа обороны вперед, к русской границе, возможными узлами обороны становились крепости Ардаган и Карс и ряд укрепленных позиций в долине Верхнего Евфрата на дороге из Баязета в Эрзерум. Поскольку из всех этих пунктов сильными фортификациями отличался лишь Карс, укрепленный усилиями англичан [18, р. 52–58], то при выборе передового рубежа он становился главным очагом сопротивления. Второй вариант подразумевал пе-

ренос обороны в глубину, на тактически более выгодный рубеж – горный хребет Соганлуг. Он преграждал две кратчайшие дороги от Карса на Эрзерум, в то время как кружные пути через Ольту и Баязет были существенно длиннее и не имели больших удобств. Горные перевалы представляли серьезные преимущества для обороны, но выбрать этот рубеж означало без боя уступить русской армии Ардаган, Карс и Баязет. Тактически Соганлуг был предпочтителен, но выбор в пользу одного из вариантов предстояло делать на основании его стратегических достоинств.

Из разветвления сил турок очевидно, что Вильямс сделал выбор в пользу передового рубежа и конкретно Карса. Однако далеко не все разделяли его мнение. Османские полководцы, терпевшие поражения два года подряд, стремились закрепиться на максимально сильной позиции и потому тяготели к обороне Соганлуга. Еще в конце мая *мушир* (командующий) Анатолийской армии Васиф Мехмед-паша порывался оставить Карс и отступить в направлении Эрзерума [17, р. 7]. Прибывшему в крепость Вильямсу пришлось употребить «все меры, чтобы пробудить энергию мушира» [17, р. 8] и переубедить его. Курс на оборону Карса приходилось проводить в борьбе, и держался он только на воле и авторитете Вильямса – очевидно, что для английского генерала это решение имело принципиальное значение.

Генералу Муравьеву оно представлялось весьма странным. Пеня Вильямсу за намерение отстаивать крепость до последнего вместо того, чтобы держаться на горных перевалах, и указывая, что только сосредоточение турецких войск придавало Карсу оперативное значение, историки воспроизводят точку зрения и аргументацию наместника Кавказского. Тот отмечал, что расположенный на равнине Карс не представлял, в отличие от горных цепей Восточной Анатолии, больших удобств для обороны. Крепость была ценна как опорный пункт для турецкого наступления вглубь русского Закавказья [19, с. 328], но никоим образом не блокировала путь в сердце Восточной Анатолии. С точки зрения Муравьева, Карс приобрел ценность лишь после того, как Вильямс запер в нем 20-тысячный гарнизон: «с приобретением сей крепости, не ключ приобретали мы к Малой Азии, а поражали все действующие силы неприятеля» [19, с. 330]. Недаром в перечне оперативных целей Муравьева Эрзерум фигурирует без уточняющих комментариев, а вот соседствует с ним не просто Карс, а «Карс с турецкой армией» [20, с. 53]. Эрзерум важен уже своим стратегическим положением, в то время как Карс ценен для Муравьева исключительно как пункт сосредоточения вражеских сил.

Муравьев счел бы действия Вильямса более разумными, если бы тот решил уступить Карс без боя. Тогда он мог встретить русские войска на сильной позиции, штурмовать которую в отсутствие большого численного превосходства было бы рискованно. «Подкрепления из Эрзерума могли бы, по частям, беспрепятственно присоединиться к анатолийской армии и усилить ее до такой степени, что она, может быть, в состоянии была бы ... перейти в наступление... К чему бы нам послужил тогда Карс?» [19, с. 330]. Преимущества позиции на Соганлуге были для Муравьева очевидны, и решение Вильямса вынести рубеж обороны к Карсу русский генерал и его историографические последователи считают ошибкой.

Такой подход вполне справедлив с точки зрения наполеоновской стратегии сокрушения. Действительно, при этом уничтожение вражеских вооруженных сил [1, с. 31] приобретает ключевое значение. Муравьев считает Анатолийскую армию главной целью кампании и полностью пренебрегает Карсом как таковым – для сокрушения, требующего «признать ничтожными все второстепенные интересы и направления, все географические объекты» [21, с. 174], существуют лишь вражеские войска. Преимущества Соганлуга также бесспорны с наполеоновской точки зрения. Муравьев подчеркивает, что «туркам предстояло бы тогда оборонять внутреннюю линию огражденную природою, против сил, наступающих с двух совершенно разъединенных сторон» [21, с. 330] – иными словами, оперировать против отдельных группировок противника, пользуясь внутренним положением. Именно такие действия по внутренним линиям были кредо Наполеона I, и четкий отпечаток его военного искусства лежит на восприятии обстановки генералом Муравьевым в 1855 г.

Но если согласиться с таким подходом, то остается неясным, почему именно Карс сыграл в итоге столь важную роль на завершающем этапе войны? Почему крепость, не имевшая с точки зрения русской стратегии самостоятельного значения, оказалась самым ценным активом русской дипломатии на мирных переговорах, фактически вернувшим России Севастополь?

Эта проблема так и останется неразрешимой, пока вопрошающий не сойдет с почвы наполеоновского сокрушения и не взглянет на вопрос с более широкой – диалектической – перспективы. В 1853–1856 гг. ни один объективный фактор не располагал к переходу стратегии на рельсы сокрушения. Как отмечал А. Свечин, «несходство двух противников – морская и сухопутная державы – ведет к измору» [3, с. 43], исключая возможность смертельного удара. После вступления в войну Великобритании и Франции русской стороне пришлось отказаться от планов раздела турецких владений, сведя свои усилия к борьбе за сохранение *status quo*. Цели союзников в основном достигались через уничтожение русского Черноморского флота и его базы и также не требовали каких-либо экстраординарных успехов. Главной точкой приложения сил становился географический пункт – Севастополь, а не армии одной из воюющих сторон. Во всех без исключения отношениях Крымская война была войной на измор, причем с ограниченными целями.

Стратегическая природа борьбы властно накладывала свой отпечаток на характер военных действий. Для воюющих держав в 1853–1856 гг. полное подавление вражеской способности к сопротивлению было заведомо невозможно, а условия мира не сводились к требованию безоговорочной капитуляции, являясь предметом торга. В этой ситуации политические требования подталкивали стратегию не к погоне за вражеской армией, а к борьбе за ценные залого, имеющие значение на переговорах. На роль таких залогов лучше всего подходили «географические пункты, олицетворяющие политические и экономические интересы» [3, с. 181], значение которых в стратегии измора повышается многократно, особенно с поправкой на ограниченные цели. В этом свете главной задачей Вильямса было сохранить не Анатолийскую армию, а выгодную конфигурацию фронта, не отдающую в руки

русским никаких важных географических пунктов. Ему требовалось удерживать Эрзерум и Карс как можно дольше – хотя бы до падения Севастополя, позволявшего союзникам выдвинуть условия мира и оказать помощь Анатолийской армии. В идеале же успешная оборона должна была продолжаться до самых мирных переговоров, чтобы у русской стороны не было на них кавказских козырей.

Такая задача требовала выноса обороны на самый передний рубеж. Стратегия должна была подчиниться политике; отстаивать Карс, неудобный для обороны, но политически ценный, требовалось до последней крайности – недаром о судьбе крепости так беспокоился министр иностранных дел Великобритании лорд Кларендон [13, с. 263]. Свою работу Вильямс выполнил на совесть, и лишь железная воля Муравьева, продолжившего блокаду крепости даже после неудачного штурма 17 (29) сентября и прибытия новых турецких войск на черноморское побережье, позволила русским войскам добиться сдачи обессиленного гарнизона и взять Карс.

Напротив, отступив на более выгодный с чисто военной точки зрения Соганлуг, Вильямс без боя отдал бы русским важный козырь, причем в самом начале кампании, задолго до вступления союзников в Севастополь и возможности как мирных переговоров, так и помощи из Крыма. Русская дипломатия без всяких усилий получила бы от Кавказского ТВД необходимый минимум, что едва ли могло устроить союзников. В условиях измора с ограниченными целями оценка ситуации Н.Н. Муравьевым переворачивалась с ног на голову. Не Карс оказывался бесполезным для русских при наличии еще не разбитых турецких войск, а, напротив, Анатолийская армия, заботливо сбереженная на Соганлуге для так и не состоявшегося решающего столкновения, имела бы весьма невысокую ценность на мирных переговорах в сравнении с отданным русской стороне Карсом.

Тот факт, что Вильямс лучше понял характер борьбы и вытекающие из него требования, давал ему преимущество. Сосредоточив в Карсе 20-тысячный гарнизон, англичанин создал идеальную приманку для мыслившего наполеоновскими категориями Муравьева. Сам Вильямс, даже посвящая массу усилий обороне Карса, никогда не упускал из виду другой ценнейший залог – Эрзерум. Так, еще в сентябре 1855 г. он приказывал служившим там английским офицерам не расплывать усилий на попытки выручить Карс, а сосредоточиться на обороне города от возможных покушений с русской стороны [16, р. 176]. Муравьев же, верный заветам Наполеона, оставался слеп ко всему, кроме «решительного пункта», которым для него был Карс как средоточие турецких войск. В результате он дважды в ходе кампании (Еникейская операция в июне и Кепрюкейская – в июле) имел возможность взять Эрзерум, но не воспользовался ею ни разу. Примечательно, что Вильямс, видимо, разгадал мышление своего визави. В июле 1855 г., когда многие опасались весьма реальной угрозы Эрзеруму, английский генерал хранил олимпийское спокойствие, заявляя, что русские намереваются не брать город, а лишь опустошить местность [16, р. 62]. По всей видимости, Вильямс понял, что, имея в тылу еще не разбитые главные силы противника, Муравьев не станет размениваться на географические объекты, как бы того ни требовала политика; и это знание наберяка

только подтвердило правильность его первоначального решения оборонять Карс.

Непонимание стратегической природы войны всегда отрицательно сказывается на предпринимаемых усилиях. Ограниченные действия стратегии измора связывают волю противника гораздо меньше, чем грозящее смертельным ударом сокрушение [3, 181], и при понимании этого принципа Муравьев мог бы, блокировав Карс, направить к Эрзеруму более осмысленные и решительные усилия. Вместо этого он воздвиг себе решительный пункт в лице Карса, чем связал себя по рукам и ногам, словно война шла в рамках сокрушения – просто потому, что мыслить в другой плоскости русский генерал не умел. В русской, как, впрочем, и французской [14, с. 65–66] стратегической теории, безраздельно господствовало наполеоновское сокрушение, и некритическое следование его заветам в совершенно иной обстановке могло вести только в тупик.

Англичане в этих условиях оказались лучше других готовы воспринимать Крымскую войну как войну на измор с ограниченными целями. Объяснять это следует не стратегической дальновзоркостью британцев, позволившей им подняться до диалектического подхода к стратегии, а, скорее, полным отсутствием у них общепринятой стратегической теории – верной или ошибочной – вообще [22, р. 307–311]. В итоге в английской армии не могло быть и предрасположенности к сокрушению, тяготевшей над армиями континентальных держав. Парадоксально, но именно благодаря такой теоретической отсталости стратегическое мышление Вильямса оказалось более гибким, чем у его противника. Ригидность же русского стратегического мышления, успешно использованная противником, не позволила Отдельному Кавказскому корпусу вполне реализовать свои возможности в ходе кампании 1855 г.

Как видно, решение Ф. Вильямса оборонять Карс в кампанию 1855 г. было вполне оправданным, поскольку наилучшим образом отвечало характеру войны. Непонимание этого решения со стороны некоторых современников и последующих историков объясняется мышлением в духе стратегии сокрушения, не соответствовавшей условиям Крымской войны. Разумеется, при ведении войны на сокрушение решение Вильямса запереться в Карсе было бы столь же преступным, как и пассивность маршала Базена под Мецем в 1870 г. В условиях же измора это был взвешенный и обдуманный риск. Из-за нерасторопности союзников и упорства Муравьева он оправдался не до конца и привел Вильямса к оперативному поражению, но стратегическая победа осталась за ним. Вынеся рубеж обороны на передний край, Вильямс успешно сковал главные силы Действующего корпуса, выигрывал время до последнего и, даже потеряв Карс, сохранил еще более важный залог – Эрзерум. Напротив, Муравьев, следуя заветам наполеоновской стратегии, оставался слеп ко всему, кроме неприятельских войск, тем самым ограничив собственные успехи. Карсеская эпопея 1855 г. демонстрирует, как догматизация наполеоновского военного искусства воспрепятствовала русскому генералу в верной оценке стратегической обстановки и как представитель английской армии, не имевший подобной предрасположенности к сокрушению, оказался способен стратегически переиграть своего соперника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. 649 с.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. IV: Новое время. 368 с.
3. Богданович М.И. Крымская война, 1853–1856 гг. М., 2014. 672 с.
4. Тарле Е.В. Крымская война. М.; Л., 1944. Т. 2. 720 с.
5. Ибрагимбеили Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. 404 с.
6. Скрицкий Н.В. Крымская война. 1853–1856 годы. М., 2006. 416 с.
7. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. 361 с.
8. Шишов А.В. Полководцы Кавказских войн. М., 2001. 559 с.
9. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007. 480 с.
10. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. 614 p.
11. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979. 597 p.
12. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы, 1829–1864. Политика, война, дипломатия. М., 2009. 560 с.
13. Свечин А. Эволюция военного искусства. М.; Л., 1928. Т. 2. 619 с.
14. Турция, ее правительство и ее армии во время Восточной войны // Военный Сборник. 1861. Т. 18, № 3. С. 43–114.
15. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI. 1020 с.
16. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. 451 с.
17. The Siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. L., 2000. 261 p.
18. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. L., 1857. 346 p.
19. Карсаков А. Из записок генерал-лейтенанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. 1862. №1. С. 310–341.
20. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. 1. 328 с.
21. Свечин А. Стратегия. М., 1927. 263 с.
22. Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol // The Historical Journal. 1978. N 2. P. 307–311.
2. Delbrück H. History of the military art in the framework of political history. St. Petersburg, 2001, vol. 4: Modern times, 368 p. (In Russ.)
3. Bogdanovich M.I. Crimean War, 1853–1856. Moscow, 2014, 672 p. (In Russ.)
4. Tarle E.V. Crimean War. Moscow; Leningrad, 1944, vol. 1, 720 p. (In Russ.)
5. Ibragimbeili H.M. The Caucasus in the Crimean War of 1853–1856. Moscow, 1971, 404 p. (In Russ.)
6. Skritskii N.V. Crimean War. 1853–1856. Moscow, 2006, 416 p. (In Russ.)
7. Beskrovnyi L.G. Russian military art of the XIX century. Moscow, 1974, 361 p. (In Russ.)
8. Shishov A.V. The Generals of the Caucasian Wars. Moscow, 2001, 559 p. (In Russ.)
9. Shishov A.V. The struggle for Caucasus. XVI–XXI centuries. Moscow, 2007, 480 p. (In Russ.)
10. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953, 614 p.
11. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979, 597 p.
12. Degoev V.V. The Caucasus and the Great Powers, 1829–1864. Politics, war, diplomacy. Moscow, 2009, 560 p. (In Russ.)
13. Svechin A. The evolution of military art. Moscow; Leningrad, 1928, vol. 2, 619 p. (In Russ.)
14. Turkey, its government, and its armies during the oriental war. *Voenennyi sbornik*, 1861, vol. 18, no. 3, pp. 43–114. (In Russ.)
15. The acts of the Caucasian archeographical commission. Tiflis, 1888, vol. 11, 1020 p. (In Russ.)
16. Likhutin M.D. The Russians in Asiatic Turkey in 1854 and 1855. St. Petersburg, 1863, 451 p. (In Russ.)
17. Williams W.F. The siege of Kars, 1855: defence and capitulation. L., 2000, 260 p.
18. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. L., 1857, 346 p.
19. Karsakov A.M. Lieutenant-general Muraviev's notes on the war of 1855 in Asia Minor. *Russkiy vestnik*, 1862, no. 1, pp. 310–341. (In Russ.)
20. Muraviev N.N. The war over the Caucasus in 1855. St. Petersburg, 1877, 338 p. (In Russ.)
21. Svechin A. Strategy. Moscow, 1927, 263 p. (In Russ.)
22. Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol. *The Historical Journal*, 1978, no. 2, pp. 307–311.

REFERENCES

1. Clausewitz C. On war. Moscow, 1934, 649 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180218
УДК 94 (470.11)“1850/1900”

С.И. ЧУДОВ

**К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ
О НАПОЛНЯЕМОСТИ ХЛЕБНЫХ ЗАПАСНЫХ МАГАЗИНОВ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

ГБУ РК «ЦСЗН Эжвинского района г. Сыктывкара»,
167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, проспект Бумажников, 42

В статье на основе сравнения цифровых показателей по наполняемости зерном хлебных запасных магазинов Архангельской губернии во второй половине XIX в. впервые делается попытка определить степень достоверности отчетов губернаторов и Временника ЦСК МВД. Методология исследования базируется на принципах историзма, системности и объективности, а основу исследования составляет историко-сравнительный метод. Анализ цифровых показателей этих двух источников по наполняемости хлебных запасных магазинов показал, что они существенно различаются, но определить, какой источник достоверно отражает реалии прошлого, в настоящее время затруднительно. Тем не менее материалы этих источников можно и нужно использовать при исследовании деятельности хлебных запасных магазинов, так как они позволяют представить общие тенденции по наполняемости хлебных запасных магазинов.

Ключевые слова: хлебные запасные магазины, Временник ЦСК МВД, отчеты губернаторов, Архангельская губерния, XIX век, аграрная история, достоверность, исторический источник.

S.I. CHUDOV

**ON THE ISSUE OF RELIABILITY OF DATA
ON CEREAL RESERVE SHOPS' REFILLING IN ARKHANGELSK PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

State Budgetary Institution of Komi Republic “CSZN of Ezhva district Syktyvkar”,
167000, Komi Republic, Syktyvkar, Bumazhnikov Avenue, 42

The article determines the reliability degree of reports presented by the governors and the acting chief of the Central Inquiry Committee of the Ministry of Internal Affairs (CIC MIA) based on the numbers comparison on cereals reserve stores' refilling in Arkhangelsk Province in the second half of the XIX century. The methodology is based on the principles of historicism, systemacity and objectivity, the basic research technique is a historical comparative method. During three stages of development of the national historiography historians evaluated the reliability degree of the governors' reports in different ways. In the pre-revolutionary period, the level of information reliability of the governor's report and CIC MIA data were undoubted. The efficiency of the governors' activity was evaluated based on the analysis of their reports. In the Soviet period, the attention of historians to the subject of the governor's reports reliability increased compared to the previous period, as evidenced in growing numbers of publications. During that time the governors' reports were questioned. In the post-Soviet period research is aimed at summarizing the existing experience and postulating the governors' reports as reliable historical sources deserving historians' attention. Based on the data comparison on fullness of cereal reserve stores in Arkhangelsk Province in the second half of the XIX century the author examines the level of reliability degree of these sources on the agrarian history of Russia. The data from two sources are shown in the summary table, and their comparison allows determining their degree of reliability. Based on the analysis of two sources' data on the cereal reserve stores' fullness the author concludes that they varied over the period of 18 years under study, and it is difficult to determine which source reflects the reality adequately. However, such materials should be used in studying the activities of cereal reserve stores, as they allow representing general trends.

Key words: cereal reserve shops, CIC MIA, governors' reports, Arkhangelsk Province, XIX century, agrarian history, historical source, reliability.

Сергей Игоревич Чудов – главный специалист БУ РК «ЦСЗН Эжвинского района г. Сыктывкара», e-mail: ChudovX@mail.ru.
Sergey I. Chudov – Chief specialist of State Budgetary Institution of Komi Republic “CSZN of Ezhva district Syktyvkar”.

Хлебные запасные магазины в России XVIII – начала XX в. стали предметом активного изучения современных историков [1–17]. При этом исследователи историки обращаются к архивным материалам, в которых отражены данные о количестве зерна, хранившегося в хлебных запасных магазинах, о численности населения, которое ими обслуживалось, о количестве магазинов на исследуемой территории. Такие сведения можно найти в отчетах губернаторов, отчетах глав уездов и других документах статистического характера, которые отложились в фондах российских архивов, а также в опубликованных источниках – Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (далее – Временник ЦСК МВД).

Хронологические рамки исследования определяются второй половиной XIX в., именно этот период деятельности хлебных запасных магазинов подробно отражен в архивных материалах. Так, сохранность отчетов губернаторов Архангельской губернии дает возможность сравнить материалы отчетов губернаторов с опубликованными данными официальной статистики.

Корпус привлеченных источников включает отчеты губернаторов Архангельской губернии и Временник ЦСК МВД. Отчеты губернаторов – это официальный документ отчетности губернатора перед императором о состоянии дел в губернии. Они составлялись на основе материалов, предоставляемых уездной администрацией и позволяли канцелярии е. и. в. составлять мнение о социально-экономическом состоянии губерний. Временники ЦСК МВД представляют собой опубликованные статистические сборники материалов об экономическом и социальном положении разных губерний Российской империи. Так, данные Временника ЦСК МВД № 39 составлялись на основе материалов, собранных после неурожая 1891 г. путем рассылки специальных таблиц губернаторам из МВД.

В дореволюционный период анализом материалов отчетов губернаторов и Временника ЦСК МВД занимались Ю.Э. Янсон [18] и А.Ф. Фортунатов [19]. Базируясь на данных сельскохозяйственной статистики и материалах отчетов губернаторов, исследователи показали тенденции развития экономики в губерниях Российской империи. Кроме того, ими дано аналитическое описание отчетов губернаторов, определена их значимость для изучения аграрной истории России.

В советской историографии отчеты губернаторов активно использовались при изучении аграрной истории России. Скрупулезный анализ архивных материалов в исследованиях по аграрной истории России Б.Г. Литвака [20, 21], А.С. Нифонтова [22], Н.П. Дятловой [23], П.А. Зайончковского [24], Б.Н. Миронова [25] позволил максимально подробно охарактеризовать отчеты губернаторов как исторический источник, а в некоторых случаях поставить под сомнение достоверность цифровых показателей в отчетах губернаторов.

В современной историографии происходит переосмысление отношения к отчетам губернаторов и данных ЦСК МВД. Например, А.С. Бражникова попыталась определить отношение к данному виду источника в дореволюционное, советское и постсоветское время [26]. Аналогичное исследование выполнил А.С. Минаков, определив тенденции отношения историков к этому историческому источнику [27].

А.И. Раздорский отмечает важность, значимость и достоверность губернаторских отчетов как исторических источников [28]. М.А. Давыдов поставил под сомнение достоверность материалов ЦСК МВД при исследовании уровня урожайности [29]. В целом отношение историков к данным отчетов губернаторов и материалов ЦСК МВД положительное, несмотря на некоторый скепсис относительно достоверности некоторых данных.

В таблице представлены данные о наполняемости зерном хлебных запасных магазинов Архангельской губернии за 1867–1891 гг. Для наглядности в нее включены данные Временника ЦСК МВД и отчетов губернаторов за тот же период и по тем же показателям. Сравнение этих цифровых данных показало, что они существенно отличаются. Поскольку источник формирования этих исторических источников один и тот же, то можно предположить, что они не должны были расходиться, но это не так.

Согласно Временнику ЦСК МВД, хранимого продовольствия в 1869 г. было: 17 168 четвертей озимого и 60 189 четвертей ярового зерна. В отчете архангельского губернатора за тот же 1869 г. приведены другие цифры: 18 973 четверти озимого и 35 258 четвертей ярового хлеба. Разница в цифрах между двумя источниками составляет: по озимым хлебам – 1 805 четвертей, по яровым – 24 931 четверть, т.е. по яровым культурам расхождение огромное. Причем озимого хлеба, по данным отчета губернатора, было больше, чем по данным Временника ЦСК МВД, а по яровым культурам наблюдается противоположная ситуация: количества ярового хлеба, согласно данным Временника ЦСК МВД, значительно больше, чем отражено в отчете губернатора.

Согласно Временнику ЦСК МВД, наполняемость хлебных запасных магазинов Архангельской губернии за 1881 г. характеризовалась следующими показателями: 27 835 четвертей озимого хлеба и 87 537 четвертей ярового хлеба. Они заметно ниже данных из отчета губернатора и составляют 40 397 четвертей озимого хлеба и 142 358 четвертей ярового хлеба. Разница по озимым хлебам исчисляется в 12 562 четвертей, по яровым – 54 821 четверть.

Во Временнике ЦСК МВД количество хранимого продовольствия в 1891 г. составляло 25 798 четвертей озимого и 89 768 четвертей ярового зерна, в отчете архангельского губернатора за 1891 г. приведены другие цифры: 22 284 четверти озимого и 69 173 четверти ярового хлеба. Показатели хранимого зерна по данным Временника ЦСК МВД выше, чем в отчете губернатора: по озимому хлебу разница составляла 3514 четвертей, по яровому хлебу – 20 595 четвертей.

За некоторые годы цифры о наполняемости хлебных запасных магазинов в этих источниках почти не различаются. Разница в количественных показателях за 1880, 1882, 1886, 1887, 1890 гг. по озимым и яровым культурам варьируется в пределах 1000 четвертей, что можно отнести за счет некорректного составления отчетности.

На основе сравнительного анализа цифровых показателей наполняемости хлебных запасных магазинов по данным Временника ЦСК МВД и отчетов губернаторов попытаемся определить, сколько раз эти данные различались и какой (в %) была эта разница.

Архивные материалы и данные Временника ЦСК МВД позволяют сравнить цифровые показатели деятельности

**Запасы зерна в хлебных запасных магазинах Архангельской губернии в 1869–1891 гг., по данным отчетов
Временника ЦСК МВД и губернаторов.**

Год	Данные Временника ЦСК МВД				Данные отчетов губернаторов			
	Озимые	Яровые	Озимые и яровые	%	Озимые	Яровые	Озимые и яровые	%
1869	17 186	60 186	77 372	100	18 973	35 258	54 231	70,09
1870	18 589	66 300	84 889	100	478 191 пуд.		59 774	70,41
1871	22 564	71 000	93 564	100	24 954	45 733	70 687	75,55
1872	24 820	74 111	98 931	100	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
1873	26 189	76 040	102 229	100	428 805 пуд.		53 601	52,43
1874	27 673	77 880	105 553	100	428 639 пуд.		53 580	50,76
1875	28 409	80 480	108 889	100	469 479 пуд.		58 685	53,89
1876	28 544	81 680	110 224	100	603 428 пуд.		75 428	68,43
1877	27 301	83 766	111 067	100	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
1878	26 669	84 137	110 806	100	121 904 пуд.		15 238	13,75
1879	28 072	87 141	115 213	100	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
1880	27 040	88 858	115 898	100	27 835	87 537	115 372	99,55
1881	27 835	87 537	115 372	100	40 397	142 358	182 755	158,40
1882	26 923	83 544	110 467	100	27 055	84 319	113 374	102,63
1883	27 548	84 319	111 867	100	23 957	85 458	109 415	97,81
1884	23 958	85 457	109 415	100	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
1885	35 037	74 447	109 484	100	»	»	»	»
1886	25 753	67 389	93 082	100	26 354	71 803	98 157	105,45
1887	26 354	71 803	98 157	100	26 296	77 142	103 438	105,38
1888	26 296	77 142	103 438	100	42 089	78 774	120 863	116,85
1889	24 089	78 774	102 863	100	25 097	84 580	109 677	106,62
1890	25 097	84 580	109 677	100	25 798	89 768	115 566	105,37
1891	25 798	89 768	115 566	100	22 284	69 173	91 457	79,14

Примечание: Единица измерения – четверть, за исключением случаев, где указано иное. Цифровые показатели отражены в четвертях.

Составлено по: РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 40. Л. 157–158; Д. 23. Л. 119–120; Д. 32. Л. 30–35; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3550. Л. 301–305; Ф. 1284. Оп. 67. Д. 207. Л. 92; Оп. 69. Д. 191. Л. 3–6; Ф. 1284. Д. 199. Л. 6; Д. 213. Л. 55–57; Д. 229. Л. 86–87; Д. 240. Л. 39–40; Д. 197. Л. 44–46; Оп. 70. Д. 208. Л. 22–23; Д. 281. Л. 77–78; Д. 314. Л. 17; Оп. 223. Д. 90. Л. 39–41; Д. 148. Л. 35; Д. 152. Л. 6–8; Д. 99. Л. 61; Д. 166. Л. 28; Д. 173. Л. 14; Д. 212. Л. 27–28; Д. 166. Л. 46–47; Д. 167. Л. 6–9.

Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел № 39: Местные продовольственные капиталы губернии, сословные и общественные и хлебные запасы в общественных магазинах за 1867–1891 гг. в 44 губерниях Европейской России по данным хозяйственного департамента МВД. СПб.: ЦСК МВД, 1895. С. 15.

хлебных запасных магазинов по наполняемости хлебных запасных магазинов с 1869 по 1891 г. Следует отметить, что не за все годы сохранились материалы. При этом за некоторые годы в отчетах губернаторов цифровые материалы представлены в пудах, в то время как за другие годы наполняемость хлебных запасных магазинов указана в четвертях. Для удобства анализа необходимо перевести показатели зерна, представленные в пудах, в четверти (1 четверть равна 8 пуд.) [30, с. 249]. Кроме того, в некоторых отчетах губернаторов показатели по озимым и яровым культурам объединены, что позволяет лишь констатировать факт завышения или занижения общего объема. В некоторых случаях завышение или занижение показателей просматривается только по озимой или только по яровой культуре.

Последний столбец таблицы (%) отражает степень завышения или занижения показателей отчетов губернаторов по сравнению с материалами Временника ЦСК МВД. Данные Временника берутся за 100 % в связи с тем, что это офи-

циальный статистический источник информации о деятельности хлебных запасных магазинов. За исследуемый период данные отчетов губернаторов отличались от показателей Временника ЦСК МВД в 11 раз. Возможно, завышение показателей Временника ЦСК МВД связано с целенаправленной корректировкой показателей эффективности деятельности губернатора по обеспечению продовольственной безопасности в Архангельской губернии.

За десятилетие 1869–1878 гг. наполняемость хлебных запасных магазинов по отчетам губернаторов относительно данных Временника ЦСК МВД составляла в среднем 56,91 %, в 1878 г. – лишь 13,75 %. Наполняемость хлебных запасных магазинов в следующее десятилетие 1879–1888 гг. составляла 112,3 %, что почти в 2 раза выше предыдущего десятилетия. Необходимо учитывать отсутствие данных о наполняемости хлебных запасных магазинов за два года в первом десятилетии и за три года во втором десятилетии. Но, скорее всего, эти данные не изменили

бы ситуацию кардинально, общая тенденция наполняемости хлебных запасных магазинов по десятилетиям хорошо просматривается.

Таким образом, сравнительный анализ двух источников по наполняемости зерном хлебных запасных магазинов Архангельской губернии в исследуемый период позволил обнаружить наличие различий в цифровых показателях. Причина возникновения этих отличий не совсем ясна. Возможно, выявленные различия связаны с целенаправленной корректировкой цифровых показателей деятельности администрации архангельского губернатора в официальной статистике. Тем не менее изучение этих источников дает возможность представить общую тенденцию деятельности хлебных запасных магазинов по наполнению их продовольствием, что подтверждает ценность и необходимость включения данных источников в источниковую базу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комлева Е.В.* Казенные запасные хлебные магазины Туркханского края в первой половине XIX века // Енисейский север: история и современность. – Красноярск: Красноярской государственной педагогической университет им. В.П. Астафьева, 2016. С. 16–47.
2. *Комлева Е.В.* Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. С. 13–18.
3. *Котов П.П.* Натуральные повинности крестьян Яренского уезда в конце XVIII – первой половине XIX веков // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения Вычегодского края: тезисы докл. науч. конф. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. С. 92–96.
4. *Котов П.П.* Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород: НИУ БелГУ, 2013. Вып. 25, № 1 (144). С. 90–96.
5. *Котов П.П.* Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. I. С. 91–95.
6. *Пьянков С.А.* Сельская хлебозапасная система Пермской губернии накануне голода 1891 года // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. № 17. С. 519–526.
7. *Пьянков С.А.* Общественная польза и личная позиция: продовольственная кампания 1891–92 гг. в оценке современников // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2015. С. 34–42.
8. *Рогожина А.С.* Хлебные запасные магазины в продовольственной политике России до начала реформ Александра II // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия: История. Тверь: Тверского государственного университета, 2012. № 2. С. 143–153.
9. *Рогожина А.С.* С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России // Вопросы истории. М.: Вопросы истории, 2016. № 7. С. 75–88.
10. *Рогожина А.С.* Продовольственный устав 1834 года как правовая основа государственной политики продовольственного обеспечения российской деревни в 1830–1890-е годы XIX века // История государства и права. М.: Изд. группа «Юрист», 2016. № 18. С. 29–34.
11. *Чудов С.И.* Хлебные запасные магазины Яренского уезда Вологодской губернии // Европейский журнал социальных наук. М.: Междунар. исслед. ин-т, 2013. С. 352–360.
12. *Чудов С.И.* Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестник алтайской науки. Барнаул, 2014. № 2, 3. С. 300–303.
13. *Чудов С.И.* Законодательное регулирование и эффективность деятельности института хлебных запасных магазинов в Вологодской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник БФУ им. И. Канта. Калининград: Балт. федерал. ун-т им. И. Канта, 2015. № 6. С. 109–113.
14. *Чудов С.И.* Уровень обеспечения продовольственной безопасностью на Русском Севере в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7(57). С. 194–197.
15. *Чудов С.И.* Особенности функционирования хлебных запасных магазинов в Олонецкой губернии в XIX – начале XX века // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2015. № 3 (148). Т. 1. С. 35–39.
16. *Чудов С.И.* Сравнительный анализ цифровых показателей о посевах, урожае и количестве зерна в сельских запасных магазинах Архангельской губернии в 1870 – 1886 гг. по материалам ГААО и РГИА // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 2. С. 80–84.
17. *Ялтаев Д.А.* Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформ 1900 года // Вестник Чуваш. ун-та. 2015. № 4. С. 195–201.
18. *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1877. 254 с.
19. *Фортунатов А.Ф.* Сельскохозяйственная статистика Европейской России. – М.: Типо-литография И.Н. Кушнеров и К^о, 1893. 246 с.
20. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 374 с.
21. *Литвак Б.Г.* О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. С. 125–144.
22. *Нифонтов А.С.* Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) // Исторические записки. М., 1968. Т. 81. С. 216–258.
23. *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. С. 227–246.
24. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Наука, 1970. 444 с.
25. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
26. *Бражникова А.С.* Губернаторский отчет: изучение источника в отечественной историографии // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 12 (303). С. 83–89.
27. *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–24.
28. *Раздорский А.И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916: свод. каталог / под ред. В.В. Антонова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 913 с.
29. *Давыдов М.А.* Урожайная статистика ЦСК МВД: Можно ли выпрямить Пизанскую башню // Экономическая история: Ежегодник. М.: Ин-т российской истории РАН, 2012. С. 149–189.
30. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.

REFERENCES

1. *Komleva E.V.* State reserve cereal shops in Turukhansk district in the early XIX century. *Eniseiskiy sever: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk, 2016, pp. 16–47. (In Russ.)

2. Komleva E.V. Cereals provision of Northern Siberia (XVII–XIX centuries). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 3, pp. 13–18. (In Russ.)
3. Kotov P.P. Peasant natural servitudes in Yarensk district in the late XVIII – early XIX centuries. *Zanyatiya, promyshlennost', dukhovnaya i material'naya kul'tura naseleniya Vychegodskogo kraya: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Syktyvkar, 2000, pp. 92–96. (In Russ.)
4. Kotov P.P. Cereal reserve stocks as presented in the Russian legislative sources of the XVIII – early XIX centuries. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2013, vol. 25, no. 1, pp. 90–96. (In Russ.)
5. Kotov P.P. Forming the system of cereal and finance reserves in cases of crop failures in the Russian legislative sources of the XVIII – early XIX centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no 2, pt. 1, pp. 91–95. (In Russ.)
6. P'yankov S.A. The rural cereal reserve system in Perm' region before the famine of 1891. *Istorko-pedagogicheskie chteniya*, 2013, no. 17, pp. 519–526. (In Russ.)
7. P'yankov S.A. The public benefit and personal position: food campaign of 1891–1892 in contemporaries' evaluation. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* Ekaterinburg, 2015, pp. 34–42. (In Russ.)
8. Rogozhina A.S. Cereal reserve shops in the Russian food policy before the reforms of Aleksandr II. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2012, no. 2, pp. 143–153. (In Russ.)
9. Rogozhina A.S. S. Yu. Vitte and food problem in Russia. *Voprosy istorii*, 2016, no. 7, pp. 75–88. (In Russ.)
10. Rogozhina A.S. Food charter of 1834 as a legislative base of the state food policy to provide rural Russia in 1830–90s of the XIX century. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2016, no. 18, pp. 29–34. (In Russ.)
11. Chudov S.I. Cereal reserve shops in the Yaren district of Vologda Region. *Evropeyskiy zhurnal social'nykh nauk*, 2013, pp. 352–360. (In Russ.)
12. Chudov S.I. The problem of providing food for population in Russia during the crop failure years of the XIX century. *Vestnik Altaiskoy nauki*, 2014, no. 2/3, pp. 300–303. (In Russ.)
13. Chudov S.I. Legislative regulation and efficiency of cereal reserve stores' activity in Vologda Region of the XIX – early XX centuries. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2015, no. 6, pp. 109–113. (In Russ.)
14. Chudov S.I. The level of food security provision in the Russian North in the XIX – early XX centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7, pp. 194–197. (In Russ.)
15. Chudov S.I. Specific features of cereal reserve stores' functioning in Olonetskiy Region in the XIX – early XX centuries. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3, pt. 1, pp. 35–39. (In Russ.)
16. Chudov S.I. A comparative analysis of data on crops, yields, cereals in rural reserve shops of Arkhangelsk Region in 1870–1886 using materials of Arkhangelsk Regional Archive and the Russian State Historical Archive. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2015, no. 2, pp. 80–84. (In Russ.)
17. Yaltaev D.A. The food security provision in Kazan' region based on reforms of 1900. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 195–201. (In Russ.)
18. Yanson Yu.E. Comparative statistics of Russia and neighbouring states. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1877, 254 p. (In Russ.)
19. Fortunatov A.F. Agricultural statistics of the European Russia. Moscow, Tip.-litogr. I. N. Kushnerov & Co, 1893, 246 p. (In Russ.)
20. Litvak B.G. Essays on source studies of mass documentation. Moscow, Nauka, 1979, 374 p. (In Russ.)
21. Litvak B.G. On data reliability of governors' reports in the XIX century. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii*. Moscow, 1976, pp. 125–144. (In Russ.)
22. Nifontov A.S. Yielding statistics in Russia in the XIX century (on materials of governors' reports). *Istoricheskie zapiski*, 1968, vol. 81, pp. 216–258. (In Russ.)
23. Dyatlova N.P. The governors' reports as a historical source. *Problemy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya*. Leningrad, 1964, pp. 227–246. (In Russ.)
24. Zaionchkovskiy P.A. The Russian autocracy in the late XIX century (political response in 1880s – early 90s). Moscow, Nauka, 1970, 444 p. (In Russ.)
25. Mironov B.N. The population wellness and revolutions in the Imperial Russia. Moscow, Ves' mir, 2012, 848 p. (In Russ.)
26. Brazhnikova A.S. The governor's report: a source study in the domestic historiography. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 12, pp. 83–89. (In Russ.)
27. Minakov A.S. The governors' reports of the Russian Imperia: historiography modern problems. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)
28. Antonov V.V. (ed.), Razdorskiy A.I. Reviews of provinces, districts and cities of the Russian Empire (the annexes to reports of governors, heads of regions and mayors). 1870–1916: united catalogue. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2011, 913 p. (In Russ.)
29. Davydov M.A. Yielding statistics of CIC MIA: is it possible to straighten the leaning Tower of Pisa. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. Moscow, 2012, pp. 149–189. (In Russ.)
30. Kamentseva E.I., Ustyugov N.V. Russian metrology. Moscow, Vysshaya shkola, 1975, 328 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 01.03.2018

DOI: 10.15372/HSS20180219
УДК 351/354:331.108(091)(571.56)

А.Д. ВАСИЛЬЕВ

**«НУЖЕН ЧЕЛОВЕК ТВЕРДЫЙ, ЖЕЛАТЕЛЬНО БЫ МОРЯКА...»:
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ОБЛАСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ**

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1,

В статье впервые рассматривается кадровая политика российского правительства, направленная на формирование корпуса областных начальников Якутии (1805–1852). Анализируется процедура их назначения, освещается роль высших государственных учреждений в определении кандидатуры начальника области. На основе архивных данных рассматривается важный принцип формирования корпуса, связанный с грузоперевозками и отношениями с отдаленными пунктами северо-востока России.

Ключевые слова: областной начальник, кадровая политика, военно-морская служба, управление, Северо-Восток России, Якутская область.

A.D. VASILYEV

**«WE NEED A SOLID MAN, A SAILOR WOULD BE DESIRABLE...»:
ON THE FEATURES OF THE CORPS FORMATION FOR REGIONAL HEADS
IN THE RUSSIAN NORTHEAST**

Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS,
1, Petrovskogo str., Yakutsk, 677027, Russian Federation

The article objective is to study the personnel policy of the Russian government aiming to form the corps for regional heads in Yakutia (1805–1852). Nowadays, extensive studies are carried out in regard to the institution of governorship in the Russian Empire, but there is still no special investigation of the institution of regional heads, which operated on the outskirts of the country. The state paid special attention to the margin territories taking into account its regional peculiarities (geopolitical, economic, ethno-demographic, etc.). Undoubtedly, an important place belonged to the staff policy, because the work on the ground, especially in remote regions of the vast empire depended on the head. That is why certain criteria appeared to choose candidates for the regional heads. Functioning of this institute of the regional head in various territories of the country caused distinctive signs, which undoubtedly affected the corps formation. Thus, the research has certain relevance.

The author used a comparative method, which contributed to the analysis of the staff of the regional heads in Yakutia.

The article for the first time in the Russian historiography studies the personnel policy in relation to the Yakut regional heads. It identifies an important principle of the corps formation related to cargo transportation and close connection with remote points of the Russian Northeast.

Key words: regional head, personnel policy, naval service, management, Russian Northeast, Yakutsk Oblast'.

В XIX в. основной административно-территориальной единицей Российской империи являлась губерния, возглавляемая губернатором. В первой половине данного столетия правительство активно начинает учреждать на окраинах страны области во главе с областными начальниками.

Как правило, областью считалась «та часть империи, кои по пространству и населению своему не могла войти в общий распорядок управления», – отмечал М.М. Сперанский [1, с. 71], поэтому в отличие от губернии она имела «усеченный» состав учреждений [2, с. 12].

Айсен Данилович Васильев – аспирант, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: aysen_vasilev@mail.ru.

Aysen D. Vasilev – postgraduate student, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

Начальник области, как и губернатор, также являлся главой административно-территориальной единицы, считался «хозяином своего края», а некоторые из них были наделены губернаторскими полномочиями¹.

В настоящее время широко изучается институт губернаторства в Российской империи, но специальных работ, посвященных институту областного начальника, до сих пор не имеется.

Государство особое внимание уделяло окраинным территориям, учитывало их геополитические, экономические, этнодемографические и другие особенности. Важное значение придавалось кадровой политике, ведь от управленца в отдаленных регионах обширнейшей империи зависело очень многое.

Функционирование данного института власти рассматривается в настоящей статье на примере Якутской области (1805–1852 гг.), которая была зависима от Иркутской губернии. Этот огромный отдаленный край со сложными природно-климатическими условиями оставался форпостом на Северо-Востоке Российской империи. Численность населения области была незначительной, что и стало причиной образования области, а не губернии² или же какой-либо провинции, независимой от Иркутской губернии³. В этническом отношении преобладало инородческое население.

Особенности кадровой политики в отношении областных начальников Якутии анализируются З.И. Петуховой – на примере назначения Н.И. Мягкова [3]. Интересные сведения приводятся В.И. Вагиным, рассматривавшим письмо М.М. Сперанского к управляющему МВД по поводу определения кандидатуры начальника Якутской области [4].

В 1805 г. в г. Якутске было образовано областное правление, его председателем был назначен областной начальник, он же являлся «главным по гражданской части Якутского края»⁴. В «Сибирском учреждении» 1822 г. указывалось, что при отсутствии областного начальника место председателя областного правления занимает старший советник⁵. До реформы 1822 г. в областном правлении был только один советник; видимо, он также назначался управляющим Якутской областью [5, с. 18].

Назначение и увольнение якутских областных начальников совершались от имени императора, важную роль при этом играли высшие государственные учреждения. Определенное влияние на эту процедуру до императорского вердикта оказала реформа М.М. Сперанского (1822 г.). Особенности назначения некоторых начальников области рассмотрим в различные периоды – до, во время генерал-губернаторства Сперанского и после принятия сибирских реформ 1822 г.: 1) сибирский генерал-губернатор отправлял представление с кандидатурой морскому министру⁶; 2) генерал-губернатор Сибири писал представление министру внутренних дел [4, с. 137]; 3) генерал-губернатор Восточной

Сибири высылал представление МВД, далее министерство интересовалось мнением Сибирского комитета, поручая ему предварительное рассмотрение кандидатур⁷.

Таким образом, в разное время важную роль при формировании корпуса якутских областных начальников играли МВД и Морское министерство. При этом рекомендации генерал-губернатора по кандидатам, направленные к министру внутренних дел, не всегда учитывались в полной мере⁸ [4, с. 137]. Кроме того, сам генерал-губернатор Восточной Сибири писал, что «определение на сие место (должность начальника Якутской области. – А.В.) зависит от Министерства внутренних дел»⁹. Исходя из этого, можно утверждать, что подбор претендентов фактически находился в руках МВД. Данный процесс требовал немало усилий со стороны министра внутренних дел. На его имя поступали письма с просьбой о назначении в Якутскую область¹⁰. Не обходилось и без переписки управляющего МВД с соответствующими учреждениями по предлагаемой кандидатуре¹¹.

Статские чины, начиная от коллежского асессора и заканчивая статским советником (VIII–V классы по Табели о рангах) [5, с. 18–19], были необходимыми критериями при определении на данную должность. Большинство областных начальников Якутии имели чин статского советника. На Якутию распространялось действие закона от 21 марта 1798 г. «Об определении чиновников в присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов...»¹², а затем и 21 марта 1810 г., согласно которому чиновникам, назначенным в Иркутскую губернию, присваивались чины с тем условием, что они должны были нести службу там не менее трех лет¹³. Претендент с военным чином в случае назначения в область производился в гражданский чин. Нами выявлено, что из 14 областных начальников пятеро несли ранее военноморскую службу – М.И. Миницкий [6, с. 434], Д.Я. Рудаков¹⁴, Н.И. Мягков [7, с. 69–70], И.Д. Рудаков (сын Д.Я. Рудакова) и В.И. Щербачев¹⁵.

Назначение на пост начальника Якутской области из представителей военно-морской среды имело свои существенные причины. Якутия была тесно связана с Охотском и другими отдаленными пунктами, через ее территорию велось снабжение Охотска различными казенными грузами, но их перевозки порой срывались, из-за чего возникали многочисленные проблемы.

Генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский указывал в 1820 г. в своем письме к министру внутренних дел В.П. Кочубею касательно руководителя Якутии: «нужен человек твердый; желательно бы моряка, так как он должен быть в сношениях с Охотским краем и помогать ему» [4, с. 137].

В Омской и Кавказской областях «по вопросам внешней безопасности и по управлению расположенными

¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29138; ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 15. № 13368.

² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29125.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 104–106.

⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 28. № 21726.

⁵ Там же. Т. 38. № 29125.

⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–3 об.

⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 210. Л. 1–5, 11–12 об.

⁸ Там же. Л. 1–2.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 8–8 об., 13–13 об.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 714. Л. 3–6.

¹² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 25. № 18450.

¹³ Там же. Т. 31. № 24162.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 214. Л. 410–412.

¹⁵ Там же. Ф. 432. Оп. 5. Д. 245. Л. 2 об.–3; Ф. 406. Оп. 3. Д. 27. Л. 934–936.

и водворенными на линии войсками» омский и кавказский областные начальники имели права и обязанности дивизионного начальника¹⁶. Первый командовал Сибирской линией, второй – Кавказской, тем самым они соединяли в себе гражданскую и военную функции. Управляющие этих областей имели военные чины. М.И. Миницкий был начальником Охотского порта (1809–1818), а с 1816 г. совмещал руководство над Якутской областью, с 1818 г. после увольнения из Охотска был оставлен за Якутией с производством в статские советники¹⁷. И.Д. Рудаков управлял Камчаткой (1813–1819)¹⁸. Эти управленцы руководили регионами, имевшими активные сношения с Якутией.

Надо отметить, что некоторые моряки (не считая начальника Охотского порта и руководителя Камчатки) имели существенный опыт по организации подрядов и поставок. К ним можно отнести Д.Я. Рудакова¹⁹ и Н.И. Мягкова²⁰.

Последний был определен в областные начальники вопреки мнению генерал-губернатора Восточной-Сибири Лавинского. Тот писал в МВД, отмечая нежелательность назначения на данную должность моряков: «...по самому состоянию сего края нет в том совершенно никакой надобности, ибо оный не заключает в себе никаких более частей, кроме подлежащих собственно управлению гражданскому; и по сему то нужно бы назначать к управлению сею областью таких чиновников, кои имеют совершенную опытность по статской службе...». Однако вместо опытного В.В. Берга был назначен чиновник морского ведомства Н.И. Мягков²¹. Впоследствии, в 1832 г., на пост областного начальника Якутии был назначен морской офицер В.И. Щербачев.

Среди якутских областных начальников, имевших опыт по статской службе, обращает на себя внимание личность И.Н. Веригина. Он управлял Иркутским провиантским комиссариатством, за оказанное усердие по службе был пожалован от имени императора Александра I брамантовым перстнем²². Б.В. Струве заведовал провиантским делом Иркутской губернии в 1848–1849 гг. [8, с. 549]. Первый же начальник Якутской области И.Г. Кардашевский перед своим определением в сентябре 1803 г. был назначен советником Иркутского губернского правления, здесь ему в 1804 г. поручались дела по подрядам с якутами в Охотск и другие места, касающимся перевозки казенных грузов. Тем самым Кардашевскому был назначен «испытательный срок» в виде выполнения данного задания, что он исполнил с большим успехом. Получив признательность Сибирского генерал-губернатора И.С. Селифонтова, Иван Григорьевич Кардашевский был назначен якутским областным начальником²³.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что при формировании особое внимание обращалось на деловые качества претендентов. Необходимость обеспечения тесной

связи с Охотском и другими отдаленными пунктами Северо-Востока Российской империи, решения проблем грузоперевозок требовали назначения в Якутскую область эффективного управленца. Поэтому неслучайно на данный пост назначались морские офицеры, обладавшие соответствующим практическим опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). С прил. М., 1905. 359 с.
2. *Малыгина О.А.* Военный губернатор в имперской системе власти России (на примере Забайкальской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. 20 с.
3. *Петухова З.И.* Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.). Якутск, 2007. 192 с.
4. *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. 801 с.
5. *Сафронов Ф.Г.* Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. 55 с.
6. *Морозова В.В.* Миницкие – моряки и библиофилы // VI Сынтинские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Человек и история: вариации на тему». Ульяновск, 2012. С. 431–437.
7. *Васильев А.Д.* Начальник Якутской области Н.И. Мягков (1826–1831 гг.): новые биографические данные // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 2. С. 68–70.
8. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб., 1909. Т. 19. 620 с.

REFERENCES

1. *Speransky M.M.* The plan for the state transformation by Count M.M. Speransky. (An introduction to the Code of State Laws of 1809). With the appendix. Moscow, 1905, 359 p. (In Russ.)
2. *Malygina O.A.* The military governor in the imperial system of power in Russia (a case of the Transbaikalian region): diss. abstract. Ulan-Ude, 2014, 20 p. (In Russ.)
3. *Petukhova Z.I.* Yakutsk Steppe Duma (1827–1838). Yakutsk, 2007, 192 p. (In Russ.)
4. *Vagin V.I.* Historical data on activity of Count M.M. Speransky in Siberia in 1819–1822. St. Petersburg, 1872, vol. 1, 801 p. (In Russ.)
5. *Safronov F.G.* Pre-revolutionary heads of Yakut region. Yakutsk, 1993, 55 p. (In Russ.)
6. *Morozova V.V.* Minitskies – seamen and bibliophiles. VI Syntinskies chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek i istoriya: variatsii na temu». Ulyanovsk, 2012, pp. 431–437. (In Russ.)
7. *Vasilyev A.D.* N.I. Myagkov, the Head of the Yakutsk Oblast (1826–1831): new biographical data. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 2, pp. 68–70. (In Russ.)
8. *Polovtsov A.A.* (ed.). Russian biographical dictionary. St. Petersburg, 1909, vol. 19, 620 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 05.04.2018

¹⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29125; ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 2. № 878.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 661. Л. 1–3 об.

¹⁸ Там же. Ф. 406. Оп. 2. Д. 171. Л. 292 об.

¹⁹ Там же. Оп. 7. Д. 214. Л. 411–412 об.

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 210. Л. 37–43.

²¹ Там же. Л. 1–2, 8 10, 25.

²² Там же. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 385. Л. 23 об., 24 об.

²³ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 14 об.–15.

DOI: 10.15372/HSS20180220
УДК 342.56 (571) "1928/1937"

В.И. ИСАЕВ^{1,2}, Д.Ю. МИХЕЕВ²

ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

¹ Институт истории СО РАН,

РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

² Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
РФ, 630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2

Отличительным признаком советской общественной системы являлась ориентация на максимально возможное вовлечение самих народных масс в управление государством. Проявлением такой ориентации стали товарищеские суды, которые начали создаваться сразу после установления советской власти и просуществовали вплоть до заката советской системы. В статье на основе архивных документов и опубликованных в исследуемый период материалов показано создание и развитие сети товарищеских судов в Сибири и их использование в качестве инструмента воздействия на поведение и сознание советских граждан.

Ключевые слова: Сибирь, товарищеский суд, нормы социалистического общежития, строительство социализма, правовая культура.

V.I. ISAEV¹, D.YU. MIKHEEV²

COMMUNITY COURTS IN SIBERIA IN THE FIRST FIVE-YEAR PLANS PERIOD

¹ Institute of History SB RAS,

8, ac. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

^{1,2} Novosibirsk Military Institute of National Guard
of the Russian Federation,
6/2, Kluch-Kamyshenskoe plato str., Novosibirsk,
630117, Russian Federation

A distinctive feature of the Soviet social system was its orientation toward the maximum possible involvement of the popular masses in the state management. This orientation manifested itself in the community courts, which were created immediately after the establishment of the Soviet power and survived until the Soviet system's decline. The article shows the creation and development of the community courts network in Siberia and their use as an instrument to influence the behavior and consciousness of Soviet citizens based on archival documents and materials published during the period under investigation.

Keywords: Siberia, community courts, socialist community norms, socialism construction, legal culture.

Советское прошлое продолжает оказывать влияние на все сферы российского общества. Особенно ярко это проявляется в правоохранительной сфере, несмотря на декларируемое стремление приблизиться к идеалу правового госу-

дарства. Поэтому анализ советского наследия в этой сфере с современных позиций остается актуальным.

Одной из отличительных черт советской судебной системы являлась ориентация на вовлечение народных масс в от-

Виктор Иванович Исаев – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН; профессор кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: history49@mail.ru.

Дмитрий Юрьевич Михеев – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: dimamix@list.ru.

Viktor I. Isaev – Dr. of Historical Sciences, Professor, Institute of History SB RAS, Professor, Novosibirsk military Institute of National Guard of the Russian Federation.

Dmitriy Yu. Mikheyev – Canddate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk military Institute of National Guard of the Russian Federation.

правление правосудия, противопоставление принципов революционной целесообразности и справедливости формальным буржуазным нормам юриспруденции. Важную роль в приближении суда к населению, в правовом воспитании народных масс должны были сыграть товарищеские суды.

Сама идея организовывать суды из обычных людей, как правило, не имеющих юридических знаний, в производственных коллективах, жилищных кооперативах, иначе говоря, по месту работы и по месту проживания граждан берет свое начало в учениях социалистов-утопистов об общественном самоуправлении, подхваченных марксизмом. Впервые в советской России такие суды были созданы в 1919 г. как производственно-товарищеские с целью борьбы с нарушителями трудовой дисциплины [1, с. 111]. Идея самоуправления граждан тогда еще была популярна. Однако по мере укрепления советского государства и все большего расхождения его потребностей и интересов с потребностями и интересами населения становилось ясно, что для реализации идей самоуправления время еще не пришло. Производственно-товарищеские суды не оправдали надежды на укрепление дисциплины силами самих трудящихся, а с переходом к нэпу их работа ослабла и практически замерла.

Институт товарищеских судов возродился в начале первой пятилетки, когда развернулось форсированное строительство социалистического общества [2, с. 11]. Идеи общественного самоуправления, внедрения начал коллективизма в организацию различных сфер общественной жизни вновь обрели популярность. В русле набиравшего силу движения за социалистическую перестройку всех сфер общества возникла идея возродить и использовать товарищеские суды для борьбы с пережитками прошлого. Они создавались на большинстве предприятий, члены товарищеских судов избирались на общем собрании рабочих и служащих сроком на шесть месяцев, позднее этот срок был увеличен до года. Помимо случаев нарушения дисциплины и других проступков на производстве в ведение товарищеских судов милицией и жилищными органами передавались дела о бытовых проступках и конфликтах [3, с. 47].

Отчеты о деятельности судов заслушивались на собраниях коллектива¹. Успешно работали, например, в 1928 г. товарищеские суды на предприятиях Омска². Значительную часть дел, поступавших в товарищеские суды, составляли случаи антиобщественного поведения, которые не носили характера преступлений. Так, большинство дел, рассмотренных товарищескими судами в Иркутске в 1929 г., составляли дела о пьянстве и хулиганстве³.

Следует отметить, что население воспринимало организацию товарищеских судов как вполне естественное продолжение укоренившейся в России традиции. Сельские суды, существовавшие в крестьянской общине, рассматривали как раз мелкие бытовые и уголовные преступления; меры наказания в них были довольно мягкие – от общественного порицания, иногда телесного наказания до небольших

штрафов. Так что появление товарищеских судов на промышленных предприятиях и в городских учреждениях, где значительную часть персонала составляли выходцы из крестьянства, получило одобрение и поддержку.

Естественным продолжением традиции крестьянских волостных судов стало внедрение товарищеских судов в деревне. Здесь суды, организованные для рассмотрения мелких проступков и конфликтов жителей отдельной деревни, назывались сельскими общественными судами, а суды, действовавшие в колхозах и совхозах, получили название производственно-товарищеских.

В отличие от народных судов, где в состав суда входил один судья и два народных заседателя, число членов товарищеских судов определялось на учредительном собрании; поэтому судебная коллегия товарищеских судов могла быть довольно многочисленной. Так, по данным за 1931–1933 гг. в среднем на один суд в сельской местности Западно-Сибирского края приходилось от 7 до 10 избранных обществом действительных членов судебных коллегий. Таким образом, в сельской местности Западно-Сибирского края в товарищеских судах работало около 24–26 тыс. граждан. Эта многочисленная армия общественных судей включала, как правило, наиболее уважаемых и авторитетных членов трудового коллектива или сельского общества.

Работали товарищеские суды почти столь же интенсивно, как и обычные народные суды. Число дел, рассмотренных сельскими общественными судами Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг., вполне сравнимо с числом дел, прошедших через народные суды (см. табл. 1).

Поначалу в товарищеских судах рассматривались в основном бытовые проступки и случаи проявления антиобщественного поведения. Но вопросы производства в конечном итоге оказались для государства, контролировавшего направленность их работы, гораздо важнее бытовых проступков и конфликтов. Постепенно в работе товарищеских судов все больше внимания стало уделяться производственным вопросам и проступкам. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г. товарищеские суды были преобразованы в производственно-товарищеские. Профсоюзы взяли их под свою опеку и усилили внимание к организации производственно-товарищеских судов на предприятиях и в учреждениях [4, с. 202].

Перестройка работы товарищеских судов значительно расширила их права в укреплении трудовой дисциплины на производстве. Так, постановлением Новосибирского горкома ВКП(б) от 13 июня 1932 г. перед производственно-товарищескими судами была поставлена задача борьбы с опозданиями на работу, прогулами, вопросы укрепления трудовой дисциплины в целом⁴. О том, что производственные вопросы интересовали государство гораздо больше бытовых проблем, свидетельствует, например, изменение тематики дел, рассмотренных товарищескими судами Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг. в сельской местности Сибири (табл. 2).

Организация товарищеских судов в городе проходила под руководством профсоюзов. На предприятиях и учреждениях проводились учредительные собрания, выбиравшие

¹ Профсоюзное движение. 1929. № 19. С. 16.

² Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 272.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2280. Оп. 2. Д. 24. Л. 26.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 50. Л. 149.

Т а б л и ц а 1

Сведения о сельских общественных и колхозных товарищеских судах Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг.

Показатель	1931 г., I пол.	1932 г., II пол.	1933 г., I пол.	1933 г., II пол.
	По 72 районам	По 63 районам	По 48 районам	По 60 районам
Кол-во сельских судов	1812	1364	1217	1551
В среднем на район	25	22	25	22
Кол-во тов. судов в колхозах	523	1456	1937	2874
В среднем на район	7	23	40	48
Всего СОС и ПТС	2235	2820	3154	4225
В среднем на район	32	45	65	70
Кол-во членов общ. судов	22 404	26 015	25 482	27 240
В среднем на район	311	413	530	454
В среднем на один суд	10	9	8	6,5
Кол-во рассмотренных дел за 6 месяцев	22 375	17 714	17 339	37 366
В среднем на район	310	281	361	625
В среднем на один общ. суд	9–10	6–7	5–6	9
В среднем на район, рассмотренных нарсудами	403	531	590	597

Составлено по: Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 56.

Т а б л и ц а 2

Сведения о характере дел, рассмотренных в сельских общественных и колхозных товарищеских судах Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг.

Количество дел	II пол. 1931 г.	I пол. 1932 г.	I пол. 1933 г.	II пол. 1933 г.
Количество дел, связанных с производственной деятельностью колхозов и выполнением гос. обязательств, абс.	5099	5847	6668	30 099
%	23	35	39	80
Количество прочих дел, абс.	17 271	11 867	10 671	7267
%	77	67	61	20

Составлено по: ГАО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 62.

членов товарищеских судов. Обычно эти собрания совмещались с текущими профсоюзными собраниями, члены товарищеских судов выбирались, как правило, из профсоюзных активистов [5, с. 19]. Производственно-товарищеские суды действовали на большинстве крупных предприятий Сибири. В отличие от сельских общественных судов производственно-товарищеские суды в городе, видимо, под воздействием профсоюзов постоянно держали вопросы производства в центре внимания (см. табл. 3).

Статистика о деятельности судов не относилась к разряду первостепенной по важности, поэтому имеющиеся сведения не систематизированы, являются разноплановыми и не позволяют в полной мере проследить динамику их развития. В частности, мы не располагаем столь же подробными отчетами о деятельности производственно-товарищеских судов в Восточной Сибири. Так, по данным профсоюзов Восточно-Сибирского края, в 1934 г. в Иркутске их работало 124, в Красноярске – 38, в Черемхово – 33, в Бодайбо – 21⁵.

⁵ ГАО. Ф. Р-2280. Оп.2. Д. 429. Л. 71.

Перечень мер, применяемых товарищескими судами, был довольно широк. Сведения о деятельности производственно-товарищеских судов Западно-Сибирского края (табл. 4) показывают картину разнообразных мер воздействия на нарушителей «норм социалистического общежития» (как тогда их называли).

С целью координации работы и обмена опытом проводились конференции, слеты членов производственно-товарищеских судов. Так, в 1934 г. прошла конференция в Красноярске, в 1935 г. – в Новосибирске и Иркутске⁶. На этих форумах отмечалось, что работа производственно-товарищеских судов во многом помогает укреплению трудовой дисциплины и совершенствованию быта. Заседания судов, как правило, проходили в присутствии большинства членов коллектива, их решения находили поддержку широкой рабочей общественности.

Производственно-товарищеские суды поначалу работали довольно активно. Но по мере превращения их в дис-

⁶ ГАО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1136-а. Л. 61.

Т а б л и ц а 3

Сведения о деятельности производственно-товарищеских судов на предприятиях, в совхозах и учреждениях Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг.

Показатель	1931 г., II пол.	1932 г., I пол.	1933 г., I пол.	1933 г., II пол.
	По 72 городам	По 63 городам	По 48 районам	По 60 городам
Кол-во ПТС на предприятиях	168	141	65	239
Кол-во ПТС в совхозах	41	101	161	323
Кол-во ПТС в учреждениях	88	168	214	304
Итого	297	410	440	866
Кол-во дел, рассмотр. за 6 мес.	2073	2889	1955	5250
Кол-во членов в обществ. судах	2859	3462	2636	4854
Кол-во дел в среднем на ПТС	7–8	7	4	6
характер рассмотренных дел:				
связанных с производством, абс.	1012	1621	1110	3337
%	49	56	57	63,5
прочих дел, абс.	1061	1268	845	1913
%	51	44	43	36,5

Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 60.

Т а б л и ц а 4

Сведения о мерах воздействия, применяемых производственно-товарищескими судами предприятий, колхозов и учреждений Западно-Сибирского края в 1931–1933 гг.

Показатель	1931 г., II пол.	1932 г., I пол.	1933 г., I пол.	1933 г., II пол.
	По 72 городам	По 63 городам	По 48 районам	По 60 городам
Всего принято мер воздействия				
В том числе:	2668	2547	2194	7133
штраф, абс.	883	905	882	1975
%	33	35	40	28
постановка вопроса об увольнении, абс.	318	296	182	560
%	12	12	8	8
обществ. воздействие, абс.	932	796	576	2781
%	35	31	26	38
возмещение имуществ. вреда, абс.	266	327	436	1232
%	10	13	20	18
постановка вопроса об исключении из профсоюза, абс.	209	233	118	587
%	10	9	6	8

Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 62.

циплинарные комиссии профсоюзов их деятельность стала терять свой первоначальный смысл и постепенно угасала. Для решения производственных вопросов у профсоюзов хватало мер воздействия и без привлечения товарищеских судов. Проверка работы товарищеских судов за 1934 г. в шести городах Восточной Сибири показала, что 127 проверенных судов рассмотрели только 743 дела⁷.

На эту проблему обращали внимание многие неравнодушные члены товарищеских судов. В решениях общегородского слета производственно-товарищеских судов Новосибирска, состоявшегося 9 сентября 1935 г., отмечалось,

что проступки бытового характера стали реже становиться предметом обсуждения⁸.

Вместе с тем в деятельности производственно-товарищеских судов было немало и других недочетов. Довольно часто низкий уровень юридической грамотности членов производственно-товарищеских судов приводил к превышению их полномочий: производственно-товарищеские суды присуждали к исправительным работам, лишению продовольственных карточек и другим, явно неправомерным наказаниям. Для повышения юридической грамотности ВЦСПС в 1935 г. организовал для пред-

⁷ ГАИО. Ф. Р-2280. Оп. 2. Д. 429. Л. 72.⁸ Там же. Ф. Р-627. Оп.1. Д. 1136-а. Л. 62.

Сведения о работе городских производственно-товарищеских судов Западно-Сибирского края за 1934–1937 гг.

Показатель	1934г.		1935г.		1936г.		1937г.	
	І пол.	ІІ пол.	І пол.	ІІ пол.	І пол.	ІІ пол.	І пол.	ІІ пол.
			По 86 п.с.		По 50 н/с.		По 21 н/с	
Кол-во ПТС на предприятиях	163	–	121	–	78	–	17	11
Кол-во ПТС в совхозах	262	–	96	–	70	–	30	7
Кол-во ПТС в учреждениях	211	–	212	–	21	–	13	15
Всего	636	–	429	–	169	–	60	33
Кол-во дел, рассмотр. за год	10 951	–	5491	–	3049	–	606	664
Характер дел, связан с производством	–	–	–	–	–	–	–	–
прочих дел (преимуществ. бытовых)	7172	–	4012	–	2081	–	278	369
	3779	–	1479	–	968	–	328	275

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 48. Л. 61.

седателей производственно-товарищеских судов краткосрочные курсы⁹.

В целом деятельность товарищеских судов, несмотря на отмеченные недостатки, помогала существенно улучшить и оздоровить жизнь советского общества. Верховный суд СССР в постановлении от 28 июня 1935 г. отметил важную роль производственно-товарищеских судов в борьбе против негативных явлений¹⁰. Во второй половине 1930-х гг. все более стали сказываться нарушения демократии и ужесточение тоталитарного режима. Все это вело к свертыванию общественных инициатив, к вытеснению тех демократических институтов, которые были созданы в стране после революции 1917 г. Проявлялись такие тенденции и в деятельности товарищеских судов: сокращалась их численность, к ним реже стали обращаться члены трудовых коллективов и жители городских и сельских обществ. Даже несовершенная статистика показывает тенденцию к свертыванию деятельности товарищеских судов во второй половине 1930-х гг. (табл. 5).

Таким образом, на примере деятельности товарищеских судов можно видеть, что Великая революция 1917 г. пробудила мощные творческие силы в народных массах. Творчество народа порождало разнообразные общественные инициативы и эксперименты, одним из проявлений этого была организация и деятельность производственно-товарищеских судов, сыгравших определенную роль в преобразовании российского общества. Однако по мере формализации советской демократии и превращения советского государства в партийно-государственную бюрократическую машину деятельность производственно-товарищеских судов также стала превращаться в бюрократическую рутину. Интерес народных масс к работе производственно-товарищеских судов стал угасать, что сказалось и на существенном сокращении количественных показателей их деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харчев А.Г., Яковлев Б.Д. Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР. М., 1972. 218 с.
2. Товарищеские суды. М., 1974. 135 с.
3. Филиппов Е.И. Общественно-товарищеское судопроизводство в СССР. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1979. 190 с.
4. Ковалева Л.А., Журавлева В.А. Государственное регулирование трудовой дисциплины в 30-е годы XX века (на примере Урала) // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2004: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. Ч. II. С. 202–205.
5. Васильев В.А. Товарищеские суды: история, перспективы деятельности в условиях рынка // Трудовое право. 2008. № 1. С. 18–21.

REFERENCES

1. Kharchev A.G., Yakovlev B.D. Essays on the history of Marxist-Leninist ethics in the USSR. Moscow, 1972, 218 p. (In Russ.)
2. Community Courts. Moscow, 1974, 135 p. (In Russ.)
3. Filippov E.I. Social a community courts in the USSR. Rostov, Publ. House of Rostov Univ., 1979, 190 p. (In Russ.)
4. Kovaleva L.A., Zhuravleva V.A. State regulation of labor discipline in the 1930s (a case of the Urals). *Aktualnyie problemy i prava Rossii i stran SNG – 2004: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2004, pt. 2, pp. 202–205. (In Russ.)
5. Vasilyev V.A. Community courts: history, business prospects in market conditions. *Trudovoe pravo*. 2008, no. 1, pp. 18–21. (In Russ.)

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 19. Д. 262. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 2.

DOI: 10.15372/HSS20180221
УДК 001.32 (571.14) "2018"

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКИХ УЧЕНЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ СО РАН)

В современную эпоху социокультурных трансформаций возрастает актуальность изучения всех видов наследия как основы национальной исторической памяти. В процессе реализации проекта «Социокультурное наследие Сибири: традиции и новации (вторая половина XX–начало XXI в.)» сектор «Музей СО РАН» Института истории СО РАН продолжает традиции интегрированных исследований в области социокультурного наследия. Выполнение в течение последних двух десятилетий совместного проекта Института истории СО РАН и Института истории НАН Беларуси по истории белорусов в Сибири ознаменовалось важными результатами по выявлению территориальных истоков, общественно-политических и социально-экономических факторов распределенного белорусского этнокультурного наследия. Это научные статьи¹, серия сборников научных работ «Белорусы в Сибири»², очерки и монографии³. В 2003 г. за книгу «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.» коллективу сибирских и белорусских историков была присуждена премия имени академика В.А. Коптюга НАН Беларуси, впервые врученная гуманитариям⁴.

Одним из современных направлений в деятельности сектора по изучению наследия является обращение к разработкам наших партнеров в сфере гуманитарного знания – этнологов, филологов, философов. 8 февраля 2018 г. в День российской науки в «Музее СО РАН» Института истории СО РАН состоялся круглый стол «Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых». Представители всех гуманитарных институтов Новосибирского научного центра – Института истории СО РАН, Института философии и права СО РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института филологии СО РАН обсудили опыт развития научного сотрудничества и перспективы укрепления международных связей ученых этих стран – Российской Федерации и Республики Беларусь.

¹ Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишикин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 186–189; Шелегина О.Н. Этнокультурное наследие белорусов в музеях Сибири: результаты и перспективы актуализации // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 60–64.

² Белорусы в Сибири: сб. научн. ст. / Отв. ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламин, д-р ист. наук Н.М. Сташкевич. Новосибирск: Институт истории СО РАН. 2000. Вып. 1–2.

³ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. 240 с.; Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. 424 с.

⁴ Лауреатами стали: чл.-корр. РАН В. Ламин, канд. ист. наук Г. Бочанова, д-р ист. наук Т. Мамсик, д-р ист. наук Д. Резун, д-р ист. наук М. Шиловский (СО РАН), академик НАНБ М. Костюк, д-ра ист. наук Л. Лыч, В. Снапковский, В. Новицкий, Н. Сташкевич (НАН Беларуси).

Модератор круглого стола ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, д-р ист. наук О.Н. Шелегина поздравила его участников с Днем российской науки и со ссылкой на интервью председателя СО РАН академика В.Н. Пармона газете «Наука в Сибири»⁵ обратила внимание на то, что в современных реалиях миссия Сибирского отделения является многоплановой и известный «треугольник Лаврентьева» (наука – кадры – производство) сейчас должен дополняться тезисом «Наука – для России и для региона». СО РАН как инициатор интеграционных междисциплинарных проектов должен заняться их восстановлением. В.Н. Пармон, принимавший участие во Втором съезде ученых Республики Беларусь, отметил, что в плане развития дальнейших отношений с академиями наук бывших союзных республик самый высокий приоритет отдан Беларуси. «Мы с ней состоим в одном Союзном государстве, при этом у Союзного государства есть собственный бюджет на науку. Есть договоренность об “апгрейде” Соглашения о сотрудничестве с Национальной академией наук Беларуси», – отметил председатель СО РАН. Заседание круглого стола «Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых» призвано способствовать этому процессу.

С приветственными словами к участникам круглого стола обратились С.А. Пятков, советник Отделения Посольства Беларуси в РФ в г. Новосибирске, и заместитель директора Института истории СО РАН, канд. ист. наук Д.Г. Симонов. Далее в порядке научной дискуссии с краткими сообщениями выступили исследователи Новосибирского научного центра:

– от *Института истории СО РАН* – канд. ист. наук, с.н.с. Н.Н. Покровский, д-р ист. наук, в.н.с. Г.М. Запорожченко, заведующая сектором, канд. ист. наук Н.А. Куперштох, ученый секретарь, канд. ист. наук Е.Н. Туманик, канд. ист. наук, с.н.с. Е.В. Комлева;

– от *Института философии и права СО РАН* – д-р филос. наук, г.н.с. Ю.В. Попков, д-р филос. наук, в.н.с. Е.А. Ерохина;

– от *Института археологии и этнографии СО РАН* – заведующая отделом этнографии, д-р ист. наук, в.н.с. Е.Ф. Фурсова, д-р ист. наук, в.н.с. А.Ю. Майничева, канд. ист. наук, с.н.с. О.В. Голубкова, канд. ист. наук, с.н.с. Г.В. Любимова, канд. ист. наук, с.н.с. А.А. Люцидарская А.А., н.с. А.П. Чемичева, м.н.с. Н.А. Березников, М.Е. Роговая;

– от *Института филологии СО РАН* – заведующая сектором, д-р филол. наук Е.Н. Кузьмина, н.с. Е.И. Исмаилова, н.с. Е.Л. Тирон;

а также Н.А. Максимова – сотрудник МКУ «Молодежный центр инновационной и досуговой деятельности «Калейдоскоп».

⁵ Академик В.Н. Пармон «Наука для России и для региона» // Наука в Сибири. 2018. 11 янв.

В выступлении Е.А. Ерохиной «Книжность, литература, философия Беларуси как маркеры самоопределения в глобальном мире» рассматривались проблемы вызовов глобализации, актуальные для всех стран. Как не отстать в конкурентной борьбе и при этом сохранить внутреннюю устойчивость, автономность, независимость от внешних влияний? Культурный плюрализм, открытость, способность продуцировать инновации и многие другие черты сближают Россию и Беларусь. Вместе с тем общее историческое прошлое обуславливает общую траекторию поиска устойчивого развития в пространстве, задаваемом двумя векторами – вестернизацией и модернизацией. В условиях дефицита сырьевых ресурсов Беларусь существенно продвинулась в отдельных видах инновационного бизнеса, в развитии рынка криптовалют и технологии блок-чейна, в технологиях энергосбережения. С геополитической точки зрения РБ стремиться реализовать свой транзитный потенциал между Европой и Россией, успешно выстраивает связи с Китайской Народной Республикой.

По мере развития такой «цветущей сложности» обозначается проблема социокультурного самоопределения: является ли Беларусь частью Евразии или это часть европейской цивилизации? Современная тенденция развития общественного сознания граждан РБ заключается в обращении к самобытности и уникальности, что вызывает уважение и пристальный интерес.

В рамках Первого белорусского философского конгресса (Минск, 18–20 октября 2018 г.) состоялся Международный коллоквиум исследователей философской, общественно-политической и эстетической мысли Беларуси, стран Восточной и Центральной Европы. Среди множества проблем в его рамках обсуждались истоки белорусской письменности, традиции книжности и просвещения, значимость деятельности Кирилла Туровского, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого – мыслителей прошлого, персонализирующих собой современную белорусскую идентичность.

Одним из острых моментов дискуссии стало обсуждение вопроса о значении старославянской доминанты письменности белорусов, роли экуменизма, униатства и конкуренции национальных интеллектуальных канонов – польского, литовского, украинского, белорусского и русского – в становлении белорусской историко-философской школы. Можно согласиться с белорусскими коллегами, как подчеркнула Е.А. Ерохина, в том, что самобытный белорусский интеллектуальный канон существует. Он основан на идеях христианского просвещения, Возрождения, барокко и в меньшей степени на традициях классицизма и рационализма. Отсюда синкретизм философии и моральной публицистики, антропологизм и ориентация на практическое философствование.

Своими размышлениями об итогах Первого белорусского философского конгресса поделился Ю.В. Папков. Он проанализировал опыт определения участниками конгресса сущности понятия «национальная философия», показав его многогранность в современном глобальном мультикультурном и многополярном мире. Ю.В. Папков отметил, что неотрадиционализм – воспроизводство традиций не в аутентичных, а в обновленных формах – дает мультипликационный позитивный эффект, выражающийся в отсут-

ствии апологии прошлого, открытости к восприятию других культур, усилении потенциала межкультурной коммуникации и взаимодействия, расширении ресурсного этнокультурного поля.

В своем выступлении «О жизни и деятельности известных сибирских ученых-белорусов» Н.А. Куперштох, специалист по истории академической науки Сибири, презентовала участникам круглого стола свои публикации об известных сибирских ученых-белорусах – академиках А.А. Трофимук, В.А. Коптюге, В.Н. Пармоне, жизненная траектория которых представляет большой интерес для исследователей. А.А. Трофимук (1911–1999) родился в дер. Хветковичи Гродненской губернии (Брестской области Республики Беларусь). С 1957 г. и до конца дней жил и работал в ННЦ СО РАН, был основателем и директором Института геологии и геофизики СО АН СССР–РАН (до 1988 г.). Учеными ИГиГ под руководством академика А.А. Трофимука предсказаны и открыты крупные месторождения нефти и газа в Западной и Восточной Сибири. Научный и организаторский талант академика В.А. Коптюга (1931–1997) раскрылся на посту директора НИОХ, ректора Новосибирского государственного университета, председателя Сибирского отделения РАН. Современникам академик В.А. Коптюг запомнился как последовательный защитник интересов научного сообщества в постсоветский период. В.Н. Пармон (род. в 1948 г.), являясь директором Института катализа в 1995–2015 гг., превратил этот институт в современный инновационный центр, сочетающий фундаментальные исследования и прикладные разработки. В 2017 г. академик В.Н. Пармон был избран председателем СО РАН и намерен активно развивать давнее сотрудничество Сибирского отделения РАН с Академией наук Республики Беларусь.

В этой связи Н.А. Куперштох отметила, что одним из перспективных направлений в изучении международного сотрудничества СО РАН является история развития научных связей и кооперации сибирских и белорусских ученых, которая складывалась на протяжении шести десятилетий – с момента организации Сибирского отделения АН СССР в 1957 г.

О результатах исследований по проблемам сохранения и трансформации ареально-локальных традиций белорусской культуры и ценностных ориентаций белорусских переселенцев в Сибири рассказала Е.Ф. Фурсова. С 1997 г. Институт археологии и этнографии СО РАН принимает участие в ряде совместных с НАН Беларуси научных проектов по этнографическому описанию переселенцев. Значимым итогом проводившихся совместных экспедиций в места выезда и въезда белорусов на территории Сибири и Белоруссии стало фундаментальное издание «Традиционная культура белорусов во времени и пространстве»⁶. Работа выполнена в широких тематических и хронологических рамках (конец XIX– начало XXI в.), переиздана в Канаде и США.

Состоялась презентация важных научных трудов гуманитарных институтов, раскрывающих российско-белорус-

⁶Традиционная культура белорусов во времени и пространстве / под науч. ред. А.В. Титовца. Минск: Беларус. наука, 2013. 579 с. (Авторы: А.В. Титовец, Е.Ф. Фурсова, Т.К. Тяпкова, С.А. Милоченков, Г.И. Касперович, В.Н. Белявина, Т.А. Новозродский, В.С. Титов, Р.Ю. Федоров, В.А. Татаринцев, А.И. Голомянов, А.А. Люцидарская).

ские связи. Е.Н. Кузьмина презентовала том 31 «Белорусский фольклор» из серии «Памятники фольклора народов Сибири» – первое академическое издание белорусского фольклора на русском языке, содержащее 472 текста. Е.В. Комлева представила «Биографии сибирского купечества (XVIII – начала XX вв.)», в которую включены биографии 24 выходцев из белорусских губерний, и «Библиографический словарь первопроходцев Сибири (XVI–XVIII вв.)».

О проекте сектора «Музей СО РАН» – «Проспект академика Лаврентьева – самая умная улица в мире» рассказала Г.М. Запороженко. По версии книги рекордов Гиннеса, проспект Лаврентьева – самая «умная» улица в мире, где на протяжении 2,4 км сосредоточено более 20 объектов научной инфраструктуры. Проспект является стержневым (географическим, сущностным, символическим) элементом уникального научного комплекса ННЦ СО РАН. Проект обобщает многообразный опыт изучения научного наследия Сибирского отделения РАН и носит открытый характер с целью расширения круга донаторов «Музея СО РАН».

Проект сектора «Музей СО РАН» Института истории СО РАН – «Центр популяризации науки» представил Н.Н. Покровский. Цель обоих проектов состоит в том, чтобы показать важность науки в глобальном мире, сохранять и презентовать научное наследие СО РАН.

В контексте формирующегося в настоящее время перехода от актуализации наследия к его освоению О.Н. Шелегина предложила рассмотреть многолетний успешный опыт его музеефикации в Беларуси на основе материалов, присланных Т.А. Джумантаевой, кандидатом культурологии, доцентом, директором Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Она обратила внимание на то, что г. Полоцк представляет собой уникальную историческую территорию, памятники которой охраняются, изучаются, реставрируются и приспособляются под музейные экспозиции, являясь по своей сути недвижимыми

музейными предметами. Музейное собрание заповедника насчитывает более 100 тыс. единиц хранения. В структуре Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника – 11 музеев на правах филиалов и 65 объектов, внесенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Заповедник, созданный в 1967 г., с его охранной зоной, имеющимися и будущими музеями, является ядром, вокруг которого создаются условия для превращения Полоцка в город-музей.

В завершение работы круглого стола его участники с интересом познакомились с фотовыставкой «Беларусь – далекая и близкая!», подготовленной Е.А. Ерохиной по следам впечатлений от поездки в научную командировку на Первый Белорусский философский конгресс. Красота природы и эстетическая ценность историко-архитектурного наследия — таковы сюжеты представленных работ. На них запечатлены памятники Всемирного наследия ЮНЕСКО, музейно-парковые ансамбли Минска, Несвижа, Мира, родины Марка Шагала – Витебска: «Шагал и Витебск – что из них больше, человек или город?».

Участники круглого стола выразили уверенность, что наследие является важной идеей, которая может объединить все гуманитарные дисциплины, выявить новые возможности для научной кооперации. В рамках мирового мейнстрима «от сохранения наследия к его актуализации и освоению» возникает потребность в создании новых пространств для коммуникации, обмену опытом, междисциплинарном и межстрановом сотрудничестве ученых. О том, насколько оно востребовано и плодотворно, свидетельствуют материалы состоявшегося круглого стола «Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых».

*Доктора исторических наук
О.Н. Шелегина, Г.М. Запороженко,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

СИНЕРГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ (к 80-летию Алтайского государственного педагогического университета)

Сотрудничество на протяжении десяти лет Института истории СО РАН (на базе Научного совета по музеям СО РАН, сектора «Музей СО РАН») и Алтайского государственного университета (на базе кафедры историко-культурного наследия и туризма и Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) в актуальном и перспективном тренде интеграции науки, образования, культуры дает в настоящее время значимый для мировой социокультурной практики синергетический эффект. Он выражается в проведении ряда крупных международных и всероссийских музеелогических симпозиумов и конференций, выполнении научных проектов, связанных с изучением историко-культурного наследия Евразии, реализацией трансграничных научно-образовательных проектов, публикацией в России и за рубежом монографических и тематических изданий по проблемам актуализации и освоения этого наследия. Накопленный опыт и потенциал такого сотрудничества уже нашли отражение в ряде статей в научных журналах «Гуманитарные науки в Сибири»¹, «Вестник Алтайского государственного педагогического университета», представлены в докладах на международных симпозиумах в Тунисе, Китае, на Тайване.

В связи с юбилеем Алтайского государственного педагогического университета следует отметить, что плодотворные научные и общественные связи алтайских и новосибирских ученых были заложены академиком А.П. Окладниковым и заведующим кафедрой отечественной истории Барнаульского педагогического института, д-ром ист. наук А.П. Уманским. По сведениям, приведенным заведующим лабораторией АлтГПУ, д-ром ист. наук М.А. Деминим, «в Институте истории и археологии Сибирского отделения Российской Академии наук были сосредоточены каменные изделия из местонахождения “Улалинка” (в черте г. Горно-Алтайска), которые своей древностью произвели в 1970-х гг. настоящую сенсацию в научном мире. Открыл этот памятник академик А.П. Окладников, а раскапывал его в течение двух сезонов соратник академика по археологии А.П. Уманский. Между двумя Алексееми Павловичами установилось многолетнее сотрудничество, переросшее в крепкую дружбу и взаимную поддержку»².

К 50-летию Института истории СО РАН по инициативе заведующей кафедрой историко-культурного наследия и туризма АлтГПУ, профессора, д-ра ист. наук О.Н. Труевцевой при участии 40 известных и молодых музееологов из Германии, Канады, Китая, Монголии, России, Франции был издан сборник научных статей «Наука, образование, музеи: формы освоения наследия», получивший высокую оценку науч-

ной общественности³. В этой работе особенно подчеркнута эффективность и целесообразность консолидации усилий институтов гуманитарного профиля Сибирского отделения Российской академии наук (Институт истории СО РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), Академии наук Монголии, высших учебных заведений (Алтайский государственный педагогический университет, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, университет Маргад и др.), а также международных и региональных музееологических организаций (АСПАК, Ассоциация музееологов Тайваня, Научный совет по музеям СО РАН) в формировании и реализации современных форм работы с наследием.

В процессе активного и плодотворного взаимодействия с кафедрой историко-культурного наследия и туризма АлтГПУ, Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона с 2008 г. развивается новое для Института истории СО РАН направление междисциплинарных гуманитарных исследований, связанное с актуализацией (путем музеефикации) и освоением (изучение, введение в научный оборот на основе новых технологий, популяризация) научного и историко-культурного наследия Сибирского региона в российском и международном социокультурных контекстах.

В 2016–2017 гг. в Институте истории СО РАН (на базе сектора «Музей СО РАН) при участии представителей сибирских вузов (О.Н. Труевцева – заведующая кафедрой Алтайского государственного педагогического университета, проф., д-р ист. наук, С.Б. Орлов – проф. кафедры гуманитарных наук Бийского технологического института, филиала Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, д-р социол. наук), АНО «Новый институт культурологии» (И.В. Чувилова – руководитель группы «Российская музейная энциклопедия», канд. ист. наук) был успешно выполнен проект Программы фундаментальных исследований СО РАН «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» (руководитель – д-р ист. наук О.Н. Шелегина, исполнители: д-р ист. наук Г.М. Запорожченко, канд. ист. наук Н.А. Куперштох, канд. ист. наук Н.Н. Покровский – Институт истории СО РАН, канд. ист. наук И.А. Крайнева – Институт информатики им. А.П. Ершова). В проекте было выделено направление, связанное с развитием современной музееологической парадигмы с учетом феномена идентичности, с дальнейшей актуализацией историко-культурного наследия и сохранением идентичности.

¹ Ламин В.А., Шелегина О.Н. Актуальные формы представления научного наследия Институтом истории СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 107–111.

² Демин М.А. Слово об Уманском. URL: <http://new.hist.asu.ru/besthist/umansky.shtml> (дата обращения: 19.04.2018).

³ Куперштох Н.А. Международный опыт в изучении форм освоения наследия Евразии [Рец. Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. стат. / отв. ред. В.А. Ламин, О. Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА»; Институт истории СО РАН. 2016. 204 с.] // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 113–114.

В результате исследования⁴ было установлено, что деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) по развитию форм представления идентичностей в региональном и мировом музейном пространствах, межкультурный диалог, развивающийся под эгидой общественных музеологических организаций способствуют поиску новых форм и технологий сохранения культурного наследия, изучению и трансляции региональной идентичности. Являясь естественной и неотъемлемой частью социального пространства, музеи, совершенствуя функции хранения, изучения, популяризации культурного наследия, становятся ближе к человеку, музеефицируя среду его обитания, создавая возможность для интерактивного общения с артефактами, что способствует постижению сути вещей и явлений, самоидентификации.

Анализ тем симпозиумов Комитета музеологии ИКОМ и АСПАК показывает, что в них нашли отражение актуальные проблемы современной музеологии: теория коммуникации (1991, 1994, 1995, 2002 и 2011 гг.); коллекционирование (1984, 1985, 1994, 1997 гг.); проблемы наследия (1990, 2006, 2004, 2010 гг.); музеология и культурная самобытность (1986 г.); музеология в развивающихся странах (1988); прогноз как инструмент музеологии; музеология и футурология (1989). Неоднократно темой симпозиумов становилась проблема влияния глобализации на сохранение и популяризацию наследия, сохранение и развитие региональной, локальной, этнической идентичности.

В Сибири с 2005 г. летние музеологические школы проводятся АСПАК совместно с учреждениями дополнительного образования, муниципальными музеями, высшими учебными заведениями. Постоянным соорганизатором в проведении школ являются Научный совет по музеям СО РАН, Институт истории СО РАН, представляющие новые направления и результаты работы ученых по развитию регионального музейного пространства, его интеграции в мировое музейное сообщество. В 2014 г. при поддержке Института истории СО РАН был реализован трансграничный социокультурный и научно-образовательный проект «Актуализация культурного наследия в странах Азии», в рамках которого музеологические школы были органи-

зованы в семи музеях четырех стран: Казахстана, России, Монголии и Китая. Таким образом, многолетняя деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона способствует укреплению взаимодействия между учеными и специалистами разных отраслей знания, распространению научных знаний в области теории и практики музейного дела, проведению дискуссий по проблемам идентичности.

Актуальной и перспективной формой расширения источников ресурса, отражающего этнокультурную идентичность населения Сибирского региона и распространение научных знаний, можно признать участие ученых в региональных социокультурных мероприятиях, изучение объектов наследия и проявлений региональной идентичности методом «включенного наблюдения», активные коммуникации с представителями местных сообществ. Так, участники Международной научно-практической конференции «Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая», организованной Алтайским государственным педагогическим университетом при участии Института истории СО РАН с целью обмена опытом в области организации межкультурной коммуникации и решения проблем этнокультурной идентификации, посетили X краевой праздник «Наурыз» фестиваля народных культур «Венок дружбы» в Кулундинском районе Алтайского края.

Дальнейшая синергия науки и образования, эффективность и целесообразность которой доказывает опыт сотрудничества Алтайского государственного педагогического университета и Института истории СО РАН, может быть использована для создания адекватной современным условиям развития общества модели освоения наследия, базирующейся на интеграции академических институтов, образовательных учреждений, учреждений культуры, на новой методологической и технологической основе, направленной на укрепление российской идентичности, развитие позитивного имиджа Сибирского региона в международном контексте.

*О.Н. Шелегина –
д-р ист. наук,*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск;

О.Н. Труевцева –

д-р ист. наук, профессор,

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул*

⁴ Труевцева О.Н. Формы и результаты деятельности международных музеологических организаций (конец XX – второе десятилетие XXI в. // Гуманитарные науки Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 102–106.

**ПАМЯТИ
НАТАЛЬИ ДМИТРИЕВНЫ ЗОЛЬНИКОВОЙ
(8 апреля 1949 – 9 апреля 2018)**

9 апреля 2018 г. коллектив Института истории СО РАН понес невосполнимую утрату. После тяжелой болезни ушла из жизни Наталья Дмитриевна Зольникова – замечательный человек, выдающийся историк, археолог и источниковед, главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Наталья Дмитриевна родилась в городке Дачный Томского района Томской области. И отец, Дмитрий Маркович Зольников, ветеран Великой Отечественной войны, и мать, Владлена (Елена) Ивановна, окончили филологический факультет Томского государственного университета. О Томске в доме всегда вспоминали тепло, хотя через несколько лет семья переехала в новосибирский Академгородок, где они и прожили всю оставшуюся жизнь. Здесь Дмитрий Маркович стал доктором исторических наук, профессором Новосибирского государственного университета, Елена Ивановна – кандидатом педагогических наук, преподавателем в школе, а затем в Новосибирском высшем военно-политическом училище. Окончив среднюю школу, Наталья Дмитриевна в 1966 г. поступила на историческое отделение гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета и окончила его, защитив на «отлично» дипломную работу.

Еще в университете определились основное направление научной деятельности Н.Д. Зольниковой – история русского православия – и Учитель – Николай Николаевич Покровский. Выполненные под его руководством дипломная работа, кандидатская и докторская диссертации исследовательницы были посвящены истории Русской православной церкви в Сибири. Со студенческих лет и до конца жизни она занималась также археографической работой.

Вскоре после окончания НГУ Наталья Дмитриевна поступила в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР, и с тех пор жизнь ее была связана с институтом, в котором ею были пройдены все ступени от лаборанта до главного научного сотрудника.

Н.Д. Зольникова, пожалуй, первой в советское время обратилась к изучению истории духовного образования и сословного положения православного духовенства. В 1979 г. она защитила в Томском государственном университете кандидатскую диссертацию по теме «Сословные проблемы во взаимоотношениях русской церкви и абсолютизма в XVIII в.». Через два года была опубликована монография, написанная на ее основе («Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.)»). В ней анализируется процесс бюрократизации белого духовенства в Тобольской епархии, рассматривается влияние на него фактора сословного образования, системы его новых политических обязанностей. В 1990 г. вышла в свет новая книга Н.Д. Зольниковой – «Сибирская приходская община в XVIII в.», а в 1991 г. она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В этом фундаментальном исследовании на огромном источниковом материале впервые в историографии были рассмотрены сословный и социальный состав, а также основные функции этого важнейшего социального института, раскрыта внутренняя жизнь конфессиональных миров, их взаимоотношения с государством и светскими общинами, показано их огромное значение в жизни народа, стремление сохранить традиции самоуправления. Монография по-прежнему востребована историками и религиоведами, на нее ссылаются, ее используют и цитируют десятки авторов по сей день.

Все эти годы не прерывалась начатая в университете археографическая деятельность Н.Д. Зольниковой, с 1982 г. она ученый секретарь Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР. Наталья Дмитриевна руководила ежегодными полевыми археографическими группами, побывала во многих районах Сибири и Дальнего Востока, общалась со старообрядцами, получала от них редкие книги и рукописи, изучала и публиковала памятники письменности. Поиск книжных раритетов и рукописей в старообрядческой среде не раз завершался пополнением Собрания рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН, ею были открыты не известные ранее произведения народной литературы и крестьянских писателей-староверов XX в. Огромная, очень трудоемкая, черновая, но необходимая работа была проделана ею по научному описанию старопечатных книг Собрания Института.

Непреходящее значение имеют осуществленные Н.Д. Зольниковой вместе с коллегами публикации исторических источников, исходивших из старообрядческой сре-

ды. Значительная часть их была обнаружена в ходе полевой работы. В течение десяти с лишним лет вышли в свет три тома фундаментального труда «Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.», подготовленного научным коллективом сектора при участии екатеринбургских археографов и под редакцией академика Н.Н. Покровского. В 2014–2016 гг. ею совместно с Н.Н. Покровским и О.Д. Журавель был опубликован текст обнаруженного ею и находящегося в Собрании Института уникального народного историко-агиографического памятника, созданного во второй половине XX в., – трехтомного «Урало-Сибирского патерика». Основу этого единственного в народной старообрядческой традиции обширного сочинения, написанного в древнейшем патериковом жанре, составили жития святых одной местности или монастыря – сочинения староверов XVIII–XIX по истории собственной конфессии, записи устных преданий, тексты составителей Патерика – крестьянских писателей.

Урало-Сибирский патерик наряду с другими сочинениями, принадлежащими перу талантливых народных писателей-староверов, рассматривается Н.Д. Зольниковой в соавторстве с Н.Н. Покровским в монографии «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания» (М., 2002). Ее отличают широкий хронологический охват и глубокий анализ источников, найденных в археографических экспедициях новосибирскими и екатеринбургскими исследователями в скитах и других поселениях староверов востока России. Среди введенных в научный оборот источников – постановления соборов наиболее крупного согласия староверов Урала и Сибири – часовенного, догматико-полемические послания, исторические сочинения, эсхатологические трактаты о конечных судьбах мира. Особый интерес представляют сочинения XX в., дающие представление об отражении в народном сознании трагических катаклизмов этого столетия. Изданная более 15 лет тому назад, эта книга по-прежнему остается в поле зрения специалистов.

В течение десяти лет Наталья Дмитриевна преподавала в Новосибирском государственном университете курс отечественной истории XIX в. студентам-историкам гуманитарного факультета. Вела специализацию по истории Русской церкви, под ее руководством защищено более 10 дипломных работ, среди ее учеников – два кандидата наук (А.П. Николаев и Н.А. Мухортова). Она постоянно помогала научной молодежи, строго, но доброжелательно рецензировала труды коллег, консультировала и староверов, часто посещавших ее квартиру.

Большую и важную работу провела Н.Д. Зольникова по подготовке «Исторической энциклопедии Сибири», активно сотрудничала с «Православной энциклопедией», была экспертом Российского гуманитарного научного фонда и Российского научного фонда, членом редколлегии серии «Археология и источниковедение Сибири», входила в совет по защитах докторских диссертаций при Институте истории СО РАН, в редсовет «Вестника Екатеринбургской духовной семинарии».

Ученица, а затем и супруга академика Николая Николаевича Покровского, она посвятила ему последние десятилетия своей жизни, не только заботясь о его здоровье и быте, но и помогая в работе. Его творчеству посвящен ряд последних статей Натальи Дмитриевны, она была членом и душой оргкомитета конференций памяти Н.Н. Покровского, работала и сдала в Государственный архив Новосибирской области его личный фонд.

Н.Д. Зольникову хорошо знали и уважали ученые разных поколений. Соболезнования в связи с ее кончиной поступили из разных научных центров – не только Новосибирска, но и Петербурга, Москвы, Екатеринбургa, Томска, Иркутска и Якутска.

Наталья Дмитриевна была и остается для нас подлинным ученым-подвижником, талантливым исследователем, мужественным и трудолюбивым человеком. Все, кто знал ее, сохраняют о ней светлую память.

Друзья и коллеги

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.